

ПЕРЕХОД

ЭНДРЮ МИЛЛЕР

ОДИН ИЗ САМЫХ УМЕЛЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДУШИ И РАЗУМА ЧЕЛОВЕКА.
THE SUNDAY TIMES

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Переход
Эндрю Д. Миллер

Аннотация
Эндрю Миллер. Переход
Один
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

- 20
- 21
- 22
- 23

Два

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Три

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

Четыре

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Пять

1
2
3
4
5
6
Благодарности

Аннотация

Лауреат премии Costa и финалист Букера Эндрю Миллер написал интригующий роман об одиночестве и тайне человеческой души.

Мод загадочна и отстранена настолько, что всем хочется помочь ей и спасти ее потерянную душу. Тим, филолог и музыкант, тоже западает на таинственную девушку, будущего ученого, чья мечта – исследовать море и его обитателей. Тима и Мод объединяет влечение к воде: они женятся, покупают небольшую подержанную яхту, выходят в море, рожают ребенка.

Но для Мод все это – брак, ребенок, медленный быт – как будто прикрытие. Она не понимает условий мира вокруг нее, а мир не понимает ее желания жить вне привычных конвенций. Когда настанет время понять границы ее внутреннего мира, Мод придется решиться на переход. Но можно ли победить одиночество еще большим одиночеством?

Эндрю Миллер
Переход

Памяти мамы и отчима.
Те, кого любим, вечно странствуют
вместе с нами.

Andrew Miller
The Crossing
Copyright © Andrew Miller 2015
© Грызунова А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Один

Один из возможных путей – относиться серьезно
Лишь к сексу, однако пески шипят, приближаясь
К большому обвалу в то, что случилось.
Джон Эшбери[1]

[1] Примечания: 1

Джон Лоренс Эшбери (р. 1927) — американский поэт-постмодернист; цитируется его поэма «Автопортрет в выпуклом зеркале» (*Self-portrait in a Convex Mirror*, 1975; пер. Я. Пробштейна) из одноименного сборника, за который он в 1976 г. получил Пулитцеровскую премию. — *Здесь и далее примеч. пер. (Переводчик благодарит за поддержку Александра Богдановского и Сергея Максименко.)*

1

Весна ранняя, тысячелетие новое, девушка пятится по яхтенной палубе. Идет медленно, перегнувшись почти вдвое, ковш в левой руке, в правой кастрюля горячей смолы. Из ковша тонкой струйкой заливает смолу в швы, куда вчера весь день стамеской и колотушкой забивала паклю.

Вначале — просто работа.

Яхта стоит на деревянных кильблоках, палуба в двадцати футах над землей — над жесткой плоскостью битого кирпича и бетона, откуда весеннее тепло выманило на свет нежданные кляксы бледных цветочков, запустивших корни в неглубокие жилы почвы. Вокруг верфь, где некогда строили серьезные суда — паромы, угольные баржи, траулеры, а в войну деревянный минный тральщик, — но теперь обслуживают и латают прогулочные лодки: одни на кильблоках, другие у понтонов. Жужжат дрели, бубнят радиоприемники, изредка стучит молоток.

На палубе девушка одна. Перед ремонтом мачту сняли, а весь такелаж вместе со стойками и леерами убрали на хранение. Законопатив один

шов, девушка тотчас принимается за другой. Смола в кастрюле остывает. Остывая — густеет. Скоро надо прерваться, разжечь газовую горелку на камбузе, опять разогреть смолу — но еще не пора.

Ниже, в тени стального корпуса, молодой человек в перчатках, напевая себе под нос, окунает болты в свинцовые белила. Он высок, голубоглаз, аристократичен. Белокурые волосы, издали вроде густые, уже редеют. Имя его — Хенли, но все зовут его Тимом — ему так приятнее. Переспит ли он с девушкой на палубе, пока неясно.

Взяв очередной болт, он прерывает свое занятие, окликает:

— Мод! Мод! О где же ты, Мод? — и, не получив ответа, с улыбкой возвращается к работе. С девушкой он знаком шапочно, но знает, что подтрунивание с ней не пройдет — она даже не понимает, что это значит. Это забавно, это пленительно, безобидный пробел, причуда нрава, одна из тех, что ему любезны, как и прямота ее прямодушного карего взгляда, и кудри, в которых только всплески и недозавитки, потому что стрижется она коротко, под мальчишку, и татуированные буквы на руке (на исподе левого предплечья) — удивляешься, увидев впервые; лю-

бопытно, какие еще сюрпризы она преподнесет. И намек на уилтширский акцент, и как она сосет порез, но не поминает о нем ни словом, и как груди ее не больше персиков и твердые, наверное, как персики. Вчера она стянула с себя свитер, и Тим впервые увидел двухдюймовую полоску голого живота над поясом джинсов, и совершенно внезапно на Тима накатила серьезность.

Оба они состоят в университетском яхтенном клубе. С ними сюда приехали еще двое, но уже возвратились в Бристоль — может, думает Тим, чтоб не мешать, оставить их наедине. Мод, интересно, тоже так думает? Что мизансцена уже выстроена?

Он чует смолу. И душок сладкой речной гнили, и старые сваи, ил, земноводную растительность. Здесь долина затоплена, сломалась под натиском моря, дважды в день вдоль лесистых берегов туда-сюда катит соленая вода — в прилив лижет древесные корни, в отлив оголяет сверкающие ручьи тины глубиной по бедра. Местами, выше по реке, разбросало старые лодки — пусть сами отыскивают обратный путь в никуда: почернелые шпангоуты, почернелые надводные борта, некоторые до того древни и гнилы, будто носили по морям викингов, аргонавтов, первых мужчин

и женщин на Земле. Здесь водятся серебристые чайки, белые цапли, бакланы, имеется местный тюлень — ни с того ни с сего всплывает за бортом, и глаза у него, как у лабрадора. Моря не видно, но оно близко. Два изгиба речного берега, затем гавань, городок, замки на скалах. И открытое море.

Перед эллингом в боксерской стойке под фонтаном голубых искр стоит человек в красном комбинезоне и сварочных очках. У здания администрации прислонился к железному столбу человек в костюме, курит. Тим потягивается — ах-х, восхитительно, — снова поворачивается к своим болтам, к яхте, и тут в воздухе что-то мелькает — взмах перистой тени, точно полоснули шипом по глазам. Вероятно, звук тоже был — не бывает беззвучных ударов, — но если и так, звук затерялся в шуме крови и следа не оставил.

Тим смотрит на ковш, упавший возле кустика белых цветов, — из ковша течет смола. Мод лежит чуть подальше навзничь — руки вверх, голова набок, глаза закрыты. Невероятно, до чего трудно смотреть на нее — на эту девушку, только что погибшую на битом кирпиче; одна туфля на ноге, другая слетела. Тим ужасно ее боится. Обхватывает голову руками в перчатках. Его сейчас стошнит. Он шепотом окликает Мод. И шепчет

что-то еще, например, «твою мать, твою мать, твою мать, твою мать»…

А потом она открывает глаза и садится. Смотрит — если смотрит — прямо вперед, на старый эллинг. Поднимается. Кажется, ей не трудно, не больно, хотя впечатление такое, будто она заново собирает себя из кирпича и цветочков, восстает из собственного праха. Она идет — голая нога, обутая нога, голая, обутая — и делает шагов двенадцать или пятнадцать, а потом вдруг падает — на сей раз ничком.

Сварщик наблюдает все это сквозь черноту очков. Крутит рычаг на газовом баллоне, задирает очки на лоб и срывается с места. Другой человек, тот, что курил перед администрацией, тоже бежит, но не так ловко, словно вообще-то бегать не любит или не хочет прибежать первым. Сварщик падает на колени у головы Мод. Приближает губы к самой земле. Что-то шепчет Мод, два пальца кладет ей на горло. Человек в костюме садится на корточки с другой стороны, точно араб в пустыне; брючины туго обтягивают ляжки. Где-то принимается звонить колокол, пронзительный и неумолчный. Прибегают другие — рабочие в красных комбинезонах, женщина из администрации марины, какой-то человек в лыжных

штанах — наверное, только что сошел с лодки на понтон.

— Не толпитесь! — говорит сварщик. Кто-то, запыхавшись, передает вперед зеленый ящик. Женщина из администрации раза три-четыре повторяет, что вызвала спасателей. Она говорит не «скорую», а «спасателей».

Потом они все замечают Тима — он стоит футах в пятнадцати, точно к воздуху пришпилен. Замечают, хмурятся, снова переводят взгляд на Мод.

2

Ни стоек, ни лееров. Наверное, от смолистых испарений закружилась голова. Издалека слышно, как приближается «скорая». Ей, помимо прочего, надо пересечь реку. Парамедики надевают на Мод шейный корсет, а затем переворачивают, точно драгоценную археологическую находку, ископаемое болотное тело, пепельно-хрупкую сверстницу Христа. Стабилизировав пострадавшую, один парамедик усадил Тима на кузовную ступеньку «скорой» и объяснил, что у Тима шок, но волноваться не надо — с учетом обстоятельств состояние у его подруги удовлетворительное. Ее вывезут из долины на вершину холма, а оттуда заберет вертолет. Вертолет доставит ее в плимутскую больницу. Где-то через полчаса она уже будет там.

Тим очухивается — отпускает дрожь, в башке варится что-то узнаваемое; оказывается, он сидит в администрации марины, кутаясь в шотландский плед. Цветы в горшках, картотечные шкафы, речные карты. Выцветший плакат с яхтой — яхта старая, гоночная, с избыточной парусностью, дюжина матросов болтают ногами на наветрен-

ном борту. Женщина, которая вызвала «скорую», вполголоса беседует с мужчиной в костюме. Приносит Тиму кружку чаю. Чай обжигающе горяч и сладок непереносимо. Тим отпивает, затем встает и складывает плед. Не сразу отмахивается от подозрения, что и сам пострадал, что у него травма, надо найти ее и осмотреть. Благодарит мужчину и женщину (вежливый какой — ну еще бы, эти частные школы!), идет на стоянку к своей старой «лянче» и едет в Плимут.

Приезжает в глубоких сумерках. Пожалуй, за всю жизнь не бывал в заведениях ужаснее этой больницы. Отделения травматологии не найдешь. На некоторое время Тим застревает в дверях ярко освещенного коридора урогенитального отделения, но затем дежурный интересуется, все ли с Тимом хорошо, и показывает, куда идти — по тропинке меж кустов до стоянки, где у широких, подбитых резиной дверей сгрудились машины «скорой помощи».

Женщина за стеклом регистратуры осведомляется, кем он приходится Мод, и после паузы Тим отвечает, что другом. О диагнозе Мод, ее состоянии женщина сообщать не желает. Может, она и не в курсе. Тим сидит в приемной на потертой красной банкетке. Рядом пожилая пара. Видок

у них — словно только что сбежали из-под бомбежки; так, во всяком случае, Тим воображает подобных людей. Проходит полчаса. Он опять идет в регистратуру. Женщину сменила другая женщина. Эта дружелюбнее.

— Минуту, — говорит она. Звонит на сестринский пост — это где-то далеко за распашными дверями. — Стэмп, — говорит она. — Днем доставили вертолетом. — Слушает, кивает. Говорит: — Да. Ясно… Да… Да… Друг… да… поняла… Спасибо. — Кладет трубку. Улыбается Тиму.

Мод лежит в больнице трое суток. Первую ночь — в реанимации, потом ее переводят в отделение, в старый больничный корпус. Из окна не видно моря, но виден свет моря. В палате еще десять женщин, одна за ширмой — голосок детский и такое ожирение, что она никому не показывается на глаза.

По звонку врача из Суиндона приезжают родители Мод. Оба — школьные учителя, занятые люди. Привозят пакет драже в шоколаде и журналы, откуда уже аккуратно вырезаны (и, наверное, запечатаны в пластик на ламинаторе в кухне) кое-какие картинки — изображения предметов, иллюстрации человеческих состояний: обычно школьные учителя такие вещи и преподают.

Мать называет ее Моди, отец протирает очки. Посреди разговора Мод засыпает. Родители смотрят на нее — восковое лицо на подушке, бинтовая шапка на голове. Озираются — ищут какого-нибудь невозмутимого медика, пусть за все отвечает он.

Из больницы Мод выходит на костылях, с ногой в гипсе. Тим везет ее назад в Бристоль. Он три ночи провел в гостинице возле доков, где по жарким коридорам бродили китайские моряки в одних трусах — расхаживали размашисто из номера в номер, все двери нараспашку, на кроватях валяются мужики, курят и смотрят телик.

Костыли Тим убирает в багажник. Мод очень молчалива. Он спрашивает, не включить ли радио, и она отвечает, что как угодно. Он интересуется, больно ли ей. Спрашивает, помнит ли она что-нибудь. Извиняется, а когда она уточняет, за что, говорит, что не знает. Но все равно прости. Жалко, что так вышло.

У нее квартира на Вудленд-роуд, неподалеку от биофака, где она учится в магистратуре. Живет там по крайней мере полгода, но Тиму, когда он следом за ней поднимается по лестнице, квартира кажется нежилой. У Тима есть сестры, двойняшки, и некоторые представления о том,

как живут девочки, — ароматические свечи над камином, вешалки с платьями на дверях, покрывала, пледы, фотографии в рамочках-сердечках. У Мод — ничего подобного. В тесной прихожей выстроились две пары кроссовок и пара туристических ботинок. Мебель в гостиной — трех оттенков коричневого. На стенах — ни единой картинки. Уличный свет сочится через большое окно на ковер — из тех ковров, что снесут любое надругательство. Все очень опрятно. Пахнет разве что нутром здания.

Мод садится в кресло, костыли кладет на пол. Тим заваривает ей чай, хотя молока в холодильнике нет. Она бледна. Обессилена. Он говорит, что ему, пожалуй, лучше переночевать тут на диване, если, конечно, ей больше некого позвать.

— Тебе не положено оставаться одной, — говорит он. — Особенно в первые сутки. В памятке так написано.

— Со мной все хорошо, — говорит она, а он:

— Ну, вообще-то, наверное, нет. Пока еще.

В кухонных шкафах шаром покати. Он бежит в магазин. В супермаркете размышляет, не пользуется ли ее слабостью — может, никакой он не услужливый друг, а, наоборот, манипулятор и коварная сволочь. Эта мысль корней не пускает.

Тим набивает корзину продуктами, расплачивается, идет назад, и городской ветер бьет ему в лицо.

Он готовит сырное суфле. Готовит он хорошо, суфле легкое и аппетитное. Мод благодарит, съедает три вилки. Засыпает сидя в кресле. Чуточку скучно, чуточку смутно. Когда Мод просыпается, они час смотрят телевизор, потом она уходит в спальню. Тим моет посуду, лежит без сна на диване, укрывшись пальто. Хорошо бы найти ее тайный дневник, прочесть ее тайные мысли. Ее сексуальные фантазии, ее страх одиночества, ее планы. Дневник-то у нее есть? Его сестры ведут дневники, пишут тома, в основном в тетрадки с замочками, но Мод, несомненно, дневника не ведет, а если б и вела, не писала бы про сексуальные фантазии, про страх одиночества. Сквозь сетку на окне видна размазанная луна, а когда Тим закрывает глаза, перед глазами, точно сигаретный дым, плавают китайцы.

Он просыпается оттого, что Мод рвет. Она добралась до ванной; дверь открыта, горит свет — холодный свет. Тим видит Мод со спины — в ночной рубашке, склонилась над розовой раковиной. Вытошнить ей толком нечего. Он топчется в дверях на случай, если придется ее ловить, но

она вцепилась в краны, держится.

До Королевской больницы пять минут езды — тем более среди ночи. Мод тут же кладут, увозят в кресле-каталке. Тим не успевает ни попрощаться, ни пожелать удачи.

Приезжает наутро, и ему говорят, что она в палате Элизабет Фрай[2], пятый этаж, окна на фасаде. Тим поднимается по лестницам, по широким зеленым ступеням, на каждой площадке окно, Тим восходит, и город раскрывается перед ним, распахивается множественными городами, целыми, кажется, десятками городов, и каждый обертывает костяк того, из которого вырос. Поначалу Мод никак не найдешь. Пациенты в койках, в пижамах — все будто на одно лицо, странно. Тим бредет вдоль изножий и наконец обнаруживает ее в палате с пятью другими пациентками; имя и дата госпитализации значатся на белой доске у Мод над головой.

К ней уже кто-то пришел — женщина, длинные седые волосы распущены, ступни крупные, туфли леопардовой расцветки на острых невысоких каблуках. Она нежно держит Мод за руку и не

[2] Примечания: 2

Элизабет Фрай (1780–1845) — английская квакерша, благотворительница, общественный реформатор, более всего известна своей работой по реформированию английских тюрем.

отпускает, обернувшись к Тиму.

— Она спит, — говорит женщина. — С тех пор как я пришла.

— Но она ничего?

— Насколько я понимаю.

— Ей, наверное, это нужно.

— Спать?

— Да.

— Так, — отвечает женщина, — безусловно, принято говорить. — Акцент у нее северный — центральные графства, северные центральные графства, где-то там. Тим неважно знает центральные графства.

— Я Тим, — представляется он. — Тим Рэтбоун.

— Сьюзен Кимбер, — говорит женщина. — Я преподаю у Мод в университете. Она мне утром позвонила. У нее после обеда была назначена учебная консультация.

— Она вам позвонила?

— Она у нас сознательная. И у них тут есть телефон на колесиках.

— Я ее привез ночью, — говорит Тим. — Ей стало плохо.

— Хорошо, что вы были рядом.

— Да. Видимо.

— Вы ее друг.

— Да.

— По университету?

— Я окончил в позапрошлом году. Филолог.

— Три года читали романы, значит.

— В основном я читал *про* романы, — отвечает Тим. — Но это как-то вяло по сравнению с тем, чем вы с ней занимаетесь.

— Да не то чтобы, — говорит профессор. — А если и так, в этом, видимо, и суть.

— Я бы лучше занимался музыкой. Зря не занялся.

— Играете?

— Гитара. На фортепиано слегка. В основном гитара.

— А, — говорит профессор, и лицо ее слегка смягчается. — Это вы, значит, гитарист.

— Да. Она про меня говорила?

— Я своих студентов допрашиваю беспощадно, особенно насчет личной жизни. Само собой, Мод сначала пришлось объяснять, что у нее есть личная жизнь. В смысле, нечто между работой и сном. О чем можно поговорить.

Оба поворачиваются к койке, к спящей девушке.

— Вы близко знакомы? — спрашивает профессор.

— Пару раз выходили на университетской яхте. Раз я устраивал концерт — она пришла. На обеде в церкви. В конце Парк-стрит.

— Она вам нравится.

— Да.

— Хотите ей помочь.

— Помочь?

— Спасти ее. Тут вы, боюсь, не одиноки. Вокруг нее люди мотыльками вьются, хотя, по-моему, она этого не поощряет. И мальчики, и девочки. Наверное, такие у нее феромоны.

Тим кивает. Непонятно, что тут ответить. Профессор теперь напоминает его мать, хотя явно трезва.

— По телефону, — говорит она, — Мод сказала, что упала с палубы. Надо думать, не в море.

— Яхта стояла на верфи. Мод упала на кирпичи. Футов с двадцати.

— А потом?

— Что потом?

— Вы же видели? Что было потом?

Тим хмурится. По неведомой причине — по ряду причин — он не проигрывал в голове следующие полминуты. Помолчав — перед глазами картинки, словно череда портретов в галерее: сварщик под этим ливнем искр, курящий чело-

век в костюме, и какая-то белая птица, чайка или даже цапля, распахнула крылья в символичном полете над кудрями древесных крон, — он говорит:

— Она встала. И пошла.

Профессор улыбается.

— Да, — говорит она. — Да. Узнаю нашу Мод.

Тим опять выводит Мод из больницы. Ему выдали новую памятку. Мод раскачивается на костылях подле него. В небе — хохолки маленьких, совершенно белых облачков.

Он снова идет в магазин, кормит Мод омлетом с травами и импортным листовым салатом. Она доедает все, хлебом вытирает тарелку начисто.

Он говорит, что поиграет ей, если она хочет, а когда она соглашается или же не отказывается, он едет на «лянче» к себе на квартиру в высоком белом доме над рекой — там несколько таких домов, — откуда виден висячий мост с одной стороны, а с другой — старый таможенный пакгауз. Квартиру Тим снимает с одним испанцем, который круглосуточно работает в ресторане — в двух ресторанах, минимум в двух. Тимова доля оплачивается из семейных денежных потоков, из трастовых фондов — эхо давнего труда, — которые учредили его бабушка с дедушкой; доход

у Тима не более чем скромный, но на это — на квартиру в белом доме, на просторы за окном — хватает.

На кушетке под окном спит испанская подруга испанца. Нос у нее — точно акулий плавник, а иссиня-черные волосы до того густы, что стричь можно разве что секатором. Тим на цыпочках прокрадывается к себе, выбирает гитару, укладывает в футляр, защелкивает его и возвращается к Мод.

Она приняла душ, переоделась. Волосы еще влажные. Он спрашивает, получше ли ей, она отвечает, что получше. Они пьют чай (он купил молока). Она полчаса читает том под названием «Медицинская физиология (2-е издание)», хотя глаза у нее порой закрываются, а книга грозит выпасть из рук. Подступает вечер; Тим достает гитару, предъявляет Мод. Говорит, что это реплика гитары Рене Лакота, что Лакот был прославленным гитарным мастером девятнадцатого века. Это клен, а дека еловая. Он показывает абалоновую розетку, ромбы и полумесяцы на головке грифа. Говорит, что вообще-то у него есть оригинальный «Лакот» — купил на аукционе пару лет назад. Хранится у родителей. У родителей хитроумная система безопасности. Тим смеется,

включает единственную в комнате лампу и садится на свету.

Он играет, она слушает. Можно даже вообразить, будто так и устроено их совместное будущее. Один короткий этюд Фернандо Сора[3] она просит повторить. Гитара звучит легче современных. Ясно, нежно — этот инструмент словно нарочно придуман, чтобы баюкать детей.

В десять Мод воздвигается на здоровую ногу, идет готовиться ко сну. Выходит из ванной в ночной рубашке, висит на костылях. Тим раздумывает, что бы такого сказать — можно, к примеру, опять процитировать больничную памятку, — но первой заговаривает Мод:

— Можешь спать у меня.

— Ладно, — отвечает он. — С тобой?

— Без секса, — говорит она.

— Конечно, — отвечает он. И затем весомее: — Конечно, без.

Не то чтобы кровать в спальне велика — не полноценная двуспальная. Мод забирается под одеяло, Тим скидывает одежду, остается в футболке и боксерах. Ложится рядом. Мод, несмотря на душ, пахнет больницей, а когда тянется к выклю-

[3] Примечания: 3

Фернандо Сор (Хозе Ферран Сор-и-Мунтадес; 1778–1839) — испанский композитор, классический гитарист-виртуоз.

чателю, Тим видит больничный браслет у нее на запястье. Она лежит к Тиму спиной. Вокруг раны на затылке выбрита проплешинка. Они не разговаривают. У Тима эрекция, и ясно, что это на много часов, и он слегка отодвигается, чтобы Мод не почувствовала. Он слушает, как она дышит, и как будто улавливает миг, когда ее дыхание сбивается на ритм сна. Он хочет бодрствовать всю ночь, ему кажется, что так и выйдет, что выбора нет, но ее тепло проникает в него снотворным; он открывает глаза, а комната уже разбавлена зарей. Мод по-прежнему рядом — поломанная девушка, необычайная. Они пролежали всю ночь, как два камня на дороге. Тим кладет руку ей на плечо. Мод шевелится, но продолжает спать. Во сне ее ночная рубашка слегка задралась, и его правое колено касается ее левого бедра, кожа к коже. Время от времени снаружи — мимоходный автомобильный гул.

Так Тим за ней и ухаживал.

3

Мод ненадолго одна, сидит в постели, голая, как яйцо, ступня в гипсе, ни часов, ни браслетов, никаких украшений, кожа подсвечена древним городом, подразумеваемым за окном.

Спальня ее — где ничего лишнего, как и во всей квартире, — обогревается электрическим и, вероятно, пожароопасным масляным радиатором, который напитывает теплом только восходящие потоки воздуха вблизи своих серых плавников. Мод хорошо переносит холод. Столько часов на шлюпке в галечных прудах, на Темзе, у морского побережья. Мокрые шорты, мокрые ноги. И все прочее: отбитые пальцы на ногах, на ладонях ожоги от канатов, парус отвешивает оплеуху, на бедре пионом расцветает синяк — поскользнулась на водорослях в эллинге.

В школе она ходила в секцию дзюдо. Занятия проходили в стальной хижине Ниссена на территории школы для мальчиков через дорогу. Вентиляции там не наблюдалось, окошки запотевали и текли зимой и летом. Тренер был немолодой мужик по фамилии Ролинз, некогда европейский чемпион, но на памяти Мод уже

полуинвалид, на тренировках безостановочно курил, руки огромные, красные, смертоносные. И как же там воняло. Бум-бум-бум, говорили тела, падая на маты. Как осуществить захват, как поставить ноги. Равновесие — твой секрет, а противник угадывает его, улавливает. Ролинз видел, как Мод не уступает, не боится девчонок крупнее себя, никогда не сдается, даже если разумнее сдаться. Одно время подозревал в ней эту ненормальность, без которой в боевых искусствах никуда. Она напоминала Ролинзу собаку — была у него собака, погибла под машиной, порой он эту псину вспоминал. Когда Мод вывихнула палец при *тай-отоси*[4], спросил, не вправить ли ей вывих прямо тут, на мате. То было очередное испытание. У Ролинза все было испытанием — так он проверял, кто ты есть. Она кивнула. Он взял ее белую руку своими красными, и за пеленой дыма зажатой в зубах сигареты глаза его были безумны. Ты только гляди на меня, сказал он, гляди на старика Ролинза, и она послушно глядела, а его большие пальцы нащупывали сустав.

Тим окликает ее из-за двери:
— Ты там как, Мод?

---

[4] Примечания: 4
Передняя подножка (*яп.*).

— Нормально, — отвечает она.

— Войти можно?

— Да.

Он открывает дверь.

— Уй-й, господи, — говорит он. — Прости, пожалуйста.

Он краснеет, она нет. Проходит несколько секунд.

— Я тут побуду, — говорит он.

4

В июле едут к его родителям. Выясняется, что росли в сотне миль друг от друга, в соседних графствах, только она в доме ленточной застройки — полупромышленный город, транспортный узел, — а он средь широких полей, конюшен, рощ и лужаек. (Охотники пересекают земли его родителей за двадцать минут — череда ало-черных всадников, грязь из-под копыт — шрапнелью.)

Машина скачет по подъездной дороге. Грядет летний прием у Рэтбоунов, и во дворе уже непринужденно приткнулись четыре автомобиля, больших и заляпанных. Всю дорогу от Бристоля Тим рассказывал о своей семье. Чем ближе к дому, тем яснее ему становилось, что Мод с ними не поладит, не полюбит их, решит, что они чудны́е, трудные. Неприятные.

— Ты потом и говорить со мной не захочешь, — пророчит он. Затем: — Пожалуйста, груби сколько хочешь. — И наконец, решительно: — Они даже не заметят.

В прихожей — если это она, комната (с отдельным камином) расположена за парадной дверью (если это парадная дверь) — собака носом ты-

чется Мод в промежность, а собачки поменьше грызут ее туфли. Старые газеты, поводки, два десятка шляп, от соломенных канотье до вощеных кепок. Вощеные куртки, ряды перевернутых сапог в галошнице, к окну прислонился стек. В хрустальной вазе дюжина патронов с медными донцами — словно кто-то высыпал мелкую монету из кармана.

Между прихожей и кухней — другие комнаты, которым дарована свобода попросту быть комнатами. Собачьи корзинки, кресла, стол на вид еще старше дома. Из кресла за Тимом и Мод следят бельма очень дряхлого пса. Мать Тима в кухне. Возится с мукой и жиром, погрузила руки в стеклянную чашу. Высокая женщина, волосы хинные, тугая коса, французская. Платье цветастое, лакированные сапоги на шнуровке, мясницкий передник. Она подставляет Тиму щеку, улыбается Мод.

— У меня руки холодные, — говорит она. — Для выпечки самое оно.

Появляются дети — два мальчика и девочка, самому старшему лет восемь. Они гоняются друг за другом, но при виде Мод внезапно берут себя в руки. Девочка протягивает ей ладошку:

— Я Молли. Это Иш, а это Билли. Вы подруга

Тима?

Приходят их родители — Тимов брат Магнус и его жена, бывшая модель.

— Время пить джин? — осведомляется брат.

Они с Тимом хлопают друг друга по плечам. Магнус смотрит на Мод, поздравляет с благополучным прибытием в дурдом. За кухонным окном на ослепительной лужайке две девочки с тяжелыми косами играют в крокет. Молотками орудуют без малейшего изящества. Над кошеной травой свистят шары.

Выясняется, что и впрямь время пить джин. Магнус двадцать минут готовит напитки, режет лаймы, дробит лед в чистом кухонном полотенце, отмеряет, перемешивает.

Пес с занавешенными глазами взобрался на скамью и грызет печенье, украденное с блюда. Гримаса у него при этом — как у мученика на полотне религиозной тематики.

Заслышав аэроплан — тоненькое жужжание, — дети высыпают на улицу. Следом Тим выводит Мод. Все идут к конюшням. Аэроплан исчез, но внезапно появляется вновь, в тридцати футах над дорогой, скользит над верхушками деревьев, затем над изгородями. Жена Магнуса созывает детей, но голоса не слышно. Они бегут к полю за

конюшнями, машут. Аэроплан мягко падает на траву, подскакивает, выравнивается, тормозит и с разворотом катит к конюшням. Крошечный самолетик, серебристый и трепетливый. Останавливается неподалеку от толпы взрослых и детей. Дверца распахивается, из кабины выкарабкивается крупный человек.

— Сколько баллов за посадку? — кричит он.

Тим говорит Мод:

— Познакомься с папой.

Обед долог, шумен. У всей семьи манеры за гранью манер. Блюда вкусны, искусны. Вино в графине, пестрая коллекция хрустальных бокалов. Мод посадили рядом с отцом Тима. Мистер Рэтбоун, говорит она, а он отвечает, что сойдет и Питер, или мне что, звать вас мисс Стэмп? У него красные вельветовые штаны, густой венец седых волос, обветренное и безупречно выбритое лицо, а голос словно бездонный и с легкостью заглушает все прочие голоса. Утром он пролетал над Солсберийским собором и гордится тем, что порожден нацией, которая его построила. Вроде была, говорит, такая королева, которую звали

Мод, нет? Вышла за кого-то из Плантагенетов[5]. Он расспрашивает ее о работе в университете, об исследованиях. Она рассказывает — старается, впрочем, покороче. Заживление патологических повреждений, восстановление тканей, особенно у пожилых.

— В смысле — как я?

— Старше, — говорит она.

— И то хлеб.

Она говорит о нарушениях передачи эстрогенного сигнала, и Тимов отец, похоже, понимает, о чем речь. Он рассказывает, что служил в армии, а с тех пор много чего почитывает, возится в мастерских, пилотом вот заделался. Спрашивает о несчастном случае. История падения Мод изложена уже раза три-четыре. Особенно детям нравится. Гипс сняли на прошлой неделе.

— А шрамы остались? — интересуется бывшая модель.

— Парочка, — отвечает Мод.

— И вот про это расскажи-ка, — говорит Тимов отец и обеими руками, решительно не похожими

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду императрица Матильда (она же Мод, 1102–1167), дочь и наследница короля Генриха I, вторым браком вышедшая замуж за Жоффруа (Готфрида) V Плантагенета, графа Анжуйского, и родившая от него будущего короля Генриха II, первого английского короля из династии Плантагенетов.

на руки сына, берет ее за левый локоть. На шее у него болтаются очки на шнурке. Он их надевает, читает буквы на предплечье (набивали четыре часа, два сеанса, рука на мягком подлокотнике вся в крови).

– *Sauve… qui… peut. Sauve qui peut?*

— Каждый за себя, — поясняет Магнус, подливая себе в бокал.

— Вряд ли прямо дословно, — возражает Тим. — Как там, Мод?

— Да, блин, вот ровно так[6], — говорит его брат.

— Все лучше, — замечает мистер Рэтбоун, — чем руны или ахинея какая на маорийском. Хоть смысл есть.

— То есть, — продолжает Магнус, — можно было набить и *Arbeit Macht Frei*[7]. Тоже есть смысл.

— Не дури, Мэгз, — отвечает его отец.

Одна двойняшка объявляет:

— А у нас в школе есть девочка — она набьет себе Песнь песней спиралью вокруг пупка.

---

[6] Примечания: 6

Sauve qui peut (фр.) — букв.: спасайся кто может (*фр.*).

[7] Примечания: 7

«Труд освобождает» (*нем.*) — название романа (1873) немецкого писателя Лоренца Дифенбаха о том, как мошенники и игроки встают на путь исправления; эту фразу помещали над воротами ряда нацистских концлагерей — Освенцима, Терезиенштадта, Заксенхаузена и др.

— Ничего не набьет, — говорит другая.

— Но, Мод, ты, когда делала татуировку, понимала, что это значит? — спрашивает мать Тима.

— Ну мам, — говорит Тим.

Она улыбается:

— Я же просто спросила, миленький.

Их селят в гостевой комнате наверху, в западном крыле. Комнату иногда называют голубой — потому что такие обои — или китайской — потому что между окон на стене висит свиток в рамке. Они несут туда багаж. Послеполуденного солнца в комнате — до краев. Тим выпускает на волю муху, которая сражается с оконным стеклом.

— Дети уже тебя полюбили, — говорит он.

— Они меня не знают, — отвечает она.

Он подходит к ней сзади, обнимает.

— Сколько нужно быть знакомым, чтобы полюбить?

— Больше, чем одно утро.

— А тебе хоть кто-нибудь понравился?

— Конечно.

— А кто конкретно?

— Твой отец?

— В детстве, — говорит Тим, — я перед ним робел. О нем все так говорили, будто он Господь Бог.

Но ты поосторожнее. Я помню, как мы все прятались за диваном, с мамой вместе, а папа ходил по комнатам, нас искал. И это была не игра. — Он обнимает ее крепче, прижимает к себе. — И вообще, через час они все напьются, — прибавляет он.

Долгие сумерки, сине-фиолетовые, сине-пурпурные. Все бродят туда-сюда через французские окна. Пьют джин из синей бутылки. Дети гоняются за собаками меж крокетных воротец. Мать Тима обсуждает свет, и как он прелестен, и как он берет и все собой *окутывает*, у нее заплетается язык, выступают слезы, и она теребит подол платья. Тимов отец объясняет Мод, что сумерек бывает трое.

— Это, — фыркает он, — гражданские. Потом будут морские.

Сине-фиолетовые, сине-пурпурные. Двойняшки, облачив широкие зады в светлые джодпуры, на коленках стоят посреди лужайки и в задумчивости дерут подровненную траву. Магнус кривится, трагически скучая. Его жена в собственноручно сшитом платье удаляется за детьми.

Ужинать садятся ближе к одиннадцати и едой особо не интересуются. Мать Тима поплакала и успокоилась, а теперь очень тщательно выговаривает слова. Вяло ковыряют еду, затем

отодвигают. Утром кто-то придет. Наведет здесь порядок.

Все семейство рассеивается. Тим за руку ведет Мод через дверь, в коридор, к лесенке. Там обитая железом дверь, сбоку кнопочная панель. Здесь у нас, поясняет Тим, сокровищница. Он смеется, набирая код, говорит, что это вроде погребальной камеры в пирамиде. Внутри ощутимо прохладнее, чем в других комнатах. Стены побелены, вдоль стен — полки и горки. Окон нет.

Тим показывает Мод то и се.

— Я даже не знаю, сколько это все стоит, — говорит он.

Громоздкие викторианские украшения. Миниатюра с ладонь, приписываемая Озайасу Хамфри[8], — портрет рыжеволосой девушки. Первое издание «Белой птички» Дж. М. Барри[9] (с посвящением «прелестной малютке Лилли Рэтбоун»). Папка с акварельными набросками

---

[8] Примечания: 8

Озайас Хамфри (1742–1810) — английский художник-миниатюрист, портретист; в 1792–1797 гг. — придворный рисовальщик Георга III.

[9] Примечания: 9

«Белая птичка» (*The Little White Bird,* 1902) — социальная комедия английского писателя Джеймса Мэттью Барри; фрагмент из этого романа был впоследствии издан под названием «Питер Пэн в Кенсингтонском саду» и положил начало истории Питера Пэна.

Альфреда Даунинга Фриппа[10] — в основном дети у моря. Заводной граммофон, револьвер уэбли, с которым кто-то из предков побывал во второй битве при Ипре. Резная ритуальная маска из какой-то Центральной Африки, темное лакированное дерево — артефакт словно глаголет на мертвом или навеки утраченном языке, но сам не мертв, отнюдь не мертв. Тим прикладывает маску к лицу, помахивает револьвером.

— К тебе или ко мне? — говорит он, из-под дерева глухо.

На низкой полке в сморщенном буром футляре — гитара. Тим достает ее и, секунду помявшись, вручает Мод.

«Lacôte, Luthier, Paris 1842. Breveté Du Roi»[11]. Гитара в почти безупречном состоянии. Внезапно легка, плавуча. Вокруг розетки — черепаховый узор, инкрустация золотом и жемчугом. Мод возвращает гитару Тиму. Тот садится на табурет и принимается настраивать на слух.

— Старые гитары, — говорит он, — необяза-

---

[10] Примечания: 10

Альфред Даунинг Фрипп (1822–1895) — английский художник, писавший акварели на деревенские темы.

[11] Примечания: 11

«Струнных дел мастер Лакот, Париж, 1842 г. Королевский патент» (*фр.*).

тельно лучше с возрастом. Большинство уже не строят. А вот эта — другое дело. — Он пробегает пальцами по струнам, берет аккорд, подкручивает колки. Начинает что-то играть — какой-то танец, пятнадцать-двадцать тактов. — Акустика здесь ни к черту, — говорит он. — Но ты поняла.

А у нее дома — у ее родителей — ламинатор, телевизор, материно обручальное кольцо. Расписные тарелки на стене в гостиной. Книжки в мягких обложках.

— Почему она лежит здесь? — спрашивает Мод. — Это как купить яхту и не спускать ее на воду.

— Она немногим дешевле яхты, — отвечает Тим. — А украсть гораздо проще.

Прячет гитару в футляр, ставит футляр на полку, оборачивается — а Мод так глядит на африканскую маску, словно маска глядит на нее в ответ. Тим ничего подобного раньше не видел. Он не станет об этом думать.

Сокровищница снова заперта, запечатана, вновь включена сигнализация, и они вдвоем крадутся по дому. Свет горит не везде, час поздний. Вокруг ни души. Тим открывает двери, показывает Мод пустые комнаты. В каждой свой запах. В салоне — дорогая кожа и цветы; в малом салоне

— последний огонь прошлой зимы в камине. Кабинет пахнет спящей псиной. Музыкальная комната — пчелиным воском, втертым в черное дерево фортепиано. Все сплошь уставлено фотографиями детей и собак. Кажется, Тим и Мод ложатся последними, одни во всем доме не спят, но наверху, когда она с несессером отыскивает ближайшую ванную, там горит свет и течет вода в душе. Мод сидит на приступке под дверью напротив и ждет. Душ выключается, и минуту спустя из ванной выходит Магнус с полотенцем на бедрах. За ужином, подливая Мод в бокал хорошее вино, он рассказал — тоном, каким в иных обстоятельствах передают секретные финансовые сведения:

— У нас такая семейка — все или ничего. Мы тут пленных не берем.

Теперь же, увидев Мод на приступке, он улыбается, сдергивает полотенце, потом снова медленно в него заворачивается и шлепает прочь по коридору.

— Спокойной ночи, — окликает он через плечо. — Смешная девчонка.

В голубой, в китайской комнате в час ночи Тим горбится над Мод, будто споткнулся, будто ждет, что его сейчас высекут. Раз в несколько

секунд в остервенении делает тряский выпад, погружается в нее, слегка отступает. Пять недель они любовники. Всякий раз Тим хочет довести ее до исступления и всякий раз доходит до исступления сам. Ахи, придушенные вскрики — это все он. У Мод лишь чуть-чуть густеет дыхание. А с другими мужчинами она кричала? Он психует: вдруг он делает что-то не то? Может, тут нужен, к примеру, бешеный натиск, а не этот неспешный переменный секс, который теперь, когда Тиму двадцать шесть, похоже, сложился в его сексуальный нрав, его сексуальную судьбу.

Он не пересказал Мод, что профессор Кимбер говорила в палате про вьющихся мотыльков. Сам не понимает, много ли хочет знать. Мод их не поощряла — это значит, не откликалась? Или это значит, что поощрять было незачем, что им хватало Мод самой по себе? Есть в ней это свойство, которому Тим пока не подобрал названия, но кроется оно, похоже, в ее взгляде — нечто не прорисованное, ранимое, подспудно бесстыжее; не исключено, что всяким другим людям, кому достанет прямодушия, достанет смелости, оно намекает, что Мод попросту ляжет — и пожалуйста, пусть они делают что хотят.

Что он отыскал? Кого отыскал? Мудро ли ее

любить?

Тьма в комнате не беспросветна. Из коридора под дверь сочится электричество, и в воздухе разбросаны огоньки — излучение летних ночей, точно море фосфоресцирует. Глаза у Мод закрыты, руки покойно закинуты за голову. *Sauve qui peut* — прямоугольник теней на бледно мерцающем предплечье.

Тим меняет ритм. Старая кровать дребезжит. Что любопытно, все это отчасти напоминает детскую игру. Он целует Мод в шею, и она подается к нему бедрами. Чересчур. На нем презерватив, но он чувствует, как ее затопляет, добивает до самого ее кровотока, затопляет ее. Он лицом тычется ей в плечо и ненадолго слепнет, стирается. На краткие отрадные мгновения всему миру опора — лишь чириканье ночной птицы в зарослях у ручья. Затем комната складывается вновь. Мод просовывает руку между ними, касается ободка презерватива. Это значит — за последний месяц они научились читать сексуальные пантомимы друг друга, — что надо выйти из нее, и поаккуратнее. Тим встает на колени. Она перекатывается и садится на краю постели. Так и сидит, глядя в незанавешенное окно, затем ребрами ладоней отирает пот из-под грудей.

5

Ночной переход на университетской яхте до Иль-де-Бреа. Двадцать четыре часа, если ветер попутный, курс как можно южнее, поперек морских путей, подойти к маякам Паон или Эо-де-Бреа, пробраться меж течений.

Их шестеро — трое юношей, три девушки. Опытом практически неразличимы, хотя кое-кому, как Мод, понятнее про шлюпки, чем про яхты, проще работать с парусами и ветром, чем прокладывать курс и расчислять кривые приливов. Согласно правилам клуба, они (в бристольском пабе) назначили капитана. Выбирали голосованием, на сигаретных бумажках написали имена, бумажки свернули и кинули в чистую пепельницу. Тим выиграл, получив на один голос больше прочих, и пообещал сечь всех за малейшие нарушения дисциплины. Мод получила два голоса, один из них Тимов. А она за него голосовала? Он знает, что за него не голосовали двое, и ему проще считать, что ее среди них не было.

Они отчаливают поутру с отливом. Ветер западный, три-четыре балла, яхта движется величаво, крена как раз хватает, чтобы карандаш на штур-

манском столике медленно скатывался в сторону подветренного борта. На выходе из убежища залива яхту встречают поперечные течения, на полях зеленой воды — щетина коротких волн, и они мелко трясут корпус, плюются брызгами, что темнеют на деревянной палубе. Но это простейший переход, наиприятнейший. Летний воздух, тень яхты черным шелком струится под самой поверхностью воды, команда свежа, свежелика, прогноз превосходный. После обеда ветер сдвигается к югу. Приходит шквал с дождем, и они наблюдают его приближение за много миль, а после вся лодка блестит и истекает влагой. Англия исчезает в мути за кормой, а когда непогоду сдувает прочь, снова проступает замечательно четкой зеленью.

В последний час дневного света они готовят на ужин *chili con carne* (одинокому вегетарианцу достается *chili sin carne*[12]), выпивают по бокалу вина, кружками глотают кофе. Включают навигационные огни и заступают на вахту. Еще через час они окажутся на морских путях, где ходят суда водоизмещением пятьдесят тысяч тонн, сто тысяч, и некоторые так быстроходны, что огни

---

[12] Примечания: 12
Чили с мясом… чили без мяса (*исп.*).

на далеком горизонте могут надвинуться на яхту через каких-то пятнадцать минут. По слухам общеизвестно, что суда эти ходят вслепую или почти вслепую, разве что кто-нибудь дремлет на полутемном мостике в шестидесяти метрах над водой.

Без десяти три ночи Тима и Мод будят на вахту, и оба выныривают из мелководья сна в яхтенную жизнь, в накрененный мир. Сдающий вахту приготовил им попить горячего. Кто-то, забавляясь, называет Тима шкипером. Ла-Манш на штурманском столике под красной лампой придавлен свинцовыми пресс-папье в коже. Тонкие линии размечают движение яхты. Последняя отметка — в тридцати милях к западу от Джерси. Мод в кокпите встает к румпелю. Тим выходит вперед — вести наблюдение. Впереди по правому борту — груда огней ролкера; по другому борту что-то маленькое — траулер, наверное, судя по странным огням. Тим наблюдает, проверяет, как меняется пеленг, потом возвращается в кокпит.

— Нормально? — спрашивает он.

— Нормально, — отвечает Мод.

На ней синяя куртка «Хелли Хансен», джинсы, резиновые сапоги.

— Тебе надо шапку, — говорит Тим и тычет

пальцем в свою.

Лицо Мод омыто подсветкой нактоуза — потусторонним светом. Мод тянет шею, глядит на грот — голубино-сизый призрак грота под топовым огнем. Уваливается под ветер, снова приводит яхту к ветру на румб, держит курс. Тим на полоборота лебедки набивает стаксель-шкот. Ролкер уже идет мимо. Тим, кажется, слышит рев его машины. Может, и впрямь.

— Если повернуть вправо, — говорит Тим, — можно доплыть до Америки.

Мод кивает. Сосредоточена.

— Ты бы хотела?

— Да, — говорит она.

— Вот и славно, — говорит он. — Сбегаю вниз, перережу им там глотки.

— Ладно, — говорит она.

— Поможешь потом сбросить трупы за борт?

— Ладно.

— Или хочешь *сама* им глотки перерезать?

— Ты ведешь наблюдение?

Он тянет руку, касается холодной ткани ее джинсов.

— Ладно, — говорит он. — Я буду паинькой.

Каждые двадцать минут они меняются: один к румпелю, другой на решетчатую банку у под-

ветренного борта под гротом. Самому страшно, до чего охота говорить с ней, притягивать ее внимание. От любви Тим слегка глупеет. Посреди ночного перехода через Ла-Манш он — капитан, между прочим, — думает о том, что в кармане лежит шоколадка, — позволит ли Мод себя покормить, чтобы пальцев его на миг коснулся легкий влажный жар ее губ. Надо встряхнуться. Вспомнить про свой долг. Кончай, Рэтбоун! Но за гранью любых упреков — его вера в то, что миром втайне правят люди ровно в таком же состоянии — мелодичные, воспламененные, чьи мозги ветвятся горящими нейронными сетями, как ночные города с высоты птичьего полета…

На востоке над горизонтом — утренняя звезда. Без двадцати шесть встает солнце. На миг море и воздух — словно только что созданы, а они двое — Адам и Ева, дрейфуют на виноградном листочке; утро в Эдеме. Затем опускается туман, как туман это умеет, его длинные пальцы застенчиво ощупывают яхту, густеют, видимость тридцать ярдов, затем десять. Тим достает туманный горн, зовет остальных членов экипажа. Готовятся запустить мотор, убрать паруса. Подле шуршит море. Туман театрален, непроницаем. Тим гудит горном — один длинный, два коротких. В кают-

компании кто-то следит за радаром, остальные на палубе, склонились в туман. Теперь слышны и другие горны. Беседуют шепотом, видят тени, воображаемые скалы, сотканные из дыма суда. На открытом канале УКВ внезапно раздается голос — языка никто не узнаёт. Модуляции своеобразны. Может, предупреждение какое, но больше похоже на декламацию или призыв к молитве.

6

В своем почтовом ящике на биофаке Мод находит объявление о работе. Вырезка из «Нью сайентист», на полях почерком профессора Кимбер: «Интересно?»

Ищут проектного менеджера, через год-другой обещана должность специалиста по клиническим исследованиям. Компания называется «Лаборатории Феннимана», американская, но есть британское отделение в Рединге. Мод отсылает резюме, ее зовут на собеседование. Она садится на поезд в Бристоле. По пути минует Суиндон, и когда поезд тормозит, она отрывает глаза от бумаг (глянцевой папки с проспектами компании) и вбирает совершенную узнаваемость видов — автомобильные стоянки, рекламные щиты, старые депо и цеха, перестроенные или заброшенные. От вокзала — каких-то полмили до дома, где она росла, где до сих пор живут родители. Чуть подальше школа, где она училась (родители там не преподавали), а еще дальше, на расплывчатой окраине — поместье, где ее в пятнадцать лет лишил невинности отец детей, у которых она была нянькой. Двадцать минут

на его брачном ложе, шелковистое покрывало, предвечерний свет на стене, а по окончании, — строгий наказ, какое полотенце ей можно взять.

На перроне ни одного знакомого лица: ни одноклассницы с детской коляской, ни знакомых по футбольным трибунам — она проталкивалась сквозь узкие поворотные турникеты посмотреть, как команда опускается из дивизиона в дивизион, игроки на слякотной площадке исходят па́ром, точно коровы, тренер в широкой куртке дерет воздух на лоскуты. А затем поезд снова трогается, мимо плакатов, призывающих отдохнуть у моря, мимо пакгаузов, мимо технопарка («Суиндонский транспорт»), затем кожура из обделенных окнами новостроек, первые поля…

Она снова углубляется в папку. Заголовки: «Вы и “Лаборатории Феннимана”», «Наша философия», «Путь в будущее». Графики: доходность компании, рыночная доля. Открытое письмо исполнительного директора Джоша Феннимана («Я питаю страсть к мастерству во всех сферах…»). В конце — список областей текущих исследований с краткими описаниями: диабетическая нейропатия, постгерпетическая невралгия, блокада нервов, каппа-опиоидные рецепторы. Одно исследование примечательно: изучение вещества

под названием эпибатидин, обнаруженного на коже эквадорской лягушки, некий токсичный пот, оказавшийся к тому же мощным анальгетиком. Лаборатория выпустила производное под названием феннидин и приступает ко второй фазе клинических исследований в кройдонской больнице. Если Мод получит работу, исследование вполне может оказаться в ее ведении.

Когда она снова поднимает глаза — к чему побуждает некая перемена освещения, — за окном вода. Галечные пруды, где она впервые вышла под парусом на шлюпке «Миррор 10», которую они с дедушкой Рэем построили у него в гараже из набора. На воде им негде было справиться, что делать, — имелось только руководство, прилагавшееся к набору. Дедушка Рэй работал на железной дороге. Сидел в шлюпке в желтой флуоресцентной куртке с «Британскими железными дорогами Западного региона» на спине. Прихватили клетчатый термос и сэндвичи, спасжилетов не взяли. Целый час мягко бодали камыши у берега, прежде чем разобрались, как развернуться. Мод тогда оставалось две недели до одиннадцатого дня рождения.

На собеседовании она вкратце поминает эту историю. Так посоветовала профессор Кимбер,

в ходе терпеливых допросов много разузнавшая о прошлом Мод («Им понравится, — сказала профессор. — Им понравится эта твоя сторона»). Собеседование проводят женщина из отдела кадров и мужчина по фамилии Хендерсон, южноафриканец, сам пылкий моряк, все детство выходил с отцом в море из Порт-Элизабет. Его восхищает, что Мод научилась ходить под парусом с железнодорожником, что они сидели на берегу пруда и читали руководство.

Кадровичку, однако, парусный спорт не интересует. Она высокая, безукоризненно ухоженная, в вырезе блузки серебряный крестик. Напрягается с первой же минуты, настораживается: что за соискательница такая — на собеседовании не нервничает, глядит в глаза, *не отводит* глаз; тут явно что-то не то.

Двадцать минут Мод и Хендерсон болтают о патологии заживления ран. Хендерсон употребляет выражение «путь раны». Говорят о методологии, клинических результатах, протоколах исследований; о роли фармацевтического рынка, о производственном аспекте. С наукой у Мод все прекрасно, с коммерцией не очень.

Когда беседа затихает и Хендерсон расслабленно откидывается в кресле, кадровичка во-

прошает:

— Если бы вы были напитком, то каким?

После паузы Мод отвечает:

— Водой.

— Со льдом и лимоном? — спрашивает Хендерсон.

— Нет, — говорит Мод.

— Обыкновенной водой? Чистой?

— Да.

Хендерсон усмехается. Кадровичка что-то записывает на планшете.

— Есть к нам вопросы, Мод? — уточняет Хендерсон.

Она спрашивает о клинических исследованиях в Кройдоне.

— А, ну да, — отвечает он. — Лягушата. *Epipedobates*. Красиво, да? Вещество похоже на никотин. Может, в итоге выяснится, что курение нам все-таки полезно. — Он улыбается Мод. — Вряд ли я выдам военную тайну, если скажу, что это одно из любимых детищ Джоша Феннимана. Если добьемся прорыва, последствия — и человеческого плана, и финансового — будут, понятно, немалые.

Откуда-то, из чьей-то сумки или кармана, доносится слабый электронный перезвон. Хендерсон

переводит взгляд на кадровичку. Та глядит на Мод.

— У нас, — говорит кадровичка, — официальной политики на этот счет нет, но можно я спрошу? Что у вас написано на руке?

И она указывает на полслова, торчащие из-под манжеты куртки. Мод расстегивает пуговицу и задирает рукав. Кладет руку на стол, будто Хендерсон или кадровичка сейчас будут брать у нее кровь. Женщина склоняется ближе, но руки держит на коленях. Она ходила на полдневные семинары по допустимым и недопустимым межличностным контактам. Хендерсон ведет пальцем в дюйме над черными чернилами, над белой кожей. Вслух читает слова.

— А, — говорит он. — Ну да. Да, понял.

После второго собеседования через две недели и рекомендации профессора Кимбер («Мод надежна, бесконечно предприимчива и отличается целеустремленностью, которая позволяет ей все проекты доводить до конца»), невзирая на сомнения кадровички («По-моему, она заносчива. Как она поладит с людьми?»), Мод предлагают работу. Она соглашается.

7

За полтора месяца до Рождества, после семи месяцев романа Мод и Тим поселяются вместе. Он находит квартиру — на холме над своим прежним жилищем, второй этаж, укромная загогулинка улицы. От дороги дом загораживают три платана — вымахали до самых крыш. Этот дом и окрестные (прежде, видимо, принадлежавшие богатым и, вероятно, модным семьям) некий ценитель скорее арендной платы, нежели архитектуры, перестроил в многоквартирники, но большие подъемные окна остались и пропускают отфильтрованный листвою свет, что мерцает на закате и ветвистыми тенями расписывает стены в глубине квартиры. Тим вносит депозит, нанимает фургон. Фургон почти целиком набит его вещами; несколько коробок Мод впихнуты напоследок у задней двери. Все это — и отношения, и переезд — Тиму видится неизбежным, и пока они таскают вещи вверх по лестнице, он твердит:

— Такое ощущение, будто это неизбежно, правда?

После первого раза Мод соглашается почти без паузы.

Они устраивают новоселье. Тим играет фламенко (не на «Лакоте» и не на копии «Лакота», а на блестящей кипарисовой гитаре из севильской мастерской Андреса Домингеса). Среди гостей — бывший Тимов сосед по квартире, Эрнесто, и его подруга с иссиня-черными волосами. Подруга Эрнесто под гитару танцует фламенко, как сама его понимает, потом садится на стол и смотрит на Мод, пристально вглядывается, наклоняется к Эрнесто и шепчет:

– *Ella, la novia. Una bruja.*

– *Una bruja? Qué va! Es como una chica que trabaja en una pastelería*[13].

Пришла и профессор Кимбер — разрез на платье до бедра, в волосах шелковая камелия. Принесла две бутылки просекко и букет мелких тепличных желтых роз. А еще прихватила трех-четырех мотыльков — все вроде в здравом уме, невинные, нежные, совсем не хищные. Когда вечеринка уже выдыхается, мотыльки улетают домой, а Тим остается с профессором наедине.

— Поздравляю, — говорит она, легонько чокаясь с ним бокалом, а в ответ на его «спасибо» интересуется: — Ну и какая она, по-вашему, Том?

---

[13] Примечания: 13

Зд.: — Эта его девица — она ведьма.

— Да ну тебя, какая ведьма? Ей бы пирожками торговать (*исп.*).

Очень хрупкая или очень сильная?

— Тим, — говорит он, — а не Том.

Профессор улыбается:

— Надо думать, в конце концов вы поймете. В конце концов мы все поймем.

На Рождество их приглашают к его родителям. Тим отваживает их обещанием приехать на будущий год, и в Рождество они с Мод в одиночестве жуют консервированные сардины, персики в коньяке, шоколадные медали. Тим купил ей несколько прелестных мелочей. Маленькую брошку с антикварной жадеитовой саламандрой. Дюжину браслетов тонкого чеканного серебра. Полированную палисандровую шкатулку для безделушек (хотя безделушек у нее не имеется). Сборник китайской поэзии, где на каждой второй странице влюбленные мелкие чиновники уезжают в далекие провинции. И горшок цветущего зимнего жасмина.

Мод дарит Тиму яхтенный нож с открывашкой и свайкой.

— Красота, — говорит Тим, умалчивая о двух других ножах, что валяются где-то в ящике. — Идеальный подарок.

В канун Нового года, когда морозный воздух путается в ветвях платана, Тим готовит пир на

двоих. Сначала дюжина устриц, гнездившихся в плетеной корзине на узком балконе; затем татарский бифштекс — вручную нарубить отборное филе, замешать сырое яйцо, добавить порезанный лук-шалот. Мод никогда не ела татарский бифштекс, но с радостью попробует. В голову не приходит, от чего бы она шарахнулась. Пудинг из саго? Телячьи мозги? Судя по тому, как она выбирает блюда в ресторанах, никаких *предпочтений* у нее, похоже, нет. И Тиму нравится, как напористо она подъедает все до кусочка, а в конце кладет рядышком нож и вилку — мертвого рыцаря и его даму.

Потом они сидят на диване и пьют джин. Бокал за бокалом. В комнате уютно, слабо пахнет морепродуктами, морем.

— Ты когда-нибудь делала такое, за что тебе стыдно? — спрашивает Тим.

— Нет.

— Делала кому-то больно — ну, нарочно?

— Нет.

— Воровала?

— Нет.

— Врала родителям?

Она пожимает плечами:

— Я не все им рассказывала.

— Ага-а! А чего не рассказывала?

— Ну, не всё.

— Например?

— Где была. С кем была.

— А с кем ты была?

— Когда?

— Не знаю. Когда где-то была.

— Мы напились, — говорит она.

— Конечно, напились, — отвечает он. — Ты когда-нибудь целовалась с девушкой?

— Что?

— С девушкой целовалась?

— С чего такой вопрос?

— Наверняка с профессором Кимбер. Она бы точно не отказалась.

В ответ Мод смеется — краткий смешок, который всякий раз словно застает ее врасплох.

— Поиграй лучше на гитаре, — говорит она.

— Я хочу знать всё, — отвечает он. — Суиндон семьдесят пятого года. День. Твой первый вздох.

— Вот это, что ты играл, когда меня выписали из больницы.

— Когда ты стала собой? — спрашивает он.

— Не знаю, — говорит она.

— А ты подумай.

— Я не знаю.

— Ты никогда не спрашиваешь про моих подруг.

— Зачем бы мне?

— Из любопытства?

— Если хочешь, я спрошу.

— Нет, — говорит он. — Нет. Прошлое в прошлом. Так?

— Да, — говорит она.

— А теперь только мы.

— Да.

— Тим и Мод.

Он подливает в бокалы. Оба пьют, не разбавляя. Щеки горят, во рту щиплет от джина. Решают прогуляться, но добираются лишь до спальни. Целуются, падают на кровать. Занавески открыты, но свет не включен. Обоих как будто зашили в одежду. Пуговицы ведут себя как незнамо что. Тим лижет запястья Мод, Мод гладит Тима по ушам. Спустя полчаса он отбывает в ванную, преклоняет колена перед унитазом и блюет. Устрицами, сырым мясом, кислятиной, джином. Он застревает в ванной надолго. Вернувшись в спальню, мерзнет, дрожит в дверях, стоит и смотрит, как Мод спит в луже водянистого света, просеянного сеткой на окне. Сердце сбоит: по этой фигуре на постели, компактной, как семеч-

ко, ни за что не скажешь, будто она нуждается в нем, будто она неполна. Что он себе возомнил! Он вовсе не коснулся ее, совсем ее не понял. Надо бежать, пока не поздно. Побросать вещи в сумку и бежать. Он сменит имя. Пойдет матросом на траулер. Мод со временем выйдет замуж за прохожее божество, за бога мотыльков. Или станет храмовой проституткой, или наемной убийцей, или первой женщиной на Марсе. Нет-нет да вспомнит его. Посмотрит на браслеты, на жадеитовую саламандру. Ни слезинки не проронит.

Он шепотом окликает ее. Она тихонько похрапывает — девушка, женщина, грезит о змеях. Или о чем там. Поди пойми. Тим снимает с крючка на двери свой широкий махровый халат, очень тщательно, заботливо укрывает Мод, пристраивается рядом, содрогается, зажмуривается, в голове проигрывает музыку, думает: ну надо же, а? 2001-й. Ну надо же.

Поутру не помнит ни откровения, ни фантазии. Ему нехорошо, он прибирается на кухне. Решает — на коленях стоя на светлеющем полу, — что надо быть храбрым, а остальное не важно, и криком возглашает эту весть Мод и спустя секунду-другую вроде бы слышит, как она из ванной отвечает ему «да».

Она приступает к работе у Феннимана. В универмаге у автовокзала купила себе два новых костюма. Один темно-синий, другой черный. Платья с жакетами — Тиму они напоминают наряды, в каких женщины-детективы являются в суд давать показания.

Она встает рано — часа за два до света. При свете лампы Тим смотрит, как она одевается. Замечая, она не возражает. Как ловко женщины надевают бюстгальтер. Дезодорант, майка. Тим любит смотреть, как она надевает колготки, как-то по-детски натягивает их до талии, так и видишь: вот ей восемь лет, двенадцать, зимним утром она собирается в школу. Если костюм требует, Мод садится на край постели, чтобы Тим застегнул молнию. Первые две недели он каждое утро предлагает сготовить ей завтрак, но она не хочет. Чистит зубы, затем, с пальто в обнимку, наклоняется к Тиму попрощаться.

Первый месяц — ознакомительный. Она едет в поезде, жует сэндвич, пьет чай, смотрит на серые поля, на застенчивые спозаранку дома, на свет, разгорающийся над Англией. Начинает узнавать кое-какие лица — один мужчина никогда не снимает велосипедного шлема, другой, похоже, медитирует, у одной женщины экзема. Если в

вагоне жарко, Мод порой засыпает, и дважды за неделю ей снится пустыня — может, не пустыня, но точнее слова не подыскать: там все истерто, безводно, зачаточно.

В лаборатории ее знакомят со всеми, включая уборщиков. Фенниман — просвещенный борец за равноправие. Только имена, без фамилий и должностей. Обстановка непринужденной сосредоточенности. Стены нежно-серебристы. Мебель — гнутый яркий пластик. Тут и там на стенах и дверях таблички с вдохновляющими цитатами — из Мартина Лютера Кинга, Эйнштейна, Ганди. На двери в конференц-зал № 2 — стихотворение Марианны Мур:

Ты скажи, почему эта топь
с виду непроходима, то —
гда я скажу, что найду пути
и смогу ее перейти[14].

Пахнет здесь нейтрально. Сотрудники не пользуются ни духами, ни одеколонами, никто не курит. Не особо воняет даже в виварии, где в тщательно пронумерованных клетках живут триста

---

[14] Примечания: 14

Марианна Крейг Мур (1887–1972) — американский поэт-модернист, критик и переводчик; приведено ее стихотворение «Могу, смогу, должна» (*I May, I Might, I Must, 1959*).

крыс. Отопление — жестко в пределах между двадцатью двумя и двадцатью пятью градусами. Свет включается и выключается каждые двенадцать часов. Животные — те, что не подопытные, — лоснятся и пышут здоровьем, облагорожены регулярной заботой. Порой в перерывах Мод идет не в комнату отдыха, а вниз, помочь лаборанту по имени Кит, который по выходным играет в блюграсс-группе и иногда подмигивает Мод, словно только они двое видят тут все насквозь — и мечты Феннимана, и его миссию.

После ознакомления Мод выдают двести визитных карточек и два лабораторных халата (на нагрудном кармане вышивка «Лаборатории Феннимана»). И телефон — «Нокия 8260». И компьютер — «айбук-клэмшелл» (они разноцветные, и Мод достался черничный). Плюс выделяют служебную машину, «воксхолл-корсу» (лиловую), на одометре 78 000 миль, водительское кресло вылеплено под человека покрупнее Мод, человека, который ушел из компании.

Ей предстоит мониторить три проекта в трех городах. Болевые рецепторы и аллодиния в оксфордской больнице Рэдклиффа, печеночные ферменты в бристольской Королевской больнице и клинические испытания эпибатидина в Крой-

доне. Под каждый проект зарезервирован один день в неделю. Четвертый день — в редингском офисе, пятый — дома за «айбуком». Платят не заоблачно, но неплохо, а если Мод успешно отработает испытательный срок, оклад увеличат. Повышение до специалиста по клиническим исследованиям возможно уже через полтора года. В последний день ознакомления Хендерсон, несмотря на холод, на порывистый ветер, через всю стоянку провожает Мод до «корсы».

— На счастье, — говорит он и вручает ей красного бумажного журавлика. Мод протягивает руку и чуть не упускает журавлика на ветру.

8

Приходит весна, и город исподтишка зеленеет. Тим в гостиной занимается йогой, пока Мод на работе, получает по физиономии солнечным лучом и воображает, будто он — святой с картины маслом.

Вот что: он напишет концерт, совсем, пожалуй, короткий, и назовет его «CYP2D6», в честь фермента печени, который преобразует кодеин в морфин, — дабы насладиться учительским взором Мод, ее красноречием, Тим заставил ее все про фермент объяснить пространно и в подробностях. Концерт он, разумеется, посвятит ей. Мод, М. М, с любовью. Подарит на день рождения или еще на какой знаменательный день. Маленький концерт! Который многое докажет.

Воодушевленный — перспективой работы, уже досконально нафантазированной минутой дарения, — Тим на велосипеде чешет в музыкальный магазин в конце Парк-стрит и покупает рабочие тетради, переплетенные в синий картон. Уртекст. *Merkheft für Noten und Notizen*[15]. Покупает дюжи-

---

[15] Примечания: 15

Зд.: тетрадь для нотных и прочих записей (*нем.*).

ну (они такие красивые), потом катит в гастроном на Кристмас-степс, где ему из широкого мучного ящика под прилавком пухлая девушка выуживает ленты пасты. Покупает сосиски с фенхелем (потом сдерет с них кожу), сушеные боровики, нежирные сливки, импортные желтые кабачки. И бутылку красного вина с высокохудожественной этикеткой, на которой Ева, кажется, дружит со змеем — в некоем коварном южном саду они вдвоем сидят под пинией.

Когда Мод возвращается домой — день был кройдонский, три часа совещались о биосинтезе алкалоидов, потом слушали бесконечную лекцию под названием «Чему нас учит АВТ 894», — вино откупорено, грибы отмокают в теплой воде, на газовой плите неспешно закипает большая кастрюля. Мод принимает душ. Когда выходит на кухню, вытирая волосы, Тим говорит:

— Сегодня настоящая весна, да?

Смотрит, как она садится, как включает свой черничный компьютер. Наливает ей вина.

— На этикетку посмотри, — говорит он. — Не исключено, что теологически сомнительная.

Прилавок у плиты — выставка радостей земных. С чесноком — раздавить зубчик плоскостью ножа, вышелушить из кожуры, порубить — Тим

разделывается почти профессионально. Болтает с Мод через плечо. Слышит, как щелкает клавиатура, то медленно, то как будто Мод горстями рассыпает сухой горох. Тим допил первый бокал и наливает себе второй. Вино, поначалу интересное, с нотами розмарина и черного табака, теперь необъяснимо отяжелело, оно приторное и тяжелое, и ноты в нем — дегтя, увядших цветов, масла для ванн. Что за глупость — покупать вино ради этикетки! Что за глупость — бежать по магазинам, потому что занимался йогой и тебя потрогал солнечный луч!

Мемориальная табличка вечернего света над головой у Мод перечеркнута тенями платановых ветвей. Тим с сушилки у раковины берет тарелку, держит на вытянутой руке секунд восемь или десять, роняет. Мод глядит на осколки, поднимает глаза на него, снова вперяется в колонки на экране.

— Извиняюсь, — говорит Тим и из пенала в дальнем углу, где хранится все для уборки, приносит веник с совком.

9

Вот что он хотел бы кому-нибудь рассказать. Что когда она у него отсасывает, похоти в этом не больше, чем если бы у него отсасывала, я не знаю, телушка, что-нибудь такое. Методично и терпеливо. А когда он кончает, она выпивает все до капли, и он шатается на краю бездны, и по нескольку минут потом не может ни взглянуть ей в глаза, ни даже назвать ее по имени. Если вдуматься, рассказать это решительно некому, даже брату не расскажешь.

10

Формально оба они из университета ушли, но из яхтенного клуба их не гонят. С такими людьми клуб не расстанется запросто. Они ремонтируют лодку, платят взносы, умеют ходить под парусом.

Лодка опять на суше, но конопатить нечего, болты заменять не нужно. Слегка почистить корпус и киль, отшкурить и отлакировать палубу. Самое срочное — заменить сальник дейдвудного вала. К концу прошлого сезона постоянные кап-кап превратились в тоненькую упорную струйку. На воде такие работы не ведутся — пока машешь гаечным ключом, морская вода затопит двигатель.

В субботу накануне Пасхи они в «лянче» едут на побережье. На верфи встречаются с Энгусом и Камиллой, тоже членами клуба. Переодеваются в робы. Камилла, медичка с четвертого курса, привезла два термоса кофе и пластиковый контейнер с собственноручно испеченными «мадленами». Энгус запихивает медные дреды под шерстяную шапку. Тим приволакивает трап и цепляет к утке. Не хочет, чтобы лезла Мод, желудок совершает

кульбит, когда она как ни в чем не бывало ступает на палубу. Тим советует ей прицепить страховочный линь, но не ждет, что она согласится. Она не соглашается.

Работают до двух; подкрепляют силы «мадленами» и кофе. Мужчины очищают корпус — оба далеко не рукасты, — а Мод с Камиллой, на коленях над лючком в кокпите, обдирая костяшки, открепляют хомуты и откручивают болты. Ослаблять гайку гребного винта приходится в четыре руки. С колпачком тавотницы не проще. Камилла бормочет: «Merde, merde»[16], — потом режет запястье о край лючка, пускает слезу, смеется, видя, насколько ее все игнорируют, и работает дальше. Чтобы вынуть старую паклю, требуется инструмент, которого у них нет, — которого, вполне вероятно, и на свете не существует. Мод слезает по трапу и идет к эллингу. Эллингу этому сто лет — под крышей воздушный простор, похоже на вокзал в захолустье, в героические паровозные времена, из тех зданий, что величием переплюнут город, которому служат. Не видать ни души — рабочие, наверное, еще обедают, — и Мод уже собирается уйти, но тут из тенистого

[16] Примечания: 16
Зд.: «Блин, блин» (*фр.*).

сплетения стоек и шпангоутов, рождения или смерти лодки, высовывается человек, смотрит на Мод и говорит:

— Это же ты тут летать училась? Я как раз застал.

Зовут его Роберт Карри. Лет сорока или чуть за, коренастый, чернокудрый. Мод объясняет, чего добивается, что ей нужно. Он кивает, идет к холщовой сумке с инструментами, роется в ней (сумка — точно древняя холщовая рыба, рыбамим) и добывает оттуда инструмент — на конце стальная ручка, затем кусок перлиня, а на другом конце такой штопор. И, с улыбкой:

— Удачи.

Вытаскивают старую паклю. Тим и Энгус едут в город за новой паклей и крабовыми сэндвичами. Мод и Камилла моются в душевой марины. Камилла касается татуировки у Мод на руке.

— Отлично, — говорит она. — Хочешь, мою покажу?

Она расстегивает робу, вышелушивает себя, раздвигает молнию на джинсах и пальцем оттягивает пояс — над черным хлопком трусов две элегантные идеограммы — китайские, японские.

— Что это значит? — спрашивает Мод.

— Засади мне до слез, — отвечает Камилла. За-

катывает глаза. — На самом деле нет. Это значит «гармония».

— Красиво, — говорит Мод.

— Да, — говорит Камилла. — Красиво, но твоя мне нравится больше. Твоя *говорит*.

В водянистом солнечном свете они гуляют по верфи. Парусные яхты на сваях, несколько скоростных катеров, какие-то перевернутые деревянные лодки — верейки или шлюпки; на стапель взгромоздили рыболовецкое судно, уже наполовину покрытое свежим слоем голубой краски. В углу, где надо развернуться и пойти назад к воде, Мод останавливается возле одной яхты на кильблоках, запрокидывает голову, идет вокруг, в одну сторону, потом в другую. По всему судя, лодка здесь давно. Даже деревянные кильблоки темнее, чем у других лодок, впитали больше непогоды. Корпус — стеклопластиковый — испятнан старой красной краской. Киль длинный, глубокий, мощный. Попятившись, Мод видит торчащий бушпритом конец снятой мачты. Все прочее покрывает зеленый брезент, исполосованный птичьим дерьмом и свисающий с транца так низко, что не видно ни имени, ни порта приписки. На топе мачты кто-то повесил и как будто забыл деревянную табличку — на

ней слово «ПРОДАЕТСЯ» и телефонный номер, в котором различимы только первые цифры.

Обе стоят, глядя на лодку снизу вверх, — две девушки в робах. Камилла берет Мод за руку.

— Похоже, — говорит она, — на домик в глуши. Длинный проселок, в конце такой домик. Заглядываешь в окно — а внутри дерево растет.

Возвращая инструмент, Мод спрашивает Роберта Карри про яхту. Неплохая лодка, отвечает он, старый «Николсон», но на ней никто не бывал вот уж года два. Если интересно, поговори лучше с маклером. Крис Тоттен. Контора возле стоянки. Он указывает подбородком. Мод благодарит, а когда уже выходит из эллинга, Роберт Карри ее окликает:

— Что — приглянулась тебе?

К четырем они заканчивают с сальником. Новая прокладка — аккуратно нарезанные кольца промазанной пакли — крепко обхватила дейдвудный вал. Гайка гребного винта и крышка тавотницы тоже на месте — прикручены туго, но не слишком туго. Пока яхту не спустят на воду, не узнается, хорошо ли получилось, но на вид все правильно. Девушки закрывают лючок и спускаются к Тиму и Энгусу — те сидят на ведрах судовой краски и жуют шоколад. Камилла сооб-

щает Тиму, что Мод нашла прекрасную яхту, яхта продается, ему осталось только заплатить.

— Мод?

— Просто лодка, — говорит она. — Старая.

Он тоже хочет посмотреть, и она ему показывает.

— Наверное, уже рухлядь, — говорит она. — А что там внутри…

— Может, внутри и нормально, — возражает он.

Они ходят кругами, смотрят в основном на лодку, а порой друг на друга. Она пересказывает ему, что говорил Роберт Карри.

— Два года?

Она кивает.

Он пожимает плечами, кривится. Оба тянутся потрогать лодку, ее крутой красный бок, потом идут вдоль эллинга, сворачивают к стоянке и конторе маклера. Маклер сидит за столом, улыбается, будто их-то как раз и ждал. Слушает, кивает, из стального картотечного шкафа достает копию документов с фотографией лодки — как будто снимали в метель.

— «Киносура», — говорит он. — Особо ничего сказать не могу. Владелец скончался. Родственникам она не нужна. Запрашивали семнадцать

тысяч, но если сделаете интересное предложение… Продаете что-нибудь? Вот эту красотку, над которой работаете, например?

— Нет, — говорит Тим. — Нам просто любопытно про эту… Как вы сказали?

— «Киносуру», — говорит Мод.

— Ну, это «Николсон 32». Про родословную можно, наверное, и не говорить. Серьезное морское судно. Возраст ее не портит. Потенциально — прекрасная лодка.

— Освидетельствование было? — спрашивает Мод.

— У меня результатов нет, — отвечает маклер. — Может, их и вообще нет. Насколько я знаю, она в хорошем состоянии. Хотите поглядеть?

Ищут ключи. Ключи находят. Находят трап. Блондинистый маклер — в конторе походил на харáктерного актера, взятого на роль бывшего мужа, бывшего спортсмена, староват носить такие патлы, — оказывается гибок и неброско умел. Поднимается на борт (в туфлях на кожаной подошве), отвязывает и скатывает брезент, открывает кокпит, крышу надстройки. Никакого такелажа; голая палуба. Маклер отпирает висячий замок на брандерщите, сдвигает крышку

сходного люка. Мод и Тим стоят у него за спиной в кокпите. Люк чуть правее центра. Слева приборы, эхолот. Румпель сняли, но нактоуз на месте, компас под затуманенным стеклом. Мод протирает стекло рукавом — на картушке 270. Курс на запад.

Маклер пропускает их вперед. Мод идет первой — три ступеньки вниз, в сумрак кают-компании. Запах отсыревшей ткани, душок солярки, но в основном — лишь застоялый морской воздух, в ноздри проникает чистая соленая пустота. Камбуз, штурманский столик. Часы в латунном корпусе — остановились. По бокам две банки, безнадежно поблекший зеленый велюр. Зеленые шторки. Сложенный складной столик, барометр; дальше гальюн, койки носовой каюты, парусная, канатный ящик. В каюте стоит за релингами кучка книг, от влаги разбухших в какие-то морские овощи. Тим наклоняется, читает заглавия. Шелловская «Лоция пролива Ла-Манш»[17], «Один под парусами вокруг света» Джошуа Слокама, «Дхаммапада» издания «Пенгуин классикс».

---

[17] Примечания: 17

«Шелл» (*Royal Dutch Shell*) — нидерландско-британская нефтегазовая компания; издательский бизнес для нее побочен, но с 1930-х гг. она финансировала публикацию ряда путеводителей и лоций; лоция Ла-Манша, написанная Эдлардом Коулзом и впоследствии доработанная Томом Канлиффом, с 1992 г. выходит в издательстве *Imray*.

Рядом с книжками к переборке привинчена картинка — похоже, фотография этой самой лодки, в рассветный или закатный час где-то бросившей якорь.

Они возвращаются на палубу, хотя смотреть там особо не на что. Даже лееров нет. Тим держит Мод за рукав.

— Она у нас имеет свойство падать, — поясняет он.

— Я помню, — тихо отвечает маклер. Улыбается Мод: — Уж не знаю, откуда вы, но людей там делают на совесть. Откуда вы?

У дверей конторы они обмениваются рукопожатиями, и маклер произносит все то, что губы складывают сами по себе: ну вы еще подумайте, прекрасный образчик, она того стоит, если будут вопросы — не стесняйтесь. Он знает, что больше они не явятся — уж точно не заговорят об этой старой, странной, неприкаянной лодке, — но в следующие выходные оба приходят в контору снова, и он ведет их к трапу, взбирается за ними следом.

Подруга — девушка, которая упала, а потом *встала и пошла*, — прихватила фонарик, ножик. В кают-компании снимает трап и рассматривает двигатель. Вскрывает пайол и заглядывает

в трюмы, щупает забортные клапаны, стирает бусины влаги со стальной рамы иллюминатора, выходит на палубу и садится на корточки над треснувшим рымом, трясет поручень, и лицо ее не выдает ничегошеньки. Ее парень сидит в кокпите. Временами ее окликает, но в основном не дергает — пусть исследует. Дружелюбный парень, обаятельный любитель подпирать стены, обаятельный бездельник. Решение, надо полагать, будет за девушкой. Ему — маклеру, продавцу — шансы лодки никак не повысить. Либо лодка продастся сама, либо не продастся вовсе. Он закуривает сигариллу «кафе-крем», болтает с парнем о верфи «Кэмпер и Николсонз» в Госпорте, об истории класса, а когда тема исчерпывается — о музыке. На правой руке ногти у парня покрыты лаком — длинные ногти для щипковых струнных.

— Ну-ка давайте начистоту, — говорит маклер. — Кто лучше — Джимми Пейдж или Джими Хендрикс?

Девушка опять ушла вниз, ее тень тянется к парусному чехлу. Парень хохочет.

— Да вы смеетесь надо мной, — говорит он. — Это же шутка, да?

В следующий четверг в девять тридцать вечера

они звонят маклеру домой. Он разогревает себе ужин; успел уговорить полбутылки аргентинского красного. Им очень неловко звонить так поздно (разговаривает парень, слегка задыхаясь), но они тут час обсуждали и боятся ждать до утра. Маклера они теперь называют Крис. Он их зовет Тим и Мод.

— Четырнадцать тысяч — как вам? — спрашивает Тим.

— Четырнадцать? Хорошее начало, — отвечает маклер. — Разумное предложение.

Наутро он звонит владельцам. Лично их не знает, с человеком, который ходил на этой яхте, не знаком. Номер лондонский. К телефону подходит женщина — не сразу понимает, о чем речь, но затем:

— Ох ты ж, папина яхта. Они что, серьезно? У них есть деньги? Эти люди — они вообще *какие?*

На предложение она соглашается мгновенно. Предложили бы гораздо меньше, догадывается маклер, — тоже согласилась бы. Он кладет трубку, сидит, смотрит в окно на реку, на лесистые берега. Жизнь порою тесна ему, порою безбрежна. Он подравнивает на столе жестянку с сигариллами, пепельницу, зажигалку. Снова берет трубку и звонит в Бристоль.

11

Помимо прочего, Крис Тоттен отправляет их к местному инспектору. Мод звонит, и инспектор говорит:

— Я буду работать на вас. Не на продавца, не на маклера. Я все скажу как есть.

К началу мая готово освидетельствование. Зеленым шрифтом — в основном косметический ремонт; синим — то, что нужно сделать в ближайшие два года. Красным — срочное, отремонтировать немедленно. В списке срочного (на две страницы) — замена втулки Гудрича, замена креплений двигателя, топливных шлангов (согласно ISO 7840). Заклинило два забортных клапана, нет огнетушителя. Пятки у первой и второй леерной стойки по левому борту ходят ходуном. И прутковый леер на крыше надстройки по левому борту тоже.

— Ко дну не пойдет, — говорит Тим. — Тут ни слова о том, что она не на плаву.

Мод соглашается.

— Раз уж надо менять крепления двигателя, — говорит она, — можно и двигатель поменять. Поставить что-нибудь помощнее.

— И новую обивку.

— Спинакер драный.

— Может, красную?

— Красный спинакер?

— Красную обивку. Но можно и красный спинакер, если хочешь. И новые красные шторки.

— Покрасить корпус красным, — говорит она.

— Ты только вообрази, какая она будет, — говорит Тим. — Когда покрасим.

— Он даже не смотрел на такелаж, — говорит Мод.

— А про осмос он что пишет?

— «Соответствует возрасту судна».

— Тебе нравится ее имя? — спрашивает Тим.

— Что?

— Имя. «Киносура».

— Имя может быть любое, — отвечает Мод.

— Как будто, — говорит он, — у межгалактического крейсера.

Они копят деньги, подтягивают ресурсы. Почти весь свой заработок Мод откладывает, не зная, на что потратить, ничего особо не желая. У Тима, конечно, тоже есть сбережения, деньги, что болтаются на разных счетах, тысяч пятнадцать или двадцать, по последним данным (он редко открывает конверты с выписками), но это средства

на душевный покой, денежная подушка, которая позволяет ему целыми днями играть на гитарах, заниматься йогой, экспериментировать на кухне, гулять по городу, мягко входить в серьезное композиторство, сочинять музыку, концерт, который он скоро начнет записывать в *Merkheft*. Ради «Киносуры» Тим решает зачерпнуть из денежной реки поближе к истоку. На неделе один уезжает домой, в первый день не говорит ничего, а во второй, улучив полчаса перед вечерними коктейлями, приходит в кухню к матери, берет ее прохладную ладонь и проникновенно, как мать любит, объясняет, чего ему надо. Деньги называет «фондами» или «помощью». Мать слушает, неуловимо улыбаясь. У семьи есть лошади, самолет, земля. Старая яхта — это чепуха. Мать соглашается, что обивка должна быть красной. Не макового цвета, не светло-вишневого. Кирпичного, может быть, или сафьянового. Мать считает, молодым людям необходимо дело. На слове «устремления» щеки у нее вздрагивают. Тим ее обнимает. Плита волну за волной великодушно гонит на них тепло. Тим приносит джин, синюю бутылку, питейные аксессуары.

— Будь наша воля, Тим, Мод мы бы для тебя не выбрали. И ждали, пожалуй, другого. Но любовь

есть любовь. Коль скоро ты счастлив.

— Я счастлив.

— Да?

— Очень.

Она кивает и смотрит в бокал, густо окольцованным пальцем трогает льдинку.

Лично с владельцами яхты они так и не встречаются и почти ничего не узнают о человеке, который на ней ходил. Некто Джон Фантэм. Был юристом на пенсии. Тим зовет его фантомным Фантэмом и рекомендует совершить жертвоприношение, умиротворить его дух, чтобы ночами не бродил по палубе.

— Какое жертвоприношение? — спрашивает Мод.

— Нашего первенца, — отвечает Тим и смеется — такое странное, почти испуганное у нее лицо. — Я же пошутил, ну? Фантэм умер. Больше не вернется.

Мод вкладывает четыре тысячи. Остальное перекачивают со счета матери Тима на его счет, а затем на счет (в банке «Кутс» на Стрэнде) Амелии Шавел (в девичестве Фантэм). По почте приходит судовой билет с открыткой от Криса Тоттена — пожеланием многих лет счастливого плавания.

Внезапно у них есть яхта. Тридцать два фута. Шлюп, океанский крейсер. С глубоким килем. Вот эта штука, которую они увидели, увидела Мод. Старая лодка. Новая лодка.

Первое время яхта — весь мир. Тим углубляется в атласы; Мод изучает двигатели — «бух», «янмар», «вольво», «форд». По выходным, вечером в пятницу или с утра в субботу, они едут на побережье и часами лазают вверх-вниз по трапу. В судовой лавке им открыли кредит. За одни выходные они тратят шестьсот с лишним фунтов на краску, нейлоновые и полиэстерные канаты, болты и лак. Не без помощи Роберта Карри и его холщовой сумки меняют втулку Гудрича. Кое-какие задачи перепоручены рабочим верфи. На доске в кухне прикноплены счета — пухлую пачку листает ветер.

— Умрем в бедности, — говорит Тим, — зато в море.

Он пишет песню про яхту, рифмует «Киносура» с «ажура» и «фигура», «любви» — с «плыви», «живи», «возобнови». Исполняет — Мод слушает, сидя на диване, завернувшись в полотенце после душа. Исполнение завершается десятью тактами пиратской песни. В глазах у Тима слезы. Он откладывает гитару, возлагает ладони Мод на колени.

— Может, в Индию? — говорит он. — В Новую Зеландию? В Кейптаун?

— У меня работа, — отвечает она.

— Острова Туамоту, Красное море, Таити, Кейп-Бретон, Куба.

— У меня три недели отпуска в году.

— Я же не говорю — завтра, — поясняет он.

12

Она сообщает про яхту родителям — очередной воскресный, раз в три недели, звонок, — и мать говорит:

— Ой, Моди. Это кто придумал?

— Мы, — отвечает Мод.

— Нет, — говорит ее мать. — Придумывает всегда кто-то *один*.

13

Еще она сообщает Хендерсону. Идет ежегодная конференция «Феннимана» — отель в Саррее, викторианский псевдотюдоровский особняк, знаменитые сады и ресторан, который в розданных всем буклетах называется «оригинальным». Съезжаются продажники, разработчики, финансисты, юристы. Из Орландо прилетает американское руководство. Всех попросили поразмыслить над вопросом: «Могу ли я работать лучше?»

Почти вся суббота расписана под встречи с Джошем Фенниманом. Мод назначают на одиннадцать десять, и не опаздывать. Встречи проходят в апартаментах «Теннисон», в мезонине на втором этаже. Мод садится под дверью; тотчас молодой помощник выводит кого-то из апартаментов и, бросив мимолетнейший взгляд на часы, зовет Мод. Фенниман поднимается ей навстречу. На нем белая рубашка с расстегнутым воротом, угольно-серый пиджак итальянского кашемира, джинсы, начищенные ореховые ботинки. Беседа длится ровно десять минут. Он расспрашивает о ходе исследований. Записей не делает — подразумевается, что помнит все и так. Утро жаркое,

прекрасное июньское утро в знаменитых садах, и у Мод короткие рукава.

– *Sauve qui peut*, — с хорошим произношением читает Фенниман у нее по руке. — Любопытный выбор. — Смотрит на нее так, как уполномочены смотреть люди его ранга. Затем: — Мы все здесь командные игроки, Мод. Я думаю, вы это понимаете?

— Да, — отвечает она.

— Вам нравится ваш номер?

— Да, — говорит она.

Он протягивает ей руку:

— Надеюсь, мы увидим вас вечером на празднике.

Праздник устраивают в апартаментах «Гладстон». На автобусе из Лондона доставили восемь мариачи[18]. Открыт бар, первый бокал шампанского бесплатно. Мод надевает темно-шоколадное шелковое платье, короткий жакет посветлее, слева прикалывает брошь с саламандрой, на правой руке — индийские браслеты. Платье служит ей парадным нарядом лет пять, не меньше. На спине под жакетом дырочка — кто-то обнял Мод, куря

[18] Примечания: 18

Мариачи — мексиканская музыкальная традиция, черпающая из многих музыкальных жанров, и музыканты, исполняющие музыку в этой традиции.

сигарету. Колготок она не надевает. Бюстгальтер и трусы черные, из того же универмага, где были куплены офисные костюмы.

Хендерсон приносит ей фужер шампанского.

— Любишь такие тусовки или ненавидишь? — спрашивает он.

— Ни то, ни это.

— Как вы поладили с великим руководителем?

— Спрашивал, командный ли я игрок.

Хендерсон смеется:

— Как-то я сомневаюсь, что ты командный игрок. Только не обижайся. Но в смысле науки он тебе в подметки не годится. Он гарвардский магистр делового администрирования. Учебников со школы, по-моему, не открывал. А под парусом как ходится?

— Мы купили яхту, — говорит она.

— Яхту! Ну ты смотри-ка. Что за яхта?

Она склоняется ближе, рассказывает, перекрикивая оркестр. Выясняется, что Хендерсон ходил на «Николсонах» — 32-м, 44-м, — и говорит, что это великолепные яхты, великолепно сработанные. На такой лодке, говорит он, можно уйти прочь из познанного мира, куда подальше с карты. Они выпивают еще по фужеру. Он зовет ее на пятак потанцевать, но она качает головой.

Он уходит. Спустя двадцать минут возвращается с двумя стопками текилы.

— На счастье, — говорит он.

Ей не претит выпить, ей все равно, что пить.

Он рассказывает ей о себе то и се. Она не очень вслушивается — слишком громкая музыка. Теперь он говорит о себе в третьем лице. У Хендерсона шило в заднице. Хендерсону приспичило жениться. Что же он за человек такой, этот Хендерсон? Она кивает, смотрит на танцующих, видит, как Джош Фенниман обходит гостей, слегка удивляется, когда Хендерсон опять протягивает ей шампанское, и пьет, потому что хочется пить. Где-то около одиннадцати она уходит к себе в номер. Едва садится на постель и сбрасывает туфли, раздается торопливый тук-тук в дверь.

— На сон грядущий, — говорит Хендерсон, предъявляя ей бутылек бренди из мини-бара. — Две минуты?

Войдя и затворив дверь, он отставляет бутылек, называет Мод по имени, гладит по щеке, наклоняется — он выше минимум дюймов на десять — и целует. Она устала, но не слишком; пьяна, но не слишком. Он целует ее, целует и целует. Одна его рука сползает по шоколадному платью, задирает подол, гладит бедро, перебирается выше и вжи-

мается ей между ног. Он так жмет, что поднимает ее на цыпочки. Она соскальзывает и отступает.

— Я все понимаю, — говорит он. — У тебя кто-то есть, у меня кто-то есть. Но тут ведь не отношения. Тут просто два взрослых человека в одной комнате. Чтобы мир не перестал вертеться.

Он снова тянется к ней, но она отталкивает его руку. Он надевает гримасу оскорбленного недоумения, преувеличенного, театрального.

— Да ладно тебе, — говорит он. — Ты когда дверь открыла, думала, мы что́ будем делать?

Он кладет ладонь ей на плечо. И взмахом руки она снова прерывает контакт.

— Да господи, Мод, — говорит он, — ты как дитя малое, честное слово. Расслабься, а?

На сей раз он тянется обеими руками, хватает ее за плечи. Миг они танцуют — она помнит этот танец по годам, проведенным на матах с Ролинзом (хромым Ролинзом в дымном венце). Она нащупывает себе пространство для маневра, пол-ярда между письменным столом и брючным прессом. В левой руке у нее телевизионный пульт. Она замахивается четкой полудугой и попадает Хендерсону между виском и глазом. Он беззвучно оседает на ковер, стоит на коленях, обеими руками сжимая голову. Мод отходит подальше и

глядит на него. За спиной у нее пробудился телевизор, приветствует лично Мод, показывает ей сад, ресторан. Хендерсон встает и идет в ванную. Шумит вода. Он выходит, прижимая к голове ком мокрой туалетной бумаги. Он не повышает голоса, на Мод не смотрит.

— Я тебе вот что скажу, — произносит он. — Такие, как ты, кончают плохо.

Он щурится в глазок, открывает дверь, выскальзывает, тихонько затворяет дверь за собой. Мод откладывает пульт, берет снова, выключает телевизор. В ванной на краю раковины три капельки крови. Мод смывает их, споласкивает лицо, чистит зубы, садится на унитаз пописать. В спальне раздевается донага, аккуратно вешает платье на стул. Здесь гораздо теплее, чем в бристольской спальне. Мод голышом ныряет под одеяло и выключает свет. Засыпает очень быстро, но просыпается час-другой спустя — язык пересох, губы пересохли, между бедер призрак руки Хендерсона. Оконное стекло между деревянными планками жалюзи измазано оранжевым светом. И шум, такой тихий, низкий и непрерывный, что Мод не сразу узнает приглушенную суматоху дождя. Она слушает, пока он не поселяется внутри, как ее собственный голос, однако, вновь заснув,

видит не дождь, но туман и себя — она одна стоит на палубе, ждет шороха прибоя.

14

В июле «Киносуру» поднимают и спускают на воду. Киль входит ножом, корпус кивает и вздымается, словно касание воды в мгновение ока пробудило все сокрытые таланты формы. Тим гикает. Крис Тоттен откупоривает бутылку кавы, разливает по пластмассовым стаканам. На борту Роберт Карри открепляет канат. Крановщик подолом футболки протирает солнечные очки. Смотрит на Мод и Тима, затем только на Мод. Кружат чайки. Прогулочная яхта, направляясь вниз по реке, лениво гудит.

Все работы красным шрифтом окончены. Установлен, как хотела Мод, новый (отремонтированный) двигатель. Воздвигнута мачта, корпус блестит новой красной краской, по ватерлинии кремовая полоса. Все прочее можно доделать уже на воде. Со всем, чего на воде не доделаешь, придется ждать до конца сезона, когда яхту поднимут из воды.

Мод взяла недельный отпуск. Первые три дня яхта стоит на верфи у понтона. Тим и Мод спят в носовой каюте, просыпаются от птичьих криков и пения фалов. На борту есть газ в баллонах, дей-

ствующий камбуз. Они варят кофе, жарят тосты. Варят яйца и бросают пустые скорлупки в воду, смотрят, как их крутит прилив.

Тим начинает курить. Это, говорит он, обдуманное решение. Он сворачивает самокрутки и курит их на баке. Созерцает речную жизнь, нескончаемые приходы и уходы, речное волшебство.

У них целый список работ, и конца ему не предвидится. Смысл не в том, чтобы настал конец. Тим шкурит и лакирует. Мод внизу подключает новую дизельную печь. Заглядывают люди. Любопытствуют, как дела у молодой пары, и поскольку оба молоды, подразумевается, будто строят они не просто лодку, но жизнь, свою совместную жизнь. Роберт Карри помогает Мод установить дымоход (в палубе просверливают пятидюймовую дыру), приладить палубную пробку. Как и прочие мужчины, на Мод он смотрит озадаченно и с интересом, косится, когда она хмурится, работая. Он не любезничает, не флиртует, либо любезничает и флиртует так, что она не замечает. («Дай этому человеку подходящие инструменты, — говорит Тим, — он построит целый город».)

На четвертый день — на борту пресная вода и девяносто литров топлива — они перебираются на середину реки и швартуются к бочке. Завтра

— наконец-то! — поплывут. Уйдут с утренним отливом, поднимут паруса и все увидят. Посмотрят, на что способна эта их лодка. Наступает ночь; они сидят друг напротив друга на потертых зеленых банках и из мисок едят мидий. Печь не разжечь, еще не установлен насос, но не холодно, тем более в свитере и с бокалом вина в руке. Они дожидаются полуночного метеопрогноза для мореплавателей, затем падают в койки, и кожа их пахнет лаком, судовой краской и мидиями. Там, где сходятся койки, головы их сближаются, можно поцеловаться, но тела расходятся клином. Спят некрепко. Яхта приноравливается к приливу; корпус гудит под ударами воды. Якорная цепь в канатном ящике позвякивает, словно деньги.

Остаток лета и начало осени побережье Англии пронизано услужливыми ветрами. Яхта — средоточие их бытия; вдали от яхты они только и делают, что ждут возвращения. Каждые выходные «лянча» едет на юг, затем (порой под звездами, под луной, среди бус заблудших прибрежных огней) они гребут на тузике, груженные сумкой с одеждой, пакетами с продуктами. И вот она, на месте, и под нею скользит река, и палуба слегка кренится, когда они забираются на борт.

Печь теперь работает, и в прохладные ночи

Мод сворачивает салфетку жгутом, поджигает и бросает в топку. Затем из пакета выуживается бутылка, в пластиковых контейнерах ждет еда — то, что приготовил Тим, пока Мод была на работе.

Яхта становится тем, чем, вероятно, была прежде, при Джоне Фантэме. Настоящая парусная яхта, прочная, без прикрас, сухая там, где должно быть сухо, кают-компания — скорее мастерская или садовый сарай, чем гостиная. Они мало что планируют; по выходным ходят туда, куда гонят ветра и прилив, то на крыльях прилива пролетают мимо мыса Старт-Пойнт, то пересекают залив Лайм под вестом и на ночь бросают якорь поодаль от эксмутских доков. В конце октября яхта по-прежнему на ходу. Экскурсионные суда — те немногие, что еще ходят, — по большей части пусты. Речные берега блекнут, оголяются. Тим и Мод говорят друг другу, что это длинный хвост сезона, прекрасно можно ходить до Рождества, встретить Рождество на борту, проскочить, скажем, в Ньютаун и пировать там в одиночестве. Без проблем. Они самоуверенны, они всё беспечнее. Во вторые выходные ноября оказываются за много миль от марины, и прогноз обещает ветер четыре балла с порывами до пяти («Они же так сказали?»), но по ощущениям скорее шесть с порывами

до семи, и все свежеет. Налетает внезапно — ну, так им чудится. Некогда задраиваться, вспоминать, что не убрано внизу. Тим ищет спасжилеты и страховочные лини, не находит. Закручивают стаксель до лоскутка, Мод ползет на крышу надстройки зарифить грот. Брать рифы она умеет, но на «Киносуре» еще не пробовала. Тим ведет лодку в крутой бейдевинд, а Мод травит фал, тянет, ничего не выходит. Где-то заклинило, или она что-то забыла. Качка снова и снова бьет ее об мачту. Тим кричит — советует или ободряет, не слышно. Мод срывает ноготь, цепляя риф-кренгельс на крюк, ползет вдоль гика, чтобы потравить заднюю шкаторину, а дождь и брызги смывают кровь из пальца, едва кровь капает на палубу. Море вздувается. Поначалу от восторга кружится голова. Они доверяют лодке, лодка справится, но проходит час, и оба молчаливы, глазами не отлипают от размытой и безликой береговой линии. Идут под парусами с мотором, почти на семи узлах, но ничто не приближается. Виднеется лишь еще одно судно, каботажное, на всех парах уходит прочь. Они проголодались, свет меркнет. Они дети, отправились на поиски приключений, попали в переделку. Из-под палубы раза два-три доносится стук, злорадный грохот; Тим ныряет

в кают-компанию за горсткой печенья, а внизу мерцает битое стекло, черепки. Когда Тим и Мод прочитывают огни замка на скале и понимают, что выбрались, уже десятый час. Спустя сорок минут они убирают грот и под одним мотором прячутся в тень ветра. Ветер отступает от их лиц. Видны горящие окна, освещенная колокольня, фары машин, безмятежно шныряющих по узким городским улочкам. Руки от холода крапчатые; пальцы скрючились. Пришвартовавшись, оба идут вниз, средь осколков на полу стаскивают с себя мокрое, натягивают сухое и теплое, что под руку попадется. Тим заваривает чай, Мод подметает. Они плещут в чай виски, говорят друг другу, что это, конечно, неприятно, пожалуй, они сглупили, зато хотя бы знают теперь, как ведет себя лодка в непогоду. А где страховочные лини? Может, в багажнике валяются? Они трясут головами, подливают виски, потом забираются в спальники, хвалят лодку, и голоса их все тише. Напоследок — голос Тима, он втолковывает Мод что-то про хижины арктических исследователей, и как там всё развешивали сушиться, и горели масляные лампы, и кто-то в белой водолазке набивал трубку табаком, и было так невероятно, невероятно уютно…

Рано утром, завязывая чехол грота, Мод резко шагает к борту, наклоняется над леером и травит за борт. Тим, готовя завтрак, высовывает голову из сходного люка. Мод тылом ладони отирает рот, смотрит на Тима и пожимает плечами.

15

Оказывается, она беременна. Следующие полтора месяца ее тошнит изо дня в день, и не раз. В кармане зимнего пальто она носит полиэтиленовые пакеты. Если поблизости нет туалета, можно взять пакет, а потом выбросить в первую же урну. Тим спрашивает:

— Так вообще должно быть?

Он уговаривает ее взять отпуск, но она отвечает, что не больна, а беременна. На стоянке кройдонской больницы падает в обморок, быстро очухивается в сером сугробе. Отряхивается, подбирает портфель и идет на совещание, где вскоре кто-то вежливо наклоняется к ней и сообщает, что у нее кровь идет, слегка сочится ссадина над левым глазом. Спустя два дня она приезжает в Рединг, в офис «Феннимана». В коридоре ее останавливает кадровичка. Хочет знать, что случилось в Кройдоне.

— Давайте поболтаем, — говорит она.

В ходе болтовни — среди красной мебели в серебристой комнате — кадровичка узнает, в каком Мод положении, и мельком сигналит ей разочарованной гримасой. Тем, кто поступает на

работу и считаные месяцы спустя объявляет о беременности, не место в содружестве женщин, преданных делу.

— Ах вот оно что, — говорит она. — Ну, поздравляю, конечно. Собираетесь нас покинуть?

— Нет, — отвечает Мод.

— Но вам понадобится отпуск по беременности.

— Да.

— И сколько времени вам нужно, как думаете?

— Не знаю, — говорит Мод. — Месяца два?

— С учетом ухода за совсем маленьким ребенком.

— Да.

— Может, вы передумаете.

— Про ребенка?

— Может, захотите остаться с ним. Или с ней.

— Не исключено.

— Уже знаете, когда рожать?

— Двадцать четвертого июня.

— Тогда назначим следующую встречу… ну, когда? Недели через две? Естественно, составим график, запишем в календарь точные даты. А пока перечитайте свой трудовой договор. Обратите внимание на соответствующие пункты. Наша ответственность, ваша ответственность. Пока

нет ко мне вопросов?

Кадровичке Мод видится ребенком, что сидит на лавочке в длинном коридоре и ждет того, кто никогда не придет. Ребенок воспитанно сдвигает коленки, даже не понимает, что потерялся. Кадровичка пожалела бы Мод, но та ей не очень-то нравится.

Тим везет ее к родителям, в дом Рэтбоунов. Тимова мать обхватывает Мод руками и не отпускает целых полминуты. Мать похудела, на руках пятнышки ожогов. Отец Тима ладонями обнимает лицо Мод, пожимает сыну руку.

— Ну черти, ну молодцы, — говорит он.

Двойняшки, приехавшие из пансиона на выходные, морщат носы:

— Чё, правда залетела?

Магнус только что вернулся из Штутгарта, где неделю ходил по переговорам, жестикулирует утомленно и царственно, смеется над Мод, но, как и отец, похоже, искренне тронут новой вестью. Его жена одними губами произносит: «Кесарево». Дети под кухонным столом распевают:

— Ненавижу мелких! Ненавижу мелких!

За ужином («И тут всё *в самый раз* для деток», — говорит мать Тима, кивая на блюда) Магнус спрашивает, где они будут жить, когда родится

ребенок.

— Где сейчас живем, — отвечает Мод.

— Ну, — говорит Тим, — мы об этом не думали. Пока.

Мод смотрит на него:

— А что у нас там не так?

— Ребенку нужен сад, — говорит Тимов отец.

— Не говоря о дедушке с бабушкой, — прибавляет его жена, взглядом вперившись в брюквенное пюре.

— А ты знаешь, — спрашивает Магнус, — почему дедушки и бабушки так дружат с внуками?

Мод трясет головой.

— У них общий враг.

Почти все смеются.

В следующие выходные они по шоссе катят в Суиндон. Суиндон только что побратался с каким-то польским городом, и отец Мод показывает его в атласе.

— Говорят, там красиво, — замечает он. — По польским меркам.

Мать наполняет чайник, Мод оповещает ее о последних событиях. Мать разворачивается, вода льется, в глазах что-то похожее на страх. Мистер Стэмп идет в гараж за вином — вроде там стояла бутылка. Возвращается с домашним терновым

джином, который выиграл в школьной лотерее. Говорит жене:

— Моди ведь можно каплю?

— Вряд ли, — отвечает жена.

— Я чаю выпью, — говорит Мод.

— Ты будешь, Тим?

— Мне тоже чаю.

— Тогда отнесу на место, — говорит мистер Стэмп.

После чая они навещают дедушку Рэя. Прежде он жил через два дома, но после инсультов (в тот год Мод уехала в Бристольский университет) его переселили в «Тополя».

— У Моди новости, — говорит миссис Стэмп. — Правда, Моди? — Отирает старику рот. — Ты посмотри, — говорит она. — Надели ему разные носки.

Мод называет старика дедулей, и у Тима екает сердце. Вот этот человек построил для нее шлюпку, научил ее ходить под парусом! «Британские железные дороги Западного региона». Очень медленно, с явным трудом старик переводит взгляд с миссис Стэмп на Мод. Не разберешь, понимает ли он, что та говорит. Миссис Стэмп меняет ему носки. Ноги у него — как у тролля. На стене фотография паровоза, что мчится мимо полустанка,

какие давным-давно везде посносили. И фотография женщины — видимо, его мертвой жены, тучной, благодушной, бесполой. Они уходят. Петляют по коридорам этого большого страшного здания.

Дома у родителей работа. Им очень неловко, но куда ж деваться? Мод и Тим с тарелкой сэндвичей сидят в гостиной перед телевизором. Когда заглядывает миссис Стэмп, Тим говорит:

— Ужасно вкусно.

Смотрят с середины «Комнату с видом»[19]. Конец фильма, начинаются новости; Тим пожимает плечо Мод.

— Иди-ка ты в постель, милая, — говорит он.

Она уходит. Он несет пустую тарелку в кухню. Миссис Стэмп уже легла или куда-то ушла (куда тут уйдешь, в этом крошечном домишке?), а мистер Стэмп все сидит в луже лампового света, аккуратно перерисовывает тонкую линию неизвестно какого берега. Удачный момент поговорить, если охота, спросить, к примеру, как Тиму живется с Мод, каковы его намерения, но мистер

[19] Примечания: 19

«Комната с видом» (*A Room with a View,* 1985) — британская романтическая драма американского кинорежиссера Джеймса Айвори по одноименному роману Э. М. Форстера с Хеленой Бонэм Картер, Джулианом Сэндзом и Мэгги Смит в главных ролях.

Стэмп не отрывается от работы, утонул в ней с головой — в его дочери Тим тоже нередко наблюдает такую сосредоточенность, погруженность.

Тиму уже показали его постель в гостевой спальне — на единственной в доме двуспальной кровати спят родители, — и он уже на цыпочках крадется из кухни, но тут на пробковой доске у холодильника видит фотографию. Приколота между счетом от молочника и расписанием работы мусорщиков на Рождество — девочка в школьной форме, против стены, на плече сумка, носки подтянуты, юбка до колен. Волосы до плеч; челку хорошо бы подстричь. Видны кудри — кудри, что снова пробьются, если девочка отрастит волосы. Тим снимает фотографию с доски. На обороте кто-то написал дату — 1987. Значит, ей двенадцать. Одиннадцать или двенадцать. Не улыбается, не хмурится. Никак не угадаешь — хорошая была девочка, плохая, смешливая, несчастная. На лацкане блейзера маленький значок. Что на значке — не видно. 1987-й. Тим втыкает булавку в доску, сует фотографию в карман рубашки.

— Спокойной ночи, — говорит он.

— Спокойной ночи, — отвечает мистер Стэмп. Он теперь смотрит на Тима, но, если и заметил

фокус со снимком, тайное воровство маленькой фотокарточки, решил, видимо, не мешать.

16

Мод больше не тошнит. Она пухнет. Ноют мягкие сочленения таза. Ей хочется того и сего. Например, гранатов, и Тим покупает их у лоточника на рынке Сент-Николас. Режет их, выскребает зернышки, кормит Мод, любуется ее отупелой блаженной гримасой. Еще у нее, как он выражается, «бзик на требухе». Мод хранит ее в пакетах в холодильнике. Почки, печень. Один раз — ягнячье сердце в заляпанном мешке, на полке рядом с йогуртами Тима. Как она все это ест, он не видит. Сердце лежало в холодильнике, а как-то вечером исчезло, в мусорном ведре пустой мешок, под кухонным потолком — бледная дымка стряпни.

Мод не слезлива, Мод разумна. Настроение не скачет. Меняется пластика — замедленна, слегка неуклюжа. Временами, наблюдая, Тим вспоминает материно словечко — *неряха*. Замечает, что Мод целую неделю не моет голову. Предлагает помочь; она отвечает, что помоет сама, но не моет. А как-то утром, вытряхнув бельевую корзину на пол у стиральной машины, на мягком хлопке ее трусов Тим видит медный след говна. Он зама-

чивает трусы в горячей воде с горой стирального порошка. Надевает желтые хозяйственные перчатки и стирает. Скорее переломает себе пальцы, чем расскажет ей.

Секса мало, секса с проникновением почти не бывает. Они трогают друг друга, хотя в последние разы она мягко убирала его руку, пролезшую ей между бедер, а потом трудилась над ним, пока он не кончит. Тоже связь, конечно, однако похоже на то, что продажная женщина делает с мужчиной в его машине.

Они смотрят телевизор. Листают брошюры с недвижимостью — их присылают его родители. «Киносура» на берегу, покрыта брезентом до весны. До весны или некоего часа, когда удастся к ней вернуться в этом новом мире.

— Ты как себя чувствуешь? — спрашивает Тим, взяв Мод за руку; в гостиной воскресные сумерки, ее четырехмесячный живот мягок под свитером цвета морской волны.

— Нормально.

— Правда?

— Да.

— Не только физически, — говорит он.

— Не только физически, — отвечает она.

— Не жалеешь?

— О чем?
— Об этом вот.
— Ты же понимаешь, что нет.
— Просто проверяю.
— Я не жалею.
— Если немножко жалеешь — это ничего.
— Я знаю.
— Ты будешь чудесной мамочкой.
— Надеюсь.
— Росток будет тебя обожать.

Ростком он зовет ребенка. Рэтбоуны так называли еще не рожденных детей. Росток.

— Если страшно, скажи, — говорит Тим.
— Ладно.
— Тебе страшно?
— Нет.
— Ни капельки?
— Нет.
— Это хорошо.

На полу тарелка, красная подлива на белом фарфоре. Мод смотрит на Тима, Тим смотрит на Мод.

— Алло, — говорит он.

Она кивает, и он думает о том, до чего все близки к некоему безумию. Мод, его родители, не исключено, что он сам. Куда выведет эта мысль

— так сразу и не сообразишь.

17

В апреле они выбирают дом. Она домом интересуется мало, и выбор в основном за Тимом — ну, за Тимом и его матерью. Три спальни, полкоттеджа на границе Дорсета и Уилтшира, на машине от дома Рэтбоунов — всего ничего. Сад, балочные потолки, большая дровяная печь, плита «Рейбёрн», деревянная калитка с розами пообок, чистая продажа. Средства из денежного потока покупают им дом сразу. Тим и Мод станут возвращать по столько-то в месяц.

В начале мая Тим нанимает фургон. Друзья на полдня откладывают все дела. Отяжелевшая Мод пакует одежду в чемоданы, заворачивает тарелки и бокалы в газеты. Один бокал роняет, и бывший Тимов сосед Эрнесто кричит:

– *No le toques*[20], Мод!

Он сметает осколки. Обнимает ее. Возлагает руки ей на живот, и лицо у него — как у священника во время таинства.

Назавтра часам к десяти утра последние остатки — коробка чайных пакетиков, цветок в

---

[20] Примечания: 20
Не трогай (*исп.*).

горшке, пробковая доска, к которой до сих пор прикноплены счета за «Киносуру», — впихнуты в кузов фургона, и они выезжают, на юг, затем сворачивают на запад. Шоссе сменяются проселками с кружевными изгородями и некошеными обочинами. В коттедже их поджидают Тимовы родители. А также двойняшки и некто Слэд, немолодой здоровяк, не вполне слуга, но близко — домочадец, личный гвардеец.

В коттедже распахнуты все окна. Дверь оплетена жимолостью. Дорожка засыпана серо-голубым камнем, в котором Тимов отец, со скрипом опустившись на колени, распознает голубой лейас, морское дно юрского периода, богатое окаменелостями, особенно аммонитами.

Внутри, в прохладе низких комнат уже стоит кое-какая мебель из запасников Рэтбоунов. Кухонный буфет, столовые стулья темного лакированного дерева, кожаное кресло — кожа испятнана и истыкана, словно кресло сшили из старых боксерских мешков. Есть даже кровать — Слэд как-то ухитрился заволочь ее вверх по лестнице; изголовье из грецкого ореха отполировано до блеска. После обеда прибывают другие вещи; холодильник, стиральную машину и сушилку доставляют на фургонах местных

компаний, с которыми Рэтбоуны ведут дела уже тридцать лет.

Слэд разжигает плиту. Поначалу воняет керосином, затем пары́ рассеиваются. К закату дом обитаем, и все собираются в кухне на ужин. Тимова мать привезла запеканку в кастрюле «Ле крёзе». Отец Тима из машины приносит пол-ящика бургундского. Слэд уходит домой. Отвешивает всем эдакий легкий поклон. Все твердят, что Мод, должно быть, ужасно устала. Она отвечает, что нет, но после ужина засыпает в кожаном кресле и просыпается, лишь когда все собираются уезжать. Вместе с Тимом выходит на крыльцо помахать.

— Они пили-пили и всё выпили, — поясняет Тим. — Но утром опять приедут.

Затихает одинокая нота автомобильного мотора, а Тим с Мод все стоят в дверях, рука в руке. Небо над силуэтами крон заполонено южными звездами. Сова окликает сову; сова сове отвечает. Миг льнет к совершенству.

— Давай не будем запирать, — говорит Тим. — Мы же за городом все-таки, — но потом, когда Мод уже легла, отыскивает ключи и запирает дверь, задвигает засовы. У него же тут, в конце концов, гитары.

Она уходит в отпуск. В «Феннимане» ей вруча-

ют открытку «Удачи!», подписанную всеми, в том числе и Хендерсоном — от него только имя, Карл Хендерсон. Мод вернется на работу в октябре. С ребенком будет сидеть Тим — сам он на это соглашается с радостью, но его отец ворчит, заявляет, что ему такого не понять. («Это теперь принято? Рожать ребенка, а потом бросать?»)

Находят акушерку. В городке их всего две, и к Мод приставляют Джули — цветущую, коренастую, по-матерински заботливую, хотя она старше Мод всего на пару лет.

— Планируете большую семью? — спрашивает она, а услышав «нет», смеется, будто навидалась уже такого — женщин, которые и детей-то не хотели, а в итоге наводняли ими дом.

Она осматривает Мод.

— Вы очень сильная, — говорит она. — Выскочит, как косточка из лимона.

Она включает в динамиках пульс ребенка, а Мод смотрит на мобиль — медленное вращение птиц, которых она поначалу принимает за лебедей, но затем, полминуты понаблюдав, догадывается, что они задуманы аистами.

Джули показывает Мод палату. Сидя на койке, мамочка кормит грудью ребенка — мамочке на вид лет четырнадцать, да и то с натяжкой. Дру-

гая лежит на спине, как подстреленная. Третья медленно расхаживает туда-сюда с мужчиной, которого душит татуированная змея.

Вернувшись в кабинет, Джули спрашивает, какие у Мод планы на роды, но у Мод планов нет. Она планирует, когда придет час, делать что должно. Вроде можно это и не записывать. Что касается обезболивания, они договариваются, что, если понадобится, Мод попросит. Она не рассказывает Джули о своей работе в этой области, о кройдонском проекте, о пробных упаковках феннидина в бардачке «корсы». Пока клинические исследования крайне многообещающи, хотя есть сведения и о побочных эффектах, порой тревожные. У одной пациентки развилась крайней степени тошнота, пришлось ее ненадолго госпитализировать. Другая — есть подозрения, что она скрыла историю употребления рекреационных наркотиков, — утверждала, будто у нее галлюцинации, визуальные и слуховые. Ее, Пациентку Р, от дальнейшего участия в исследованиях отстранили.

В коттедже, согласно рекомендациям, Мод пакует сумку на экстренный случай — схватить в спешке, когда настанет момент. Вкладыши для бюстгальтера, подгузники. Ночная рубашка,

белье, несессер с умывальными принадлежностями, фонарик.

— А фонарик-то зачем? — спрашивает Тим.

— На всякий случай, — отвечает Мод.

— Если электричество вырубят?

— Положи обратно, — говорит Мод.

Он кладет фонарик обратно и молча проглатывает остроту насчет того, что не помешает и фальшфейер.

Примерно тогда же утренней почтой (которую доставляет приятная почтальонша — можно подумать, она знакома с Тимом и Мод уже сто лет) Мод получает письмо без подписи или даже вовсе не письмо, просто листок с цитатой из какой-то Маргерит Дюрас. Цитата аккуратно переписана черными чернилами; вот такая:

Быть матерью — не то же, что быть отцом. Материнство означает, что женщина отдает свое тело ребенку, детям; они живут в ней, как на холме, как в саду. Они пожирают ее, бьют ее, спят на ней; и она дает им себя пожирать, и порой она спит, потому что они на теле ее. Ничего

подобного с отцами не происходит[21].

Мод представления не имеет, кто это прислал, не понимает, мужской это почерк или женский. Штемпель на конверте неразборчив. Непонятно также, должны эти слова ободрить ее, предостеречь или просто поставить в известность. Она складывает листок и сует в книжку (подаренную матерью Тима — «Чего ждать, когда ждешь ребенка»[22]). Вскоре вынимает листок из книжки и осторожно сует между дубовыми половицами в спальне. Отправляет депешу во тьму.

Она по мелочи возится в саду, сажает фасоль и латук, а Тим играет медленные гаммы на гитарах (на копии «Лакота», на «Андре Домингесе», на «Тейлоре» — гриф черного дерева, шпон из кокоболо на головке грифа). Соседи, бездетная пара, — живут они, судя по всему, крайне упорядо-

---

[21] Примечания: 21

Цитата из текста «Дом» (*La maison*), вошедшего в книгу французской писательницы и кинематографиста Маргерит Дюрас (Маргерит Донадьё; 1914–1996) «Материальная жизнь: Маргерит Дюрас беседует с Жеромом Божуром» (La Vie matérielle. Marguerite Duras parle à Jérôme Beaujour, 1987).

[22] Примечания: 22

«Чего ждать, когда ждешь ребенка» (*What to Expect When You're Expecting, 1984; рус. пер. «В ожидании ребенка»*) — популярное руководство для будущих матерей, написанное Хайди Мёркофф и Шэрон Мейзел при участии Арлин Айзенберг и Сэнди Хэтуэй.

ченно, каждое воскресенье облачаются в черную лайкру и гоняют на дорогих мотоциклах, — уже сказали, что против гитары ничего не имеют, но надеются, что электрогитары у Тима нет, что он не рок-музыкант. Зовут их Сара и Майкл. Уже кристально ясно, что между Сарой с Майклом и Тимом с Мод дружбы не предвидится.

Назначенная дата приходит, проходит. Минует еще неделя. Мод потеет на июльском солнце. Отекают лодыжки; порой она целыми днями почти не раскрывает рта. Бодрствует, когда Тим засыпает; спит, когда он просыпается. В коттедж приезжает Джули. Похоже, что дискомфорта ребенок не испытывает. У Мод слегка повышенное давление, но причин для беспокойства нет. Подождем еще несколько дней, а потом подумаем.

Приезжает в гости мать Тима. Предлагает помассировать Мод живот, с облегчением выслушивает отказ. Двойняшки, широкобедрые девы, без гримасы не в силах взглянуть на Мод — на кошмарный, гротескный итог потаенного акта! — но именно они сидят с Мод в переднем садике, заплетая друг другу косы, когда у нее отходят воды. Отвешивают челюсти, когда Мод задирает платье и смотрит, как по ногам бежит жидкость, ни шевельнуться, ни заговорить не

могут, когда она встает и ковыляет в дом.

Тимова мать сидит в кожаном кресле, прикрыв глаза и запрокинув голову. Она второй месяц на пароксетине и после некоторого уточнения дозы добилась иллюзии остекленелой невозмутимости.

— Я тебя отвезу, — говорит она. — Тим только в стену врежется. Пусть приедет потом.

Она расстилает на пассажирском сиденье газету. Мод садится, на колени кладет экстренную сумку. Внизу пристроилась собака, робко лижет ей ноги. Машина газует, пыль оседает на лихнис, маргаритки, ползучие лютики.

— Постарайся не заснуть, — говорит Тимова мать.

— Я не передознулась, — огрызается, а может, и не огрызается Мод. Собака всё лижет ее, по коленям елозит собачий язык.

— Когда я рожала Магнуса, — говорит Тимова мать, костлявыми пальцами вцепившись в руль, — у меня во время схваток случился мощный спонтанный оргазм. Очень неожиданно. Довольно неловко, если кто заметил. Но я в те годы прислонялась к бельевой сушилке и через минуту возносилась на седьмое небо. Никогда не понимала вот это все в женских журналах,

про женщин, которые не могут. Прямо не знаю — может, им чего-то не хватает. В смысле, анатомически. Я про вас с Тимом не спрашиваю. Ясно, что у вас очень здоровая жизнь. Помню, у Магнуса была богатейшая коллекция порнографии — он в пансионе одалживал ее другим мальчикам. Бизнесмен был с младых ногтей. Большой талант. Но главное, Мод, — младенцы. Ты скоро поймешь. Младенцы и дети. Особенно младенцы, но дети тоже… Ты смотри-ка — странно…

Она бьет по тормозам. Они на окраине деревни — впереди низкие хижины, крытые соломой. На великолепно убранной лошади едет мужчина в белом. Вокруг женщины в золотом, зеленом и красном стучат палками и поют.

— Похоже на индуистскую свадьбу. Во всем Дорсете наберется примерно два индуса. — Тимова мать опускает окно, автомобиль потихоньку ползет вперед, и каждому удивленному или хмурому лицу она объявляет: — Эта девочка вот-вот родит. Спасибо! Нам, боюсь, нельзя медлить!

В голове процессии она снова поднимает окно, поддает газу.

— Можешь назвать ребенка Шивой, — говорит она. — Или как там другую зовут? Кали?

В палате рожают еще две женщины, при

каждой бригада родовспоможения. Шум стоит понятно какой — жизнь с усилием раскручивает свое веретено. Мод молодец, о чем ей то и дело сообщают. Пора обедать, три часа дня. Она час проводит в родильном бассейне (он новый, и они тут ужасно хотят его опробовать). На седьмом часу легкие ее полны закиси азота пополам с кислородом (тоже очень настаивали).

На акушерке полиэтиленовый фартук, как у школьной буфетчицы.

— Умничка, — говорит она. — Почти у цели.

Касание акушеркиной руки, перед глазами — собственные колени, задранные ступни на подпорках. И видения — вызванные, несомненно, закисью азота: например, женщина голой шагает через пустошь, по пустыне, по сияющей серой пустыне, похожей на луну, видны лишь спина, ссутуленные плечи, неустанный ритм ходьбы, и конца не видать. Спина, бедра как наковальня, тень рябит в серой пыли…

Затем обещанное жжение, Тим над чем-то рыдает, ей не видно, двумя выматывающими потугами оно вытолкнуто и, по-прежнему к ней привязанное, поднято, уложено поверх ее сердечного грохота. Мод касается морщинистой спинки, прижимает к ней пальцы. Вечер; на часах над

дверью — десять минут одиннадцатого. Автобус катит мимо к вокзалу; под потолком пляшет мотылек. Она родила. Она родила, и она теперь мать. Мать, и будь что будет.

18

Ребенок — девочка, и ее нарекают Зои. Ни Тим, ни Мод не знают никаких Зои. Имя лишено фантомной парности, в нем не таятся призраки.

Она присасывается. Жадно впивается в грудь Мод. Джули довольна, довольна патронажная сестра. Навестив коттедж, патронажная сестра, которая старше Джули, взвешивает ребенка в слинге и записывает вес в тетрадку Мод. Ребенок то и дело выгибает спинку, словно пытается сбросить кожу. Когда Мод спрашивает, почему так, патронажная сестра отвечает, что это ничего, это нормально, абсолютно ничего страшного. Непонятно что-нибудь — вынимай сейчас же грудь.

— Лечит почти от всего, — говорит патронажная сестра. И смеется.

Мод худеет. На футболках пятнышки желтоватой молочной коросты. К началу сентября — кожа да кости. Не давайте ребенку вас поедать, советует патронажная сестра. Выдает карточки с рецептами — Тим кидает их в дровяную печь. Готовит свиную ногу с фисташками и чесноком. Курицу под кремово-яичным соусом (рецепт ма-

дам Бразье[23]). Мод ковыряет в тарелке вилкой. Слишком жирно, слишком то и се. Ей бы лучше, например, пронзительно-зеленого латука, что еще растет в саду на задах. Тим возражает, что в латуке ничего нету, одна вода; Мод отвечает да, очень хочется пить.

В октябре еще тепло. Вдалеке кучкуются размытые облака. На закате расцветают последние драные стебли энотеры. Приезжают родители Мод. Извиняются, что не вырвались раньше. Сначала поход в Словакии, забронировали много месяцев назад, а потом новый учебный год, во вторую же неделю триместра — инспекция Комитета по стандартам образования, совсем с ума посходили. Они привозят игрушку — разноцветные деревянные кубики, нанизанные на гнутую проволоку, все это прикручено к деревянной подставке и призвано улучшать зрительно-моторную координацию, мелкую моторику. Миссис Стэмп берет ребенка на руки. Сидит с комфортом. Непохоже, что ребенка вот-вот уронят. Она обращается с младенцем, думает Тим, как с вазой, которую еще не решила купить. Мистер

[23] Примечания: 23

Матушка Бразье (Эжени Бразье; 1895–1977) — знаменитая французская шеф-повар из Лиона.

Стэмп морщит нос. Машет жене, говорит, что та выглядит очень мило. У него есть привычка поглядывать на нее, надеясь на подсказку — как себя вести, какую позу принять, какие произнести слова. Расслабляется он только с Тимом в саду — обмахивает руками холмы, вызывает ледники из небытия.

Рэтбоуны приезжают трижды в неделю, порой чаще. Тоже приносят дары — кашемировый чепчик и одеяльце, серебряный крестильный браслет, деревянного гуся, ониксовое яйцо, череду мягких игрушек — зверей, замечательно похожих на свои живые прототипы. Тискают ребенка. Тимов отец берет девочку на руки, искренне, откровенно ликуя. В тепле последних теплых предвечерий валяется на некошеной траве, а ребенок спит у него на груди, на плотном хлопке рубашки. Всем, кто подходит, Тимов отец шепчет:

— Вот оно, блаженство.

А еще подарок для Мод и Тима. Запоздалый подарок на новоселье, на новорождение. Тим вышелушивает его из пузырчатой пленки, видит, что внутри, и в восторге зовет Мод, показывает. Одна из акварелей Альфреда Даунинга Фриппа из сокровищницы, портрет девушки с корзиной

вишен. Большие голубые глаза, румяные щеки, розовые губы, соломенная шляпка набекрень на густых светлых кудрях. Картину обрамили какие-то прекрасные умельцы из Шербурна. Ее вставили под неотражающее стекло. Застраховали. Тим бродит с акварелью по гостиной, прикладывает туда и сюда. Его мать стоит в центре, высказывает соображения. Его отец держит Зои, болтает с ней тихонько, приватно. Мод смотрит в окно, видит чужого кота на лужайке. Нутряную легкость его походки. Чистоту его чуткости.

В конце месяца она отнимает ребенка от груди. Ребенок в истерике, отталкивает бутылочку с соской, извивается в руках Мод. Пробует Тим. Садится с девочкой в кожаное кресло, смазывает ей губы молоком, не заставляет. Процедура длится почти час. Шум стоит поразительный, нечеловеческий. А затем, внезапно распрямившись всем тельцем, дитя сдается. Ложится у Тима на руках и ест; новый аппетит слеп и мощен, как и прежний. Тим смотрит на Мод, ухмыляется. Мод уходит наверх и спит.

Через неделю она возвращается в «Фенниман». Спустя несколько дней поездки на работу в утренних сумерках, поездки с работы в сумерках вечерних уже совершенно привычны. Бристоль-

ский проект кому-то поручили, оксфордский завершен, но Кройдон по-прежнему за Мод, плюс новый проект в Саутгемптоне, исследование роли каппа-опиоидных рецепторов в кратковременном обезболивании, в том числе при родах. Наверное, считается, что раз она и сама недавно перенесла родовые боли, проект ей подходит, хотя вслух так никто не говорит.

Вечерами, когда она приезжает домой, Тим и Зои нередко спят в тепле от дровяной печи. Мод их не будит. Ест, потом сидит с ними. Иногда первой просыпается девочка, иногда Тим, а иногда вместе, словно за день, неделю, несколько недель идеально синхронизировались.

С ребенком все хорошо, абсолютно все. Она больше не похожа на сырое мясо. Не успели оглянуться — появляется лицо.

— Господи, — говорит Тим, — это же миниатюрная Мод. Ты посмотри!

Однако для Мод очевидно (этот лоб, этот подбородок, особенно эти глаза), что ребенок — Рэтбоун.

Зимними воскресеньями они кутаются и идут гулять. Зои висит у Тима на груди в детской переноске, эдаком рюкзаке задом наперед, называется «Уютик». У Тима трость, на редеющих волосах во-

щеная кепка «Барбур». Они одолевают перелазы, пересекают мелкие ручьи, бродят по опухшим зеленым лицам дорсетских полей. Обедают в пабе с истертыми каменными полами, камином, лисьим чучелом в стеклянной витрине. Посетители радуются ребенку. Запоминают, как ее зовут, спрашивают, как у нее дела, восторгаются ее ладошками, волосиками, кроткими умными глазами. Вскоре Зои уже ползает по каменным плитам. Гладит дремлющих собак. Собаки греют животы, на девочку и не глядят. Весной она в порядке эксперимента встает и делает первые шаги не в коттедже, а в пабе, сползает с лавки на пол, шатаясь заходит в бар-салон, останавливается под лисицей в витрине, смотрит опасливо — на острую морду, на мертвую птицу в пасти, на горящие глаза. Над девочкой смеются; ей деликатно аплодируют. Тим идет за нею на почтительном расстоянии. Я, думает он, как монах, приставленный к перерожденному ламе. Чем он прежде заполнял свои дни? Зачем были дни прежде?

— Оп-па, — говорит он, ставя Зои на ноги в девятый, в десятый раз. — Оп-па.

Ее первый день рождения: всевозможные нежные торжества. Утром Тим разводит красную краску — нетоксичную, совершенно безопас-

ную, — размешивает ее в жаростойкой стеклянной миске, на глазах у Зои и Мод вжимает руку в краску, а затем в белую стену у задней двери.

— Ну вот, — говорит он, глядя на отпечаток, красный призрак своей руки. — Теперь вы.

Следующая — Зои, лишнее стирают с ее запястья бумажным полотенцем. Тим ее поддерживает, помогает ровнее прижать ладошку к стене. Дитя дивится на оставленный след. Делает еще три, бледнее и бледнее.

— Теперь мамочка, — говорит Тим. — Давай, мамочка.

И Мод мочит руку в краске, наклоняется через Зои оставить отпечаток.

— Давай-давай, — подбадривает Тим, опять сунув руку в миску.

Бледные отпечатки подробнее, точнее копируют сотворившую их руку, узор и текстуру кожи. Тим фломастером пишет на стене дату, потом они вместе моют руки в кухонной раковине, и красная краска, красная вода штопором уходит в слив.

В полдень приезжают Рэтбоуны — мистер и миссис Рэтбоун, двойняшки, жена и дети Магнуса (сам он в Цюрихе).

Чуть позже приезжают родители Мод на жел-

той машине — ни модели, ни производителя никто не узнаёт, однако машина проезжает шестьдесят с лишним миль на галлон. Паркуются аккуратно, но не слишком близко к «рендж роверу» Рэтбоунов, гуськом шагают под розовый куст, по тропинке, по древнему морскому дну. В людной гостиной мать Тима целует обоих, и они сносят это, лихорадочно изображая задор, который им решительно чужд. На несколько минут женщины остаются вдвоем, и миссис Рэтбоун беседует с миссис Стэмп, точно жена премьер-министра с супругой африканского президента, — жена премьер-министра, которая с утра пораньше зарядилась упражнениями цигун, а затем парой-тройкой коктейлей — или одним, но очень крепким. Миссис Стэмп — умная, с лицом как цветочек или насекомое, выглянувшее из цветочка, — без конца твердит: «Ой, да-да», и старается не пялиться на руки миссис Рэтбоун, когда та трогает ее руками.

У мужчин фиаско иного рода. Мистер Рэтбоун не знает, сколько миль на галлон проезжает его «рендж ровер», и вообще, это машина его жены. Его не интересуют дороги или разные маршруты откуда-нибудь куда-нибудь еще, если, конечно, ты не в самолете на десяти тысячах, скажем, фу-

тов — там он предпочитает летать вдоль речных русел. Он спрашивает, где мистер Стэмп учился, а получив ответ, кивает и ничего не говорит. Мистер Стэмп не спрашивает, где учился мистер Рэтбоун, но не потому, что предвидит ответ, а потому, что азы поддержания светской беседы ему практически неведомы. Оба держат дистанцию, дабы не допустить случайных касаний, дабы друг друга даже не почуять.

— Пойдемте наружу! — говорит Тим, наблюдая все это от передней двери. — Все-все, давайте!

В наперстянках пчелы, после вчерашнего дождя земля у калитки усыпана розовыми лепестками. Все садятся на теплую влажную траву. Взрослые, даже мистер и миссис Стэмп, пьют шампанское, Перье-Жуэ, и пьют изрядно. Зои смачивают губы шампанским, и все единодушно решают, что ей нравится. Любимец ребенка — отец Тима. У нее для него есть особое имя — видимо, это имя.

— Убу! — зовет она, едва завидев его алые вельветовые штаны. — Убу!

Похоже, этого-то имени Тимов отец (майор Питер Энсли Рэтбоун, мировой судья, сын генерала, внучатый племянник виконта) втайне и дожидался всю жизнь.

— Я Убу! — грохочет он Саре и Майклу, когда

они выкатывают свои худосочные байки из сарая, кривясь так, будто гвалт вечеринки выселил их из родного дома. — Я Убу! — кричит он новому молодому викарию, который прогуливается по улице с женой.

Следуют салонные игры: «передай посылку» (под каждым слоем подарок), прятки, «прицепи хвост ослу». Затем торт с банановым пюре, корицей и йогуртом, с одинокой свечкой на верхушке. Старшие дети подхватывают Зои на руки, ставят на землю. Тискают ее, лицом суются ей в лицо. То и дело она ищет Тима, его одобрения этим странным событиям. К трем часам она ошеломлена, бледна, розовый бутон рта (сочное его совершенство) измазан, кажется, землей.

— Отнесешь ее наверх, Мод? — спрашивает Тимов отец.

— Да, — говорит Мод. — Думаете, она устала?

– *Конечно*, устала, — отвечает он. Усмехается, но без юмора. — Она с ног валится. Тебе не кажется?

Так что Мод берет ребенка на руки, а Тимов отец смотрит на Тима, а тот отводит глаза, собирает тарелки и несет их в кухню, где отпечатки рук на стене, высохнув, обрели нежданные свойства. Зря я, думает Тим, выбрал красный.

В августе они едут на побережье. Мод за рулем

новой служебной машины, вишневой «хонды» — в сравнении с «корсой» большой прогресс. Тим на заднем сиденье с Зои, умиротворяет ее сушеными яблочными кольцами, молочной смесью, песенками. Заезжают на бензоколонку поменять Зои подгузник. В багажнике огромный тюк детских вещей. Одна прогулочная коляска (массивный транспорт для пересеченной местности) занимает полбагажника.

Когда они забирают ключи в конторе у Криса Тоттена, маклер дружелюбно курлычет с ребенком, разрешает ей отпечатками пальчиков запятнать нержавеющий корпус зажигалки, спрашивает Тима с Мод, какие у них планы переходов.

— Пока ничего такого, — отвечает Тим. — Сначала посмотрим, какой из этой девчонки моряк.

«Киносура» пришвартована посреди реки. Мод вызволяет тузик из его зимовья в стеллаже на понтоне. В тузик пробрались любопытные вещи. Раковина мидии, крышечка от бутылки, перо. Что всего любопытнее — сброшенная змеиная кожа, словно бумажная, почти невесомая.

Зои уснула в рюкзаке, но при первом взмахе весел просыпается и крутит головой в явно нарастающей панике. Когда добираются до «Киносуры»

и передают девочку через леер, она уже вопит. Ее уносят вниз, успокаивают, но всякий раз, когда опять выносят на палубу (всякий раз утешая), ужас ее вспыхивает вновь, и приходится снова бежать с нею вниз. Они хотели остаться на долгие выходные, но спустя полтора дня возвращаются — перебежками от бензоколонки к бензоколонке. Вторая попытка равно безнадежна; третья, пожалуй, чуть похуже: дитя смотрит на воду как на застарелого врага, внезапно и чудовищно реального. С девочкой не поговоришь, ее страхи не уймешь. Роберт Карри, отчасти понаблюдав, как она извивается в отцовских руках и кричит, будто у нее разрывается сердце, замечает, что просто, наверное, еще рано. Столько воды, сделаешь шаг — весь мир кренится. Телу неприятно, а как же? Он улыбается всем троим. У него в волосах крошечные завитки металлической стружки.

— Не мое дело, само собой, — прибавляет он.

Но Тим пылко с ним соглашается.

— Слишком сильно, слишком рано, — говорит он и от облегчения смеется.

Спустя две недели Мод едет одна. Есть несделанная работа, задачи неотложные или могущие так пониматься. Тим поедет в следующий раз, но в следующий раз он говорит:

— Да ничего. Езжай ты.

— А ты не хочешь?

— Могу не ездить.

— Ты уверен?

— Ага.

— Я могу и остаться, — говорит она.

— Я понимаю.

— Я могу за ней присмотреть.

— Естественно. О чем ты говоришь?

Некоторое время они смотрят друг на друга. Мод пожимает плечами:

— Только если ты правда уверен.

— Я уверен. Абсолютно.

— Ладно.

— Мамочка съездит на лодку, — объявляет Тим, держа ребенка на руках. — А Зои останется дома с папочкой.

Ребенок смотрит на него, отворачивается, устремляет на Мод большие серьезные глаза. Из пальцев выпутывает обрывок зеленой ленточки, протягивает Мод.

— Знак благосклонности юной королевы, — говорит Тим. — Все новооткрытые земли надлежит назвать в ее честь.

Мод берет ленточку и говорит:

— Спасибо, — а после паузы, тихо: — Да.

На маленьких лодках она провела одна в общей сложности больше пятисот часов, но на парусной яхте в одиночестве никогда не выходила. Воскресным утром, в джинсах, кроссовках, толстой синей рубахе, как будто рабочей, она под мотором выходит из гавани с отливом. Разгар сезона вот-вот пойдет на убыль, и впереди по реке зигзагами мечутся лодки, целая стая маленьких прыгучих моторок, взятых в почасовую аренду в киосках и управляемых людьми, которые, возможно, на воде очутились впервые в жизни. Вот и первая загвоздка — стоять в кокпите у румпеля, когда ты ростом пять футов шесть дюймов и больше никого на борту нет, некому крикнуть, предупредить, последить за паромами, заметить в воде кусок веревки, готовый обвиться вокруг винта. Поначалу Мод дергается, мечется по кокпиту, то и дело оглядывается, словно река полна беззвучных лайнеров, что догонят ее в считаные минуты, раскрошат «Киносуру» в щепу. Потом успокаивается. Видно неплохо, и движение яхты прекрасно вписывается в утренние речные дела. Под ногами ободрительно гудит мотор. Мод нравится запах солярки. Нравится, как флегматично движется лодка — точно уверенный пловец, что гребок за гребком направляется туда, где глубже.

Между двумя замками, между скалами она пересекает незримую линию, где гавань передает ее под опеку моря. Дует вест, балла два-три; свет отличный, берег видно на многие мили. Мод идет по медленной дуге, приводит яхту более или менее к ветру, принайтовливает румпель и бежит поднять грот, затем опять в кокпит, высвобождает румпель и приводит яхту, пока зеленая ленточка, привязанная теперь к ванте по правому борту, не встает на ветру перпендикулярно борту. Яхта кренится. Мод вырубает дизель, поднимает стаксель, пятнадцать минут носится между румпелем и лебедками, выравнивая лодку. И вдруг дел больше нет, вообще никаких, только положить ладонь на изгиб румпеля, сощуриться от ослепительного морского блеска. Она идет под парусом. Она одна. Впереди изгиб мира, за ним — все остальное. Познанное, воображаемое, воображаемое познанным.

Труднее всего снова пришвартоваться. Она не сообразила, не продумала как следует. На минимальном ходу она под мотором минует швартовную бочку, разворачивается и возвращается, надеясь, что прилив мягко остановит лодку. Он так и делает, но пока она бежит на бак, лодка дрейфует, и бочку не достать. Мод снова

разворачивается — вторая попытка, затем третья. На сей раз она набрасывает на бочку утяжеленный канат, и это лассо туго затягивается, когда лодку сносит мимо по течению. Мод не знает, помнит ли это или только что придумала сама. Не важно. Очевидно, решение верное. Она выключает мотор. Навстречу ей вздымается речная тишина. В кают-компании она выгребает суп из консервной банки в кастрюлю, сидит на трапе и смотрит, как суп греется. Все как должно быть; никаких сбоев — ну, серьезных. Она вышла на яхте и привела яхту назад. Если такие выходы станут регулярными, ей надо обучиться навыкам хождения под парусом в одиночестве, и она в уме составляет список необходимого на случай, если она уйдет не на одно утро или день, а, скажем, на неделю. Интересно, как справлялся Джон Фантэм — фантомный Фантэм, который в фантазиях Мод и Тима всегда ходил в одиночестве. Прежде всего понадобится какой-то авторулевой — ветропилот, автопилот. Она изучит варианты. Поговорит с рабочими на верфи. Может, с Робертом Карри.

Телефон лежит в сетчатом кармане над штурманским столиком. Мигает голубой огонек. Мод смотрит. Звонит, должно быть, Тим — хочет узнать, когда она вернется, хочет спросить, не

прихватит ли она что-то по дороге, хочет рассказать про Зои. Что он хочет рассказать ей про Зои? Мод отключает газ под кастрюлей, переливает суп в чашку и выходит на палубу. На будущее, думает она, телефон, пожалуй, можно оставлять в машине.

19

В три с половиной года у Зои ветрянка. Болеют еще несколько мальчиков-девочек с детской площадки. Зои перебаливает довольно легко, а поправившись, словно переходит на следующий этап, и взгляд ее по-новому пристален, точно с нее слой за слоем сдирают младенчество.

Она сильна, игрива, прежде времени музыкальна. Тим покупает ей розовое укулеле. Его инструменты очень ценные, и Зои он дозволяет разве что потрогать их, погладить древесную текстуру, блестящие струны — кончиками пальцев, тщательно осмотренных на предмет меда, шоколада, соплей. Все гитары теперь в коттедже, даже «Лакот» из родительской сокровищницы. Их достают поиграть, а так хранят наверху, в запертой кладовке гостевой комнаты.

У Зои толпа кукол, в том числе красавицы, подаренные Убу. Она сурово ими командует, душит поцелуями. Притворяется котенком — это длится много недель. Хочет, чтобы котенком была и Мод. Тим ненавязчиво наблюдает из-за кухонной двери, как Мод стоит на четвереньках — котенком, познавшим свою котячью природу по книжкам.

И Мод не умеет выдумывать истории — получается очень натужно. И приходит в замешательство, когда ее просят пожать руку невидимым людям, только что выскочившим из дочериной головы. Вот такой она и была в детстве? Тим вспоминает фотографию, украденную с пробковой доски у ее родителей. Девочка с кирпичной стеной, девочка в белых носочках, непостижимая девочка. Он спрашивает ее (мягко, чтобы не тыкать в больное, как психотерапевт какой), она отвечает, что была ребенок как ребенок.

— Дети же не одинаковые, — говорит он.

— Я понимаю, — отвечает она.

Очередной разговор, который заводит в тупик.

Он видит Мод в складке рта Зои, в кудрях, в форме пальцев ног (у Рэтбоунов они совсем прямые), но очень не сразу различает повадки, ужимки, отчетливо, бесспорно унаследованные от матери. Как-то раз они с Зои дома вдвоем, и днем она стоит на лужайке, глядит невесть на что, и Тиму предстают этот нутряной покой, эта сверхъестественная неподвижность, которую он так часто подмечал у Мод. Отключка — или *включенность*. Какая-то несообразная примитивность; поза, гримаса — будто с росписи горшка из саркофага вавилонской принцессы. Тим не уверен, что рад

узреть такое в лице своей дочери.

Спустя две недели, раздевая Зои в пару́ ежевечерней ванны, на исподе ее предплечья он видит черные отметины, черные кляксы. Просит показать, но она не хочет, прижимает руку к голому боку. Он просит снова, и она приплясывает на ванном коврике, в финальном па предъявляет руку. И тогда он понимает. Отметины, черные фломастерные загогулины и закорючины — копия материной татуировки, *Sauve qui peut*. Тим оттирает ее, но Зои негодует. Рисунок медленно блекнет. К счастью, Зои его не подновляет.

С Мод — в основном по ночам, иногда в постели — Тим ведет разговоры о втором ребенке.

— Ты была единственным ребенком, — говорит он. — Ты не хочешь, чтоб у Зои были брат или сестра?

— Если спросить ее, она откажется.

— Если спросить ее, она потребует продать дом и накупить шоколада. Продать яхту — наверняка.

Эти беседы ни к чему не ведут. Тим не настаивает; Мод не говорит «нет», ни разу. За годы с рождения Зои они пользовались разной контрацепцией (презервативы; противозачаточные таблетки; ненадолго — диафрагма). Иногда не

прикасаются друг к другу неделями. Часто устают. Ее работа, долгие часы в дороге; его воспитательские труды. К десяти вечера они хотят скорее сна, чем друг друга, чем физического труда любви. А потом чары спадают. Он замечает, как она натягивает свитер через голову, как потягивается ее девчачье тело. Или он что-то говорит, и оба смеются, и напряжение, почти незаметное напряжение мгновенно рассеивается. Они занимаются любовью в спальне, пару раз в ванной под душем, но лучше всего внизу, где не надо бояться, что проснется ребенок. Мод не тяжелая, Тим прижимает ее к стене, задрав ее коленки до плеч. Или сажает ее на себя верхом, колготки валяются на полу, юбка задрана до пояса, мускулистые ноги напружинены, со стола не убрана посуда после ужина, тикают кухонные часы, ночь вжимается в незанавешенные окна, тьма плотна, как фетр.

Их друзья (загородные друзья) — Джек и Мэгги, Крис и Белла, Лэлли и Тиш. Друзья, гости к ужину, такие же родители с детьми из детсадовской группы Зои или с детьми постарше, уже учатся в Сент-Уинифред, весьма почтенной местной началке, куда Зои пойдет в сентябре. Есть еще бездетный Арни, Тимов друг по частной начальной школе, управляющий по недвижимости,

только что развелся и «развлекается вовсю», хотя обрюзг, рассеян и лет на десять постарел.

Все живут в радиусе двенадцати миль от коттеджа; все, кроме Тиш, у которой мать из Бирмы, — белые, с университетскими дипломами, при деньгах. Только Мод не училась в частной школе (Кингз-Брутон, Итон, женский колледж Челтнем, Роудин, Чартерхаус); только Мод занималась фундаментальной наукой. Сидя за столом друг у друга в гостях, они болтают о детях, браке, загородной жизни. Обсуждают политику (один Арни без угрызений склоняется к правым); об искусстве (Королевская академия, эдинбургский фестиваль «Фринджа», Эйч-би-о). Тиш и Лэлли, провозгласившие себя королевами дорсетских лесбиянок, в курсе всех местных сплетен. Знают, к примеру, что от молодого викария сбежала жена, молодой викарий опозорен, а отставного старого викария — которого, по слухам, сильнее прельщает палеонтология, костяные окаменелости и кремневые наконечники стрел, чем Сорок

две статьи Церкви Англии[24], — призвали назад, дабы приход ненароком не увлекся индуизмом или почитанием дьявола.

— Господи, какой-то Троллоп[25]! — говорит Джек, и все кивают — все, кроме Мод: романов она не открывала со школьных экзаменов и «Джуда Незаметного»[26], имя Троллопа для нее пустой звук. На этих сборищах она не блистает. Она дружелюбна, отвечает, если к ней обращаются, не забывает расспрашивать про чужих детей и припасла небогатый набор замечаний о своем ребенке, но не объявляет внезапно, как Мэгги в один прекрасный день, что влюбилась в нового слесаря; не передразнивает, как Тиш, помпезную околесицу министра, не выступает (Лэлли) в слезах за эвтаназию и не рассказывает

---

[24] Примечания: 24

Сорок две статьи Церкви Англии — изложение вероучения Англиканской церкви в контексте ее отношений с Католической церковью и кальвинизмом; документ был составлен в 1552 г. архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером, одним из «оксфордских мучеников», а в 1563 г. лег в основу 39 Статей, которые с 1571 г. являются основной доктриной Церкви Англии.

[25] Примечания: 25

Энтони Троллоп (1815–1882) — английский романист, автор многочисленных иронических бытописаний викторианской Англии.

[26] Примечания: 26

«Джуд Незаметный» (*Jude the Obscure,* 1894) — последний законченный роман английского писателя-реалиста Викторианской эпохи Томаса Харди о рабочем, который стремится к наукам.

(Белла) непристойную байку о том, как год жила в римской семье, уча итальянский.

— Понятно, что она невероятно умная, — говорит Крис, когда они с Тимом на машине возвращаются с тенниса на травяном корте Джека и Мэгги.

— Да, — отвечает Тим, — она *умная*, — но он боится, что подразумевалось другое, что он не уловил тонких нюансов.

Нравится она только Арни — так он говорит. Назначает себя ее рыцарем, и когда Мэгги — Мод опаздывает с работы, вечеринка началась без нее — роняет, до чего же восхитительна Мод с этим ее наивом, Арни отрывает взгляд от блюда (он резидентное чудо-юдо, окопался за столом среди пятен подливы, расплесканного вина) и ворчит: «Заткнись, Мэгги», — после чего всех приходится слегка мирить.

Тим надеется, кто-нибудь из женщин близко подружится с Мод. Он считает, Мод это пошло бы на пользу. С *кем* она вообще дружит? С профессором Кимбер? С коллегами? С мотыльками? Пожалуй, у Тиш неплохой шанс, у Беллы — с натяжкой. Когда приглашают, он уговаривает Мод пойти. Вечерний девичник в Бате, день в спа местной гостиницы, открытие нового книжного

клуба. В конце концов она поддается. Идет на вечер к Крису и Белле, состав сугубо женский. Надевает платье шоколадного шелка, жакет посветлее, на спине прожженная дырочка. Возвращается в четверть двенадцатого. Тим валяется на диване, досматривает «Клан Сопрано»[27]. Мод досматривает вместе с ним, а затем он выключает телевизор и спрашивает, хорошо ли она повеселилась. Она отвечает, что хорошо.

— И как ты веселилась?

— Посмотрели кино. Потом поужинали.

— И впрямь весело. О чем говорили за ужином?

— О кино.

— Больше ни о чем?

— Еще о чем-то.

— Ну Мод. О чем?

— Они рассказывали свои сны.

— А ты им свои рассказала?

— Что?

— Свои сны. У тебя бывают сны, я же знаю — ты во сне разговариваешь. И довольно часто.

Она качает головой:

---

[27] Примечания: 27

«Клан Сопрано» (*The Sopranos*, 1999–2007) — американский криминальный сериал Дэвида Чейза о жизни итало-американского мафиозного клана в Нью-Джерси.

— Они попросили объяснить, что такое фермент.

— Фермент?

— Да.

— Погоди, я не понял. Они рассказывают свои сны, а тебя спрашивают, что такое фермент?

— Да.

— Объяснила им?

— Да.

— И они поняли?

— Не знаю. — Она сидит, жакет лежит у нее на коленях. — По-моему, нет.

20

За две недели до дебюта Зои в Сент-Уинифред ее родители ссорятся в кухне.

— Ну *естественно*, надо там быть, — говорит Тим, размахивая половником. — Она первый раз идет в школу! Там надо быть нам *обоим*.

Мод сидит за столом, скрестив руки на груди, в третий раз объясняет, что у нее в девять утра совещание в Саутгемптонском университете. Плановое совещание. Важное.

— Как оно может быть важнее, чем *это?* — кричит Тим.

— Ты бы понимал, — отвечает она, — если б работал.

— Если б я работал, — говорит он, — кто бы сидел с Зои? Ты?

С совещания она не отпрашивается (ей предстоит докладывать о результатах пятилетнего исследования каппа-опиоидов), но предупреждает, что задержится. Когда объясняет почему, ей говорят, что все нормально, Мод, не торопись. Она слегка удивляется. Может, она ошиблась и совещание не такое уж важное.

Первый день, раннее утро притихло, в спальне горит лампа; Зои, величавая королева, стоит в ночнушке и смотрит на свою школьную форму, разложенную в изножье кровати. Белая маечка, белые трусики, белая рубашка, серые колготки, серое платьице, алый кардиган, все четко помечено: Зои Рэтбоун. Она, разумеется, умеет одеваться сама, однако нынче утром разрешает себя одеть родителям. Волосы расчесаны. У нее они гораздо длиннее, чем у матери, пожалуй, слишком длинные, кудрявая каштановая шевелюра, которую Тим сдавливает в кулаке и вкручивает в цветную резинку.

После завтрака они выезжают в «хонде» Мод. Когда садятся, в машине холодно, но постепенно теплеет. Бормочет радио — предупреждает о дорожных пробках за много миль отсюда. Мод его выключает. Позади, боками стирая дождь с изгородей, из узкого поворота выворачивает школьный автобус. Одноэтажный автобус местного автопарка. Для таких дорог великоват.

— Со временем, Зои, — говорит Тим (он сидит с нею сзади), — будешь ездить на автобусе. На автобусе ездят самые клевые. Ты ездила на автобусе, Мод?

— Иногда, — говорит она.

Зои сидит в детском креслице очень прямо, кардиган застегнут, новое пальто лежит рядом на сиденье. С самого завтрака не проронила ни слова. Излучает жертвенность, словно двое самых любимых людей, на которых она сильнее всего полагалась, решили ее продать, и она — в свои пять лет — должна примириться с неизбежным.

Путь недолог. В школе Зои идет между родителями, держит за руки мать, отца. На площадке поджидает директриса. Вокруг толпятся девочки в красных кардиганах, мальчики в красных свитерах. Директриса дарит улыбкой каждого, и все взирают на нее в восхищении. На гудроне детской площадки — бледные меловые чертежи прежних игр. Родители беседуют вполголоса. В вышине плывут дождевые тучи, но дождя не проливают.

— Пора попрощаться, — говорит директриса; к ней подошла помощница мисс Бизли. Зои тянется к отцу. Обнимает его, потом смотрит на мать. Мод наклоняется и целует ее.

— Пока-пока, Мод, — говорит девочка — летом она завела привычку обращаться к матери по имени.

Родители дрейфуют прочь. Некоторые дети в панике за них цепляются. На выручку отряжа-

ют мисс Бизли: у нее талант разлучать. Уходят внутрь, красно-серой толпой в открытые двери, следом за директрисой (издали она и сама немногим крупнее ребенка). Родители разбредаются по машинам. Кто-то рыдает. Плачут, смеются над собой, прижимают руки к груди, словно унимая разбушевавшиеся сердца.

Возле «хонды» Тим вжимается лицом в плечо Мод. Он гораздо выше, и поза его отчасти комична. Он говорит ей в плечо, жарко дышит, дрожит спиной. Подходит Белла. Она привезла двойняшек, годом старше Зои. Обещает Мод, что отвезет Тима домой. Приглядит за ним.

— Поначалу кошмар, — говорит Белла, — как будто душу выдрали. Но через недельку станет нормой. Вы уж мне поверьте.

Шофер школьного автобуса стоит у открытой водительской двери, курит, цыкает зубом. Подмигивает Мод. Молодой, но старый на вид человек, или на вид молодой, но старик. Мод садится в машину, смотрит на телефон. Выезжает со стоянки, а Тим с Беллой оборачиваются и машут.

Все, разумеется, происходит так, как предсказывала Белла. Мудрая Белла! Первая неделя, вторая. Коттедж живет в новом ритме. Сегодня физкультура? Кто с утра — мисс Бизли или миссис Лакетт?

Где твои туфли? Эй! Десять минут девятого уже! Запах тостов, голоса в радиоприемнике, день пока в тени.

Иногда Мод с ними, но часто уезжает, когда они еще не встали. Три, четыре часа в дороге, целые мили шоссе способна промотать под закрытыми веками на грани сна. Она теперь старший специалист по клиническим исследованиям. Зарабатывает чуть больше тридцати тысяч в год, в Рединге у нее своя выгородка в офисе на верхнем этаже. На ежегодной конференции (в прошлом году — в Брайтоне, в гостинице, которую бомбила ИРА[28]) Джош Фенниман назначает Мод встречу скорее и беседует дольше. Мод доказала, что она ценный, надежный сотрудник, и хотя она не из тех, кому он тайком прочит вознесение в высшие сферы, такие люди ему нужны, и руководству в Рединге поручено проследить, чтоб Мод не заскучала. Но все-таки татуировка ее — тревожный звоночек. Что ей взбрело в голову? Впрочем, Джош Фенниман припоминает дни юности (он и по сей день моложав), мгновения восторга через

[28] Примечания: 28

12 октября 1984 г. во время конференции партии консерваторов в брайтонском «Гранд-отеле» член Временной Ирландской республиканской армии Патрик Джозеф Маги устроил теракт с целью покушения на Маргарет Тэтчер. Сама Тэтчер осталась цела, но пострадали 36 человек, в том числе пятеро погибли.

край, когда он еще не познал, каков мир на самом деле. Намекнули бы ей, что татуировки нынче удаляют лазером, что разумнее маскировать тату получше и уж явно разумнее прикрыть, когда идешь на встречу с исполнительным директором. Дело не только в командной работе. Она вообще нас уважает? У нее проблемы с авторитетами? Хендерсон считает, она в аутистическом спектре, но Хендерсон ясностью взгляда не знаменит, и поэтому он, как и Мод, не фигурирует в списке (очень коротком списке) тех, кому однажды широко улыбнется жизнь.

Sauve qui peut! Большие нестираемые буквы!

Да что ей в голову взбрело?

21

На Рождество снова у Рэтбоунов. Джин, терновый джин, шарады, полуночная месса, индейка — гигантская, и Магнус уверяет детей, что это немецкая овчарка. Зои берут в плен двоюродные сестры, уже некрупные подростки. Золотая фольга от шоколадных медалей размечает тропы по всему дому. Собак подхватывают за передние лапы и заставляют танцевать. В День подарков все гуляют по землям Рэтбоунов. Клочья травы, из холмов выпустили кровь разноцветья, собаки лакают свои отражения в обмелевших широких ручьях. Вышли посмотреть охоту, и вот наконец охотники — их фигурки огибают подножье холма, а потом земля дрожит, свора рассеивается, сливается вновь, всадники жестоко гонят могучих лошадей, Зои у отца на закорках от восторга забывает обо всем.

Январь, и добро пожаловать в школу, дети. Ребенка возит Тим. Ты *всё* взяла? Потом задерживается поболтать с Беллой или еще с кем из матерей. Их имена, детские имена: у Сью — Дэниэл и Зейди, у Дженни — Тэмзин, у Лу — Майя и

Руперт, у Клэр малыш, чьего имени Тим никак не запомнит, — рыжий такой очкарик, хромой, бедняжка.

Мисс Бизли закрывает калитку.

Дома Тим варит кофе и сворачивает сигарету. У задней двери закуток, и хотя порой там воняет керосином из бака и, наверное, это не самая безопасная курилка на свете, Тим традиционно предается размышлениям здесь. Покурить, выпить кофе, поразмыслить, как течет жизнь (его жизнь, его *отношения*), а если нет больше сил ни думать, ни понимать, приляг, брось думать и вообрази музыку.

Наконец-то продвигается «CYP2D6», концерт, который Тим замыслил (и рассчитывал написать за месяц) еще в Бристоле. Симпатичное вступление, четырехдольная тема в миноре, тихонько заявляет о себе гитарное соло. Следующие части разработают тему под новыми, неожиданными личинами — регтайм, например, а затем медленная часть, величавое комическое фламенко. У Тима свой компьютер, чуть получше, чем у Мод, и там стоит программа, которая по нажатию клавиши рисует на экране нотный стан и подбирает оркестровки. Посвящение будет такое: «Для Зои» или «Зои, с любовью». Или просто «З».

Утра светлеют. Сад щетинится новой травкой, к концу месяца в голых кронах напротив коттеджа деловито снуют грачи. Когда едут в школу, на промокшие поля косится низкое солнце. Порой гололед, порой заряжает дождь, как будто зеленый, и лужи заплескивают лобовое стекло «лянчи», а Тим склоняется над рулем.

В коттедже на дверях и кухонных шкафах пластилином прилеплена художественная детская мазня — домики, кошки, улыбчивые схематичные люди. Волшебные палочки, коллажи из листьев, обклеенные блестками втулки из-под туалетной бумаги, банки с землей и прутиками.

Когда Мод возвращается вечерами, Зои обычно уже в постели. Тим говорит:

— Сходи к ней, посмотри, — и Мод идет наверх в офисном костюме, стоит у приоткрытой двери, смотрит в расплывчатую синеву детской, видит тень кровати, а затем, когда привыкают глаза, — бледное пятно дочериного лица на подушке.

Иногда Зои еще не спит, шепотом окликает Мод, и Мод садится на постель, а дитя болтает. Они разговаривают, будто узники, беглецы, или будто ночь сурово дирижирует необычайной своей музыкой и ее нельзя отвлекать. Зои рассказывает Мод срочные истории. Все-таки ее

талант сочинять роскошен. Сказки ее, видимо, что-то значат. Зои спрашивает, где была Мод, и Мод рассказывает, и ее бесхитростные слова выслушиваются молча. Целуясь на ночь, они еле видят друг друга. Поцеловать глаз, поцеловать нос, бровь. Медленно дойти до двери, пожелать доброй ночи, и напоследок — шепот, почти вздох, и дверь прикрывается, но никогда не затворяется до конца.

Внизу Тим пихает полено в печь, или ставит на стол тарелку, или слушает по радио что-то про погребальные церемонии первобытных людей (могильник в Дании, в Ведбеке, у похороненной женщины вокруг головы сто девяносто зубов благородного оленя и вепря, а рядом дочь — видимо, ее — лежит на лебедином крыле, на поясе кремневый кинжал), спрашивает Мод, как там Зои, и Мод, садясь за разогретый ужин, или открывая ноутбук, или стоя столбом, как это за ней водится, и глядя невесть на что, отвечает:

— Зои? А, нормально.

22

— Может, поговорим?
— Если хочешь.
— Дело же не в этом, да?

Ночи — некие недра, дно морское. Что касается дней, они коварны по-своему.

23

Мартовское утро, до пасхальных каникул месяц. Тим играет Белле новый фрагмент, тактов двадцать. Снаружи промозгло, слякотно и промозгло, а они сидят в тепле от печи, одежда разбежалась по полу, церковный колокол отзванивает четверть часа. Странно играть на гитаре голым, дерево холодит колени. И странно играть голой женщине, что сидит на ковре в полулотосе, улыбается, шея и щеки еще слегка горят. Странно, но приятно.

Они все обсудили; они пошли на это с открытыми глазами. Белла не бросит мужа. Тим не бросит Мод. Облик их жизней не нуждается в переменах. Крис сломается, если Белла уйдет. Крис хрупкий, объясняет она, хотя по нему и не скажешь. Когда умерла его мать, месяц не вставал с постели. Ненадолго развилось недержание. Регрессировал до младенца месяцев семи от роду.

А Мод — что будет с ней? Тим воображал — много раз, — как объявляет ей, что все кончено, он уходит, забирает Зои. Он сам не знает, когда возникли эти мысли. Подозревает, что впервые — когда Зои был где-то месяц. Но не получается

вообразить реакцию Мод. Заплачет? Промолчит? Или подождет, пока он отвернется, и вонзит ему между лопаток обвалочный нож?

Временами ему чудится, будто за последние шесть лет он не узнал о ней ничего важного — будто ему так ничто и не *явило* ее. Теперь все чаще, гораздо чаще он лишь качает головой и уходит — нет сил вникать. Может, мать была права? И умник-разумник Магнус («Старик, я понимаю, почему ты хотел ей засадить. Я всего остального не понимаю»)?

Но господи боже, это же Мод! Мод, которая пролетела мимо, рухнула замертво, а потом встала и пошла. Кто еще врывался в его жизнь так? Налетал всей мощью мифа?

— Мы берем людей на борт, — говорит Белла (Белла, которая *искренне* симпатизирует Мод). — Это не всегда разумно. А потом рождаются дети.

Они вместе два-три раза в неделю. Ухищрений не требуется — они просто едут друг за другом из школы. Оба соседа на работе, вокруг никого. Тим соврал бы, сказав, что ему стыдно. Он многое вытерпел; он заслуживает Беллу. Его ослепляет ее высокий рост (она ростом с него). Он с наслаждением раскладывает ее руки-ноги на диване, будто собрался ее рисовать. Как-то раз он вошел в

нее сзади, укоренился в ней, четыре колена упирались в простор дивана, и она выгнула спину, и слегка задрала сияющий зад, а Тим поднял голову — и сквозь окно посмотрел прямо в глаза старому викарию, что совой заглядывал через калитку. Белле Тим не рассказал, вряд ли старик что-то увидел, но Тим не расстраивается при мысли, что увидеть викарий *мог*, мог в сексе с этой длиннорукой женщиной, в водопаде ее волос различить, как работает жизнь. И Тима не слишком мучает совесть, когда нужно по мелочи обмануть Мод — а может, и не нужно, не поймешь ведь, что она замечает. Полжизни она как будто грезит, а другую половину смотрит на тебя, и кожа у тебя стеклянная.

Он говорит себе, что он как ящерица, но лишь сам угрюмо посмеивается. Неприятнее подмечать, что поездка с дочерью в школу — эдакая игра в предвкушении секса, и порой он болтает с Зои чересчур много или чересчур возбужденно, а иногда его подмывает всё ей рассказать — пусть она станет его маленькой конфиденткой. К тому же он слишком гонит, и «лянча», латаная-перелатаная «лянча» пляшет по проселкам.

Наступают каникулы, и три недели он с Беллой почти не видится. А когда видится, с ними дети,

или Крис, или Мод. Любовники играют в традиционные игры — мимолетные взгляды, случайные касания рук на ходу, светский поцелуй теперь чуть крепче. Они обменялись сувенирами. Он подарил ей серебряный полумесяц на серебряной цепочке; она ему — кольцо, переплетенные змеи, много лет назад купила в Каире. Тим надевает его в первый день триместра, нацепляет на палец в машине, проезжает мимо Беллы по стоянке, опустив окно, выставив руку с мерцающим кольцом.

Они продолжают. Диван, печь. Иногда музыка. Свет теперь щедр, проникает в глубоко посаженные окна, нащупывает этих двоих, нагих и невинных. Как-то утром приходится скрываться от почтальона. Как-то утром заявляется заправщик с керосином, и Тим поспешно натягивает одежду, приглаживает волосы и болтает, пока медленно наполняется бак. А еще как-то утром, на исходе мая, когда Беллины коленки задраны к подбородку, а Тимово тело пружинит над ней, пружинит, как гимнаст, звонит телефон, включается автоответчик, и голос матери Мод заполняет комнату вестью о том, что умер дедушка Рэй.

— Нам надо прекратить, — говорит Белла. — Тимми?

Но они не прекращают. Они продолжают до победного конца.

Зои в крематорий не берут. С дедушкой Рэем она виделась всего дважды, в «Тополях», где он ничем не выдал, что понял, кто она такая, а она преспокойно играла с его ходунками, пока не настала пора поцеловать его в покрасневшую щеку и уйти. Убу обещал покатать ее на самолете («Уймись, Тим. Это уж побезопаснее машины»).

Крематорий построили недавно. Посмотришь с дороги — похож на недорогую гостиницу или городской гольф-клуб. Суиндонские мертвецы в основном стекаются сюда. На стоянке в тени молодых деревцев ждут своей очереди колонны катафалков.

В часовне Мод и Тим сидят в первом ряду с мистером и миссис Стэмп. Во втором ряду четыре человека, в третьем никого. Через проход — сиделка из «Тополей» и полдюжины дряхлых железнодорожников в темных пиджаках.

Появляется гроб, ему предшествует молодой человек в цилиндре. У всех, кто несет гроб, костюмы слегка не по размеру, и от этого все смахивают на клоунов или беженцев. Гроб ставят в нише. Молодой человек снимает цилиндр и торжественно кланяется гробу. Это его работа, но получается

сильно, проникновенно. Кто кланялся дедушке Рэю при жизни? Тим косится на соседей, но, если до них и дошло, по лицам не скажешь. Миссис Стэмп комкает в руке бумажный платок, но пока что им не воспользовалась. Мистер Стэмп то и дело кивает, будто кто-то тайком беседует с ним — может, дух покойного отца. Всех приглашают сесть. В похоронной программке — небрежно скопированная фотография дедушки Рэя: лет шестидесяти, полон жизни, прирожденный трудяга. Надежный, славный человек.

Викарий — женщина. Интересно, довольна она, что ее откомандировали на кладбище? Она шутит; старики покашливают. Никаких стихов, ничего такого. Один-единственный гимн, пятиминутный панегирик, который викарий как-то умудрилась склепать из двух визитов в «Тополя» и краткой беседы с четой Стэмп. Одной фразой поминает хождение под парусом с любимой внучкой (и улыбается Мод с кафедры). В конце занавес закрывается нелепыми рывками, как после кукольного спектакля. Молодой человек с цилиндром снова низко кланяется, и распахиваются двери в вестибюль (не тот, конечно, откуда они вошли, — там уже ждут следующие). Скорбящие тащатся под июньское солнышко, по тропинке

вдоль перекопанных клумб с растительностью, не требующей ухода. Выложены цветочные венки — один от дома престарелых, другой от профсоюза. За низкой стеной — сельские виды, солнце заливает объеденные овцами холмы.

Стэмпы пригласили всех к себе. Сэндвичи, печенье, чашки чаю, бутылки пива. Старики собираются в гостиной, стоят шеренгой, будто на платформе под свежим ветром ждут безнадежно опоздавшего поезда. Все по очереди жмут руку Мод, каждому она говорит несколько слов и переходит к следующему. Тим попивает чай, стараясь не путаться под ногами; по скальпу у него бегут мурашки. Кто она? Молодая Царица Ночи? И они приносят ей дань? Клянутся в верности?

Когда все закончилось, пылесос уже засосал крошки, стаканы помыты и выставлены на сушилку, а след, похожий на лошадиное копыто, след, оставленный сапогом одного из стариков, губкой убран с ковра, Тим, и Мод, и мистер Стэмп, и миссис Стэмп сидят в кухне. Вино в гараже так и не обнаружено, но с поминок осталось пиво, и его аккуратно разливают по четырем стаканам. Тим расспрашивает про дедушку Рэя. Надеется услышать про него какую-нибудь историю, но историй никто не рассказывает. Миссис Стэмп

между делом роняет, что все унаследует Мод, но затем (без паузы) — что этого всего там всего ничего. Кое-какие сбережения, старые украшения бабушки Дот. Все по-настоящему ценное распродано много лет назад, а деньги потрачены на уход.

Они ужинают — пастушьим пирогом в жаропрочной посуде — и час пьют чай в гостиной. Очевидно, что включать телевизор неприлично, хотя никто ничего такого не говорит. В десять Мод уходит наверх принять ванну. Тим идет на улицу покурить. Отправляет СМС матери: «Как полетали? Зои ОК?» Отправляет СМС Белле: «Лучше бы я напился. Лучше бы я был с тобой. Я тут чужой».

В домах напротив постукивает и пощелкивает жизнь. Из кухонных окон, из матовых окон ванных плещет свет. Припаркованные машины изображают долготерпение. Тим прячет окурок в водосточный желоб, возвращается в дом, котом крадется по узкой лестнице. Мод сидит на постели у себя в комнате. Завернулась в полотенце, другим полотенцем вытирает волосы. Белые стены, белый гардероб, зеркальце без рамы. Одинокая картинка, в стародавние времена вырезанная из журнала, заламинированная в кухне и пришпиленная к стене у подушки. Яхта,

шторм, в кокпите женщина в желтой штормовке. Тим ее уже видел и знает, что это Клэр Фрэнсис[29] во время одиночного трансатлантического перехода в середине 1970-х.

— Ну и денек, — говорит Тим. — Да?

Он садится рядом, клюет Мод поцелуем в плечо, а затем, когда она смотрит на него — нагое лицо ее замыто до костяной белизны, — он склоняется к ней отчасти порывисто и целует в губы.

---

[29] Примечания: 29

Клэр Мэри Фрэнсис (р. 1946) — британская писательница (мемуаристка, затем романистка); в 1973 г. в одиночку за 37 дней пересекла Атлантический океан (из Фалмута в Ньюпорт, Род-Айленд), а в 1976 г. побила женский рекорд одиночного трансатлантического перехода (из Плимута в Ньюпорт).

Два

Быть в центре – в человеческой природе,
Но в центре этого никто не может быть…
***Марианна Мур*[30]**

[30] Примечания: 30
Цитата из стихотворения Марианны Мур «Могила» (*A Grave*, 1916–1924), в котором могила — метафора моря.

1

Сжевав сэндвич у себя в офисной выгородке, она спустилась на полчаса в виварий, гладит крыс и слушает повествование лаборанта об истории блюграсса — Билл Монро, Эрл Скраггз[31], непременная пронзительность вокала. Говорит лаборант тихо. Не задает вопросов. Иногда отпускает игривые замечания. Джоша Феннимана называет «дядя Джо». Бунт, говорит, всегда начинается на нижнем этаже — а лучше в подвале.

Она вынимает крыс из клеток, поднимает их за хвосты, сажает на согнутую руку. Альбиносы Спрег-Доули, их разводят за кротость, за добронравие. Они носами тычутся ей в сгиб локтя. Она гладит их за ушами, гладит их неугомонное тепло, потом за шкирку пересаживает в клетки.

Ливень не первый день, а может, и не первую неделю. Сизый ноябрьский дождь, реки вдруг заиграли мускулами, захлестывают старые мо-

---

[31] Примечания: 31

Уильям Смит Монро (1911–1996) — американский мандолинист, автор-исполнитель, «отец блюграсса» — направления традиционной музыки, которое развивала его группа *The Blue Grass Boys*. Эрл Юджин Скраггз (1924–2012) — американский мандолинист, чья техника игры стала одним из ключевых элементов всего направления.

сты. Дикие гуси на затопленных полях. По всему городу в офисах к полудню включают свет. Даже в виварии, где нет окон, улавливаешь этот фоновый грохот, невыслушанный, но где-то запечатлевшийся.

Урок истории продолжается. Лаборант перечисляет провозвестников звука. Рыжий Смайли, Дон Рино, «Гринбрайар бойз», «Кантри джентльмены». Дядя Джош Грейвз[32] из Теллико-Плейнз, штат Теннесси. Имена — точно старые башмаки, или старые шляпы, или старые тетрадки, тетрадки с помятыми крапчатыми обложками, с убористо исписанными страницами, которые никогда не соберешься прочесть.

У нее звонит телефон. Он в боковом кармане лабораторного халата. Она отвечает, слышит звук, звуковую сумятицу. На ее «алло» никто не откликается. Она вслушивается. У кого-то есть ее номер, этот кто-то нечаянно ей позвонил, шагая

---

[32] Примечания: 32

Рыжий Смайли (Артур Ли Смайли; 1925–1972) — американский гитарист; Дон Уэсли Рино (1926–1984) — банджист, в 1948–1950 гг. участник *The Blue Grass Boys*; оба выступали в составе блюграсс-дуэта «Рино и Смайли» (*Reno and Smiley*; 1951–1964). *The Greenbriar Boys* (1959–1970) и *The Country Gentlemen* (1957–2004) — блюграсс-группы, более всего популярные в 1960-х, в период возрождения интереса американской публики к традиционным музыкальным жанрам. Джош Грейвз (Бёркетт Хауард Грейвз; 1927–2006) — гитарист, введший в блюграсс резонаторную гитару добро, ставшую одним из ключевых инструментов стиля.

по улице или даже, может, стоя возле радио или телевизора.

— Алло? — говорит она. — Алло?

Стишок. Песенка. Точно во сне: зверь, ягуар, кладет черную голову на подушку подле тебя и говорит, и голос его ты знаешь как свой собственный.

Она жмет на отбой, смотрит на телефон, медлит, затем сует его в карман.

— Призывают? — спрашивает лаборант. Он сосредоточен, но непринужден, на лабораторном столе перед ним крыса под наркозом, в глазницу ей заведена стеклянная микрокапиллярная трубка.

Спустя четверть часа после звонка, за пару минут до конца обеденного перерыва заходит кадровичка. Кадровичка как кадровичка, но какая-то странная, переменившаяся. Роскошные туфли, высветленные пряди. Она говорит:

— Пойдем со мной, Мод, ладно? — И протягивает Мод руку. Она никогда так не делала.

Между виварием и комнатой отдыха — два лестничных марша. Кадровичка объясняет, что к Мод пришли люди. На втором марше выясняется, что люди эти из полиции, полицейские. Мужчина и женщина.

— Я побуду с тобой, — говорит кадровичка, — если ты не против.

В комнате отдыха стоят полицейские с шлемами в руках.

— Добрый день, — говорит женщина. — Вы Мод Рэтбоун?

— Она Мод Стэмп, — говорит кадровичка.

— Но Хенли Рэтбоун — ваш партнер?

— Тим, — говорит Мод. — Да.

Женщина из полиции кивает. Выдавливает некое подобие улыбки; ее коллега смотрит главным образом в пол.

— Вы не могли бы присесть, Мод, будьте добры? — говорит женщина из полиции. Она указывает на четыре разноцветных стула — парами друг напротив друга, под тонированным окном. Остальные ждут, пока Мод сядет, и тоже садятся.

Когда разговор окончен — он краток, — кадровичка идет за пальто и сумкой Мод. Мод уже сказала, что в больницу поедет сама. Так не принято, ее порываются отговорить, но она, похоже, держит себя в руках, не кричит, но и не отступает, и категорически запретить ей нельзя. Она снимает халат, вынимает телефон из кармана, надевает пальто. Женщина из полиции наблюдает за ней очень пристально. Мод выходит, полицейские

идут следом. Все встречные в коридоре — уборщик, даже Хендерсон — могут решить, что Мод арестовали.

На стоянке кадровичка держит над Мод зонтик.

— Все взяла? — спрашивает она. — Уверена?

Мод садится за руль. Кадровичка наклоняется под зонтиком, касается полузавитка ее темных волос. Внезапно хочет — и мигом подавляет желание — ее поцеловать.

Еще нет трех, а шоссе уже забито. Скорость ограничена. Почти все водители повключали фары; при обгоне окатывают лобовое стекло бурыми, мелко гранулированными брызгами. На первой бензоколонке за Суиндоном Мод тормозит, паркуется и идет в туалет. Закончив, покупает упаковку сэндвичей и бутылку воды. В машине пьет из бутылки, вскрывает сэндвичи, кладет на пассажирское сиденье. До поворота на Бат добирается еще полтора часа. За это время дважды звонит телефон, но она на него даже не смотрит. По указателям находит больницу, таскается по тесным больничным стоянкам, пока не находит свободное место. Под дождем идет к отделению травматологии. Обращается в регистратуру, и там ей говорят, что пациентов с такой фамилией

не поступало, а затем, с испуганным «А!» дежурная сообщает, что мистер Рэтбоун в реанимации, это в основном предосторожности ради, через минутку кто-нибудь придет и отведет Мод к нему. Посидите пока.

Мод садится. Вокруг люди — одни спокойны и храбры, другие напуганы и храбры, третьи просто напуганы. Выходит молоденькая медсестра, склоняется к ней.

— Здравствуйте, — говорит она. — Пойдемте?

Она моложе Мод, чернокожая девушка лет двадцати пяти или шести, а Мод тридцать четыре, но по пути в отделение реанимации медсестра называет Мод «деточкой».

Внутри Мод передают на руки медбрату. В отделении тишина, все заставлено аппаратурой. Ни добродушных шуточек, ни намека на сердечность. Температура — почти как в виварии.

Медбрат подводит Мод к койке Тима. Тот лежит, глаза закрыты, один глаз с краю воспален, распух, сверху повязочка. В левой руке канюля, прозрачный шланг всползает к мешку капельницы. По сторонам койки сидят его родители. Мать держит его за руку. Отец уперся взглядом в колени, вскидывает глаза посмотреть, кто пришел, и снова опускает. Мать Тима встает и подходит к Мод.

Поспешно, нескладно ее обнимает, а затем — таким тоном, будто решила, что хоть кто-то должен сохранить ясность ума, — разъясняет природу Тимовых травм. Сотрясение мозга, два сломанных ребра, трещина в бедренной кости, перелом большого пальца, ушибы. Его осмотрели, сделали рентген, ввели снотворное. Завтра переведут в общую палату, загипсуют ногу. Угрозы для жизни нет. Боялись за его глаз, но глаз восстановится. Пролежит в больнице не больше недели.

— Ты понимаешь, что я говорю?

— Да, — отвечает Мод. Женщины смотрят друг на друга. У старшей перекашивается лицо. Пальцы взметаются к горлу, дрожат. Мод помогает ей сесть, стоит рядом, смотрит на Тима. Потом приходит другая медсестра, старшая сестра в темно-синем халате. С эполетами. Говорит Мод:

— А вы?..

И Тимова мать отвечает:

— Да-да, это она.

Медсестра улыбается Мод:

— Тим молодцом. Может, перейдем пока в семейную комнату? Там уютно и тихо. Нам не помешают.

И ждет. У отца Тима что-то клокочет в горле. В иных обстоятельствах было бы похоже на смех.

Когда Мод выходит из больницы, дождя уже нет. Это довольно неожиданно, и несколько человек, долго пробывших внутри, с подозрением выглядывают из дверей в небесный мрак.

В машине пахнет вареными яйцами. На сиденье так и валяется открытая упаковка несъеденных сэндвичей. Мод ищет урну, пятнадцать минут бродит с этими сэндвичами по территории больницы, а потом оставляет их на крышке какой-то железной монтажной коробки.

Когда она подъезжает к коттеджу, кажется, будто час поздний, середина ночи, но еще нет и десяти. Воздух холоднее, чем в городе, — очевидно, разреженнее. К югу в прогалине расходящихся облаков проступает горстка звезд. Сириус меж двух деревьев, а над ним созвездие Ориона.

Мод отпирает коттедж, пальцами ведет по стене, нащупывая выключатель. Ей представлялось, что в коттедже будет царить хаос, но никакой хаос, конечно, не царит. Откуда бы взяться хаосу? Она идет в кухню. На столе две немытые тарелки из-под хлопьев и две ложки. Мод несет их в раковину, моет, убирает по местам и возвращается в гостиную. Холодно; не разжечь ли печь? Звонит телефон. Она смотрит на него, пока он не умолкает, потом снимает пальто и

туфли, ложится на диван, укрывается пальто. Уже почти засыпает, но вдруг садится, роется в кармане пальто, ищет телефон. Открывает его, листает список звонков, находит тот, на который ответила в виварии. Не надеется увидеть номер и не видит. Обозначен как неизвестный. Неизвестный абонент.

2

Наутро в реанимации ей говорят, что Тима уже перевели, вот буквально только что. Она отправляется бродить по широким коридорам, где больных катают на койках, а посетители хмурятся, читая указатели. Запахи обычные, предсказуемые запахи. Мод находит Тима в двухместной палате в дальнем конце коридора; с ним опять родители. Они заночевали в батской гостинице. Тимова мать говорит:

— Ты, наверное, ездила домой.

Тим не спит. Смотрит, как Мод приближается к койке. Когда она наклоняется его поцеловать, он отворачивается. Она ждет. Он не смотрит ей в глаза, не разговаривает. Она уходит, гуляет по территории больницы. Все промокло, все блистает на солнце. Мод решает составить список дел — десяти, двадцати неотложных дел, — но, откопав ручку в бардачке и разгладив оборот «Соглашения о добровольном участии в клиническом исследовании», ничего не может придумать, вот разве что позвонить своим родителям, что и делает тотчас, сидя в машине с открытой дверцей. Оба, конечно, на работе. В школе сегодня уроки.

Она оставляет сообщение, просит перезвонить, возвращается в отделение. Теперь у койки трое. Одна из них Белла. При виде Мод она вздрагивает, затем берет себя в руки, улыбается, снова льет слезы, обнимает Мод и шепчет:

— Чем угодно помогу, чем угодно. Только скажи.

Тим заговаривает с ней лишь спустя два дня, но в глаза по-прежнему не смотрит. Говорит, что его выпишут послезавтра, он будет на костылях и в кресле-каталке. Говорит, что поживет у родителей. Они его заберут, и он поживет у них.

— А ты где будешь? — спрашивает он.

— В коттедже, — отвечает она.

— Ничего там не убирай, — говорит он.

— Хорошо.

— Ничего.

— Я не буду.

— Наверху.

— Я туда не заходила.

— Ничего, — говорит он.

— Да, — говорит она.

— Ничего.

— Не буду.

— Если ты…

— Я не буду.

Тот же день; она стоит на коленях в гостиной, щепает растопку. Слышит стук садовой калитки, встает и успевает заметить, как женщина из полиции, пухлая блондинка, смахивает дождевые капли с плеч — капли, что усеивали шипы розового куста и упали, когда она хлопнула калиткой.

Мод впускает ее в дом. Женщина из полиции вытирает ноги, смотрит на щепу у Мод в руке, на распахнутый зев печи.

— Могу помочь, — предлагает она. — У меня дома такая же.

Мод объясняет, что «Рейбёрн» не работает, а она отапливает дом. Наверное, керосин в баке закончился. Она не проверяла.

— Вы знаете, где взять керосин? — спрашивает женщина из полиции, и Мод говорит, да, надо позвонить, вызвать заправщика.

— Хорошо, — говорит женщина из полиции. — Нельзя мерзнуть.

Они садятся. У женщины из полиции на коленях пластиковая папка с кармашками. Она расстегивает молнию на папке, вынимает тонкую пачку бумаг. Женщина работает в отделе связей с жертвами, для начала говорит простые добрые слова, затем переходит к бумагам, перебирает их и комментирует, после каждой спрашивает,

все ли Мод понятно. Задержали шофера школьного автобуса. Анализ крови негативный, но ему предъявили обвинение согласно статье 1 Закона о нарушителях Правил дорожного движения[33]. Дело рассмотрят в суде магистратов. Ни Мод, ни мистеру Рэтбоуну присутствовать не нужно. В ходе дальнейшего разбирательства мистера Рэтбоуна, вероятно, вызовут свидетелем, а Мод, разумеется, не вызовут. Автобус до сих пор обследуется. По предварительным данным, механические неисправности отсутствуют — с тормозами, например, все в порядке. С машиной мистера Рэтбоуна то же самое. Механически исправна.

— В смысле Тима, — говорит Мод. — С машиной Тима.

— Да, — говорит женщина из полиции. — В смысле Тима.

— Вы с ним виделись?

— К нему посылали моего коллегу. Взять показания.

Мод кивает. Женщина из полиции переворачи-

---

[33] Примечания: 33

Согласно Статье 1 Закона о нарушителях Правил дорожного движения, нарушитель должен быть предупрежден о возможности судебного преследования либо в момент нарушения, либо в течение двух недель после него.

вает лист. Коронер проведет дознание, говорит она. В подобных ситуациях коронерское дознание начинают автоматом, но если будет суд, дознание могут отложить до вынесения вердикта.

— Кто-нибудь из офиса коронера свяжется с вами и все объяснит. Вам предложат поприсутствовать, но вы не обязаны. Как захотите. Пока все понятно?

Она говорит Мод, что детей из автобуса, пострадавших детей, уже выписали. Один мальчик сломал руку, у другого трещина в скуле. Остальные отделались синяками и потрясением. На следующей неделе в школу придут психологи. Специалисты.

Она дает Мод свою визитку и листок с телефонами всевозможных организаций и горячих линий.

— Я сама выйду, не беспокойтесь, — говорит она, застегивает папку и встает. — Не забудьте позвонить заправщику.

Мод смотрит в окно, видит, как женщина из полиции снова стряхивает с плеч дождевые капли. Как будто забыла или ей все равно.

Звонит Магнус. Почему-то организацию поручили ему. Он оставляет конструктивные сообщения. Если ты хочешь чего-то специального,

говорит он, чего-то особого, музыку, например, — срочно свяжись со мной. Если (третье сообщение) ты не позвонишь, я сделаю вывод, что ты оставляешь выбор за родными.

Потом приходит викарий. Старый викарий, сменивший молодого, у которого сбежала жена — и, по-видимому, не вернется, до сих пор в бегах. Викарий тихонько стучится, тихонько спрашивает, нельзя ли на минутку зайти. Он очень высокий. Чтобы не биться головой о балки, вынужден наклонять голову. Мод проводит его в кухню. В плите по-прежнему нет керосина. Неделю Мод обогревает кухню калорифером. Готовит в микроволновке. Питается в основном хлопьями, тостами, фруктами.

Она ставит чайник, приседает на корточки, включает калорифер. Викарий наблюдает. У него обтрепались манжеты на пиджаке. Он ученый. Барахлит сердце, на поправку уже не пойдет. Когда Мод садится напротив и протягивает ему кружку, он призывает на подмогу пятьдесят лет сидения в кухнях с разными мужчинами и женщинами. Стоит отметить, думает он, что огонь зачастую не горит, плита не включена.

— Мне позвонил отец Уайли из больницы. Он, конечно, католик, но в подобных ситуациях мы

откладываем в сторону такие вещи. Я имею в виду, наши разногласия. А ваш муж дома?

— Мы не женаты, — говорит она. — Он у родителей.

— У майора Рэтбоуна.

— Да.

— Что ж, я уверен, там за ним прекрасно ухаживают.

Он видел ярость, видел шок, видел умопомешательство. Главным образом он видел оторопь. Но с этой девушкой, с этой молодой женщиной, что глядит в чайный пар, не поймешь.

— Так вы одна?

— Да.

— А ваши родители по-прежнему с нами?

— Что?

— Вы не можете тоже побыть с родными? Как ваш… как Тим?

— Нет, — отвечает она.

— Не можете?

— Нет.

Он выманивает ее наружу, освобождает ей место — пусть изольется. Физического контакта избегает. При таких обстоятельствах прикосновение порой взрывоопасно; зато в правом кармане пиджака дюжина чистых бумажных платков,

которые викарий извлечет в должный момент. Он пьет чай, на стене у двери замечает красные отпечатки рук. Взрослых рук, детских. Спрашивает, спит ли Мод, ест ли. Не нужна ли ей помощь утилитарного толка? Мод вежлива. Кажется, слушает. Слушает, да? Иногда у них в головах шум, и он всё заглушает.

— Мод, — говорит викарий. — Хотите, я помолюсь? Можем так и сидеть. И не важно, ходите вы в церковь или не ходите, не важно даже, верите или не верите, — я имею в виду, считаете вы себя верующей или нет. Все мы вправе помолиться в любой момент. Если нам кажется, что это поможет.

— Ладно, — говорит она.

— Да?

— Хорошо.

Он кивает, улыбается, вперяет взгляд в столешницу, собирается с мыслями. Молится он на редкость вольно. Обращается к ней, к страдающей женщине, и к тому, что таится здесь вместе с ними. Он закрывает глаза; надо думать, она тоже зажмурилась. Он вслушивается, ждет скрипа стула, сбивки дыхания, но различает только гудение калорифера, далекое жужжание вертолета (кружит, похоже), собственный голос.

— Аминь, — произносит он в конце концов, — аминь, — и поднимает глаза, и видит, что она смотрит на него, и этот взгляд древнее его религии. Он осекается. Подобного он не видел очень давно. Иероглифический взгляд. Отпечаток души, что подобна точеной расписной кости лопатки, лошадиной, допустим, души, у которой морали — что у травы. Впервые он видел такие глаза у девочки лет десяти в Бристоле — она смотрела на него (долговязого подростка, бегущего домой) с груды бута на месте падения бомбы. В последний раз — десять лет назад, у человека, которого навещал в старой тюрьме Шептон-Маллета, из тех заключенных, к кому запрещалось входить даже с карандашом, ибо неизвестно, как он этим карандашом воспользуется. Теология тут ни при чем. С чего мы взяли, будто все мы — плоды одной ветви? Мы так плохо знаем свою историю. Горстка костей, артефактов. Нечто на стене пещеры, неверно понятое.

Викарий ей улыбается — криво, покаянно.

— Я отнял у вас достаточно времени, — говорит он. — Более чем достаточно.

Он встает. Она идет с ним до передней двери, он благодарит ее за чай, уже обдумывает, чем вознаградит себя, вернувшись домой, и тут она

произносит:

— В тот день, когда это случилось, я была на работе. У меня зазвонил телефон, и я услышала ее голос.

— Правда?

— Звонок был после. Время звонка.

— После?

— Да.

— Вы уверены?

— Да.

— А с тех пор?

Она качает головой. Взгляд ее больше не пугает этой памятью о заре мира, а запрокинутое к нему лицо — лицо как лицо, бледное, простое, как циферблат, по-своему красивое. Может, ему почудилось — почудилось, будто почудилось. Он ошибся — обычная девушка, девушка в беде. Он приглаживает волосы на висках. Ему хочется защитить ее формальным благословением, но нет, он отводит глаза, смотрит в сад, где сплетение прошлогодних трав — точно черные каракули.

— Вам, наверное, лучше на время уехать куда-нибудь, — говорит он. — Где не так сильны воспоминания. Где спокойнее. Есть вам куда уехать, миленькая моя?

3

А затем этот день, россыпь мгновений за гранью описания. Привкус, помимо многих прочих, некоего непотребства.

Она сидит с родителями. Видит, как приезжает Тим в кресле-каталке, кресло толкает его отец, лицо у Тима как мрамор, у его отца — красное, воспаленное, изнутри обваренное. Они направляются к передней скамье, и руки ложатся им на плечи и спины, мужские руки, женские, легкие, как крылья. Отклика на них нет — может, их и не замечают. Следом входят миссис Рэтбоун, двойняшки, Магнус и его жена с детьми, девочки в черных бархатных пальто, мальчики в униформах далеких дорогих школ. Мод замечает только Магнус. Кивает ей, затем деловито переключается на родных.

Церковь в городе. Мемориальные таблички, стройные колонны, из окон струится разреженный ноябрьский свет. К кафедре в форме птицы ведет тугая спираль каменных ступеней. Викарий — не старый викарий, приходивший в коттедж, а гораздо моложе, какой-то знакомый Рэтбоунов. В церкви установлена система звукоусиления,

индукционная петля, и голос викария вольно летает в воздухе.

Горят свечи — всем раздали по свечечке. Кашель, шепотки. Иногда рык, стон, как из львятника.

Пришла маленькая директриса с помощницей мисс Бизли и полдюжины одноклассников, из самых уравновешенных, самых надежных. Мисс Бизли, когда надо, касается того или другого ребенка — успокоить, привести в чувство.

Тиш и Лэлли — на четвертой скамье позади Рэтбоунов. Обе в черных костюмах, вроде мужских, но у обеих яркие шарфы, азиатские — если зарыться лицом, будут пахнуть сандаловым деревом или розовым эфирным маслом. Перед ними двойняшки — за последний год стали почти красавицами, заплетенные волосы — как блеск золота в тени. Мать держит Тима за руку. Спина у нее очень прямая. Слезы капают с подбородка. Свечка в руке — свечное пламя — дрожит.

Поет хор. Какая-то женщина — Мод ее в жизни не видела — читает стихотворение Элинор Фарджон[34].

Затем викарий приглашает Магнуса Рэтбоуна

---

[34] Примечания: 34

Элинор Фарджон (1881–1965) — популярная и плодовитая английская детская писательница.

сказать несколько слов от имени родных. Говорит он хорошо. Минуты три или четыре, любезно благодарит всех, кто проявил любовь и поддержку, кто приехал издалека. Школу, хор. Ни следа циничного легкомысленного Магнуса; Магнуса, который сдергивал с себя полотенце, дабы показаться новой подруге брата. Он садится, и его жена склоняется к нему, что-то шепчет. Больше делать особо нечего. Отец Мод скатал программку в трубку, сжимает в кулаке, точно жезл, стучит ею по ноге. Миссис Стэмп старается не пролить свечной воск на стеганую куртку. Малейшая мелочь, малейший жест способны сейчас запалить эту церковь и сжечь дотла. Ни шевельнуться, ни застыть никто не может. Дышать нечем. Наверняка скоро кто-нибудь грохнется в обморок.

Под затихающие ноты последнего музыкального фрагмента Тимов отец рывком встает и слепо сворачивает в проход, толстой ляжкой ударившись о спинку скамьи. Викарий просит всех задуть свечи. Одна свеча останется гореть на алтаре, и это, объясняет он — вероятно, для детей, — такой символ.

— Пойдем, Моди, — говорит ее мать. — Все уходят.

Первыми удаляются дети. Мисс Бизли выводит

их, собирает и пересчитывает у покойницких ворот. На дороге ждет школьный автобус — из другого автопарка. Шофер в пиджаке и галстуке стоит рядом, готов погрузить детей на борт.

У дверей церкви (где желтая листва прихотливыми узорами испятнала темноту мокрой тропинки) викарий слушает Тимову мать. Отца не видно. Слэду — тому Слэду, который заволакивал по лестнице большое полированное изголовье, — препоручили Тима в кресле-каталке. Всякий раз, когда тот оборачивается, Слэд тормозит, а Белла наклоняется послушать, что Тим хочет сказать. Затем она выпрямляется, и это сигнал для Слэда — пора толкать дальше.

Мод стоит в глубине двора под деревом, под старым каштаном, сумасбродным и великолепным. Она в офисном костюме. С непокрытой головой. Слегка похудела — фунтов на семь-восемь. Холодно, но пальто висит у нее на руке. Она ждет родителей. Не понимает, куда они подевались, не надо ли их поискать. Люди украдкой на нее косятся. Кое-кто что-то шепчет ей — слова теряются, их впитывает сырой воздух. Кто-то подходит сзади, трогает ее за локоть. Женщина из полиции, блондинка, которая стряхивала капли с плеч. Она сегодня в штатском.

— Мистер Рэтбоун сказал, это ничего, если я приду, — говорит она. — Мы иногда ходим. Не всегда. Вы же не против?

Она ждет ответа, затем кивает, словно сойдет и молчание, словно иного ответа она, пожалуй, и не ждала.

— Давайте я постою с вами? — говорит она. — Пока вы не будете готовы?

4

В тот же день родители Мод возвращаются в Суиндон. Уезжают по темноте. Мать прибралась в кухне, а отец разжег плиту, и Мод понимает, что тем самым оба шагнули к самым пределам своих возможностей. Когда они уезжают, она подбрасывает поленья в печь и некоторое время туда смотрит. Интересно, придет кто-нибудь? Никто не приходит. В кухне она заглядывает в шкафы. Не помнит точно, когда в последний раз ела. Вроде бы вчера. Находит банку вишен морель, открывает и пальцами выуживает вишни из сиропа. Лудильщик, портной — а ты кто такой? В полночь она слушает метеопрогноз для мореплавателей.

Открытка от Джоша Феннимана. Приносят с выпиской из банка, листовкой благотворительного фонда, журналом церковного прихода. На открытке фотография американского пейзажа, валуны на рассвете. Внутри его рукой — изъявления сочувствия, уверения в поддержке от имени компании. Между строк читается, что он, Джош Фенниман, познал наивысшие страдания,

взглянул им в лицо и нашел внутренние силы их обуздать. Подписывается он «Джошуа». Прилагает прямой телефон своего личного помощника. Мод бегло просматривает открытку один раз и кладет на каминную полку над печью. После обеда звонит в Рединг и говорит, что хотела бы вернуться на работу на следующей неделе или, если это невозможно, еще через неделю. Говорит не с кадровичкой, а с другой женщиной из того же отдела — у нее североирландский акцент, а ее лица Мод не припоминает. По голосу, впрочем, по тону понятно, что женщина знает Мод, знает ее историю. Может, даже видела, как Мод выходила из офиса в сопровождении полиции.

Мод едет в город, идет в супермаркет. Иногда там закупаются продуктами Рэтбоуны, но никто из них ей не попадается. Прежде чем разгрузить пакеты, она вынимает из больших шкафов над кухонным прилавком фигурных макаронных зверюшек, фруктовые батончики, пакетики апельсинового сока, арахисовое масло, рисовые хлебцы, коробочки — меньше спичечных — калифорнийского изюма. Все это перекладывает в шкаф в другом углу, на застеленные газетами полки, где хранится то, что обычно не нужно и не используется. Еще она находит всякие лекарства

— калпол, детский аспирин, инжирный сироп. Все это она сваливает в пластиковый мешок и опускает его в мусорное ведро с качкой крышкой.

Раза три-четыре в день звонит телефон. Сообщение от матери: главное — питательная еда. Звонок из полиции: хотят поговорить с Тимом. Звонок от Арни — очевидно, он методично напивается. Приеду, говорит, только слово скажи. Чем угодно помогу, скажи чем, я все сделаю. А затем второй звонок, когда он уже совершенно пьян, говорит, что явно нет никакого Бога, а она должна кое-что узнать, звони хоть среди ночи, я тут все равно не сплю, и, ради бога, не делай глупостей, ни в коем случае, я не знаю… Мы вообще властвуем над своей жизнью? Видимо, нет. И как тогда?

Сообщения Арни — первое, во что она вслушивается. Крик, заглушивший кричащую толпу. Нежданная ценность невнятицы.

Приходит заправщик. Насвистывает. Наполняет бак. Говорит, что обычно тут ее муж. Говорит:

— Нам бы всем солнышка не помешало, а?

Как-то вечером она гуляет, а впереди по улице летит сова. Мод решает, что это сова. Крупная бледная птица, беззвучная, вдруг круто сворачи-

вает во мрак поля.

По пути домой она думает о том, что вот-вот месячные. У нее очень стабильный цикл, плюс-минус день-два. В туалете на первом этаже заглядывает в трусы, ощупывает себя. Ничего. И на другой день ничего, и на третий, и на четвертый.

Ее навещает Слэд. Меня, говорит, попросили забрать картинку, акварельку с девушкой в соломенной шляпе, с корзиной вишен. Не объясняет, зачем она им; может, из-за страховки. Снимает акварель с крючка, вытягивает из кармана тканый мешок, пакует. В таких мешках раньше хранили дорогую обувь, такие мешки надевали на голову приговоренному перед повешением. Слэд спрашивает, не выдернуть ли крючок из стены, но Мод отвечает, что пусть остается. Слэд ничуть не грубит, не огрызается. Он много возится с лошадьми, и жесты его выверены, предсказуемы.

Кухня наконец прогревается. Мод сидит за столом под лампой, пьет воду из стакана. Ночь бурная, где-то наверху ветер стучит окном — надо, пожалуй, сходить и закрыть.

В раковине цветы, белые хризантемы, которые Мод нашла на пороге с открыткой («Глубочайшие

соболезнования») от соседей, Сары и Майкла. Белые хризантемы, какая-то трава, целлофан, тонкая зеленая ленточка. Люди в курсе. По всей округе люди в курсе. Может, и в журнале церковного прихода пропечатали. Ну и не важно. Ну и ничего.

На кухонном прилавке между хлебницей и тостером возле розетки поставлена на попа радионяня. Горит красный огонек — значит, работает; горит зеленый — значит, подключена к детскому блоку наверху, принимает сигнал. Из динамика звук; и он же рябит веером огней на экране. Мод пьет воду и наблюдает за огоньками, как они распахиваются почти на весь экран, съеживаются, затем вновь оживают, пульсируют. Она смотрит. Пьет воду. Медленно допивает.

На работе она первым встречает Хендерсона. Наверное, ему не сказали, что она придет. Во взгляде его — бесконечный неуют, глубочайшая неготовность. Он хрипло произносит:

— Я ужасно сочувствую. — И после паузы прибавляет: — Да уж.

Он машет бумагами — мол, надо поработать — и бочком шмыгает в конференц-зал № 2. «Ты скажи, почему эта топь с виду непроходима…»

Двадцать минут Мод беседует с кадровичкой.

Договариваются, что Мод пока будет на четырехдневной рабочей неделе, откажется от проекта по каппа-опиоидам, который все равно прекрасно развивается и сам. Кадровичка спрашивает, как Мод справляется, как справляются они с Тимом. Она теперь неплохо знакома с Мод, не ждет особо ничего, кроме невнятных заверений, и когда заверения звучат, кивает:

— Вот и хорошо.

Она ни слова не говорит о том, что поминает Мод в молитвах, что в церкви редингской ратуши, где по воскресеньям четыре-пять служб, и оркестры, и молодые заплаканные лица, и священник в джинсах и футболке расхаживает по сцене, точно популярный комик, по ее, кадровички, поручению имя Мод читают вслух, розой бросают в трепещущие руки верующих.

Святый Боже, Иисусе, благотворной дланью своей исцели эту женщину!

День второй на работе, и Мод едет в Кройдон. Там семинар, очередной семинар, посвященный побочным эффектам — теме, которую никак не удается окончательно закрыть, в Орландо уже нервничают. Предположительно феннидин/эпибатидин действует на холинорецепторы, но неясно, на что еще он может действовать, что

еще стимулируется, высвобождается. На экране им показывают цветные слайды позитронно-эмиссионной томографии головного мозга. На одном слайде (номер двенадцать, немолодая женщина) — тень, похожая на летящую птицу.

В перерыве на кофе к Мод подходит какой-то мужчина, наклоняется и говорит:

— Надеюсь, «Фенниман» не морочит нам голову. Надеюсь, они правда намерены довести дело до конца. Стыдно будет, черт возьми, не доделать…

Его прерывает, стучит по локтю женщина, коллега, а потом, когда ему объясняют, он сникает, на Мод не смотрит, вертит ручку в пальцах.

Середина декабря: с высоких широт нисходит холод. По утрам Мод отскабливает наледь с ветрового стекла, включает двигатель, а сама идет варить кофе. Нельзя сказать, что кухня неопрятна. Мод не громоздит грязные тарелки, не забывает изредка подметать. Нельзя сказать, что кухня неопрятна, но она переменилась — как кольцо, которое больше не носят, или тропа, где больше никто не ходит — никто, кроме нее. Мод проверяет сумку — все ли взяла. Смотрит — добрую минуту — на радионяню. Как-то утром (обледенели язычки травы, и ягоды шиповника,

и культи срезанной кукурузы, и стальные перекладины ворот в поле) она проезжает машину, которая свернула с дороги, вскарабкалась на обочину и застряла в изгороди. Мод притормаживает — у машины стоит человек с шарфом на голове. Он словно явился из 1200 года. Кривится, кричит что-то неразборчивое, машет, чтоб ехала себе дальше.

И в конце этого сезона, этих трехнедельных воздушных кульбитов, о которых пишут газеты, она приезжает домой, а передняя дверь открыта. Давно стемнело, ни луны, ни света в доме. Мод окликает, потом шагает через порог, обходит весь дом, заглядывает почти во все комнаты. Гитарная кладовка в гостевой открыта и пуста. Мод идет вниз. Кто-то стучится, деликатно, но настойчиво. Соседи, Майкл и Сара. У Майкла фонарик. Оба в темных флисках, черных или синих.

— У тебя все нормально? — спрашивает Майкл.

— Мы ужасно волновались, — говорит Сара.

— Не знали, что делать, — говорит Майкл. — Хотели позвонить, но не знали кому. Думали пожарных вызывать.

Они выжидательно молчат, а сообразив, что она не понимает, о чем речь, объясняют, перебра-

сывая недосказанную историю друг другу.

Оба на два дня взяли больничный, у них этот тошнотный вирус, с которым все мучаются. Где-то в полчетвертого — они заметили, потому что смотрели телевизор, а передача заканчивается в полчетвертого, — подъехала машина, хлопнула дверца, они выглянули, а к коттеджу идет Тим. С костылем, один. Они ничего такого не подумали, но потом из кухни увидели, как он идет в сад. И несет гитару, и вот *это* было странно, холодно же, и темнеет, зачем бы ему играть на холоде? Но он не стал играть, положил гитару на траву, ушел в дом, вернулся с другой гитарой, положил рядом с первой, опять ушел. Они не поняли, что это он такое делает, но занервничали. Три или четыре гитары — и они же знают, что гитары хорошие, прекрасные гитары, очень дорогие — лежат себе на траве. А потом все случилось мгновенно. Он эти гитары чем-то полил, чиркнул спичкой. Получился как будто взрыв. Ну, *правда* взрыв. Пламя с Тима ростом, Тим шарахнулся и чуть не упал. А потом стоял и смотрел, как догорает костер. После этого ушел в дом, а через пару минут они опять услышали машину.

— Мы всё понимаем, мы сочувствуем, — говорит Майкл. — Мы просто волнуемся.

— Мы волнуемся, что будет пожар, — говорит Сара.

— Пожарникам, — говорит Майкл, — сюда ехать минут двадцать минимум. Даже, наверное, полчаса.

Мод еще не слыхала, чтоб они столько разговаривали. Вроде немногословные люди, по жизни шли почти безмолвно. Очевидно, впечатление было ложное. Внутри у них целая куча слов — только и ждут событий и тогда изливаются. Мод благодарит обоих и закрывает дверь. На подоконнике в кухне лежит фонарик. Мод включает его и шагает в проход между кухней и керосиновым баком. Задний садик невелик. Лоскут земли, грядки в глубине, от соседей отделен низкой стенкой красного кирпича, от улицы — буковой изгородью. Костер — кострище — на лужайке у качелей. Угли еще тлеют, еще испускают тепло, пахнут горючим. Мод с фонариком садится на корточки, выуживает из пепла головку грифа, протирает большим пальцем — проступает закопченная инкрустация с ромбами и звездами, дерево теплое, как рука. Кладет ее обратно, в пепел, к перекрученным струнам, обугленным порожкам и колкам, к обломкам.

В доме мигает автоответчик. Сообщение от Ти-

мовой матери: «Мод, Тим у тебя? Ты его видела? Он взял машину. Коробка-автомат, он сможет вести. Если увидишь его, позвони, пожалуйста, *срочно*».

Затем другое сообщение, усталое: «Вернулся. Будь добра, позвони. По-моему, нам надо хотя бы поговорить. Пора уже как-то разобраться. Понять, как жить дальше».

5

Она не предупреждает их, что приедет. Или не предупреждает себя, что поедет. Суббота, час послеобеденный. Она едет под настырным деревенским дождем, паркуется во дворе. Собаки выбегают поздороваться. Под дождем провожают ее до двери. Там висит колокольчик из старого стремени, но в него никогда не звонят. Мод заходит в комнату, где вощеные куртки, хрустальная ваза с патронами для дробовика. В кухне тучная тетка, жена Слэда, рубит мясо ножом с костяной рукоятью — лезвие длиной с полруки Мод. Миссис Слэд никогда не питала к Мод нежных чувств, но она и вообще нежных чувств не питала ни к кому, кроме Магнуса, который обращался с ней как с рабыней, как с невольницей раба. Миссис Рэтбоун прилегла, объявляет тетка. Мистер Рэтбоун у себя в мастерской и не скажет спасибо, если его обеспокоят.

— А Тим?

— У себя.

— Наверху?

— Как он туда заберется? — говорит миссис Слэд. — Он в маленькой комнате. Возле музы-

кальной.

Мод ее благодарит. Не сообщает, что Тим забирался по лестнице в коттедже, прекрасно забирался и при этом вещи вниз сносил. Мод выходит из кухни, через утреннюю гостиную, а оттуда по короткому коридору без окон — в музыкальную комнату. Дождливый свет на поблекшем ковре, на исцарапанной черноте скрипичных футляров, на стекле напольных часов. На фортепиано шеренгой вполоборота, точно солнечные батареи, выстроились фотографии. Дети стоят на коленках под рождественской елкой. Дети в школьных мундирах, с аккуратными проборами. Дети с собаками, дети сидят на коленях у родителей. Знакомая картина, их тут минимум три поколения — дети, что улыбаются в камеру или застигнуты во временной прорехе между одним шагом и другим, одним жестом и другим, руки раскинуты, кисти размыты до воздушности.

Слева от фортепиано дверь. Из-за двери — тихий женский голос.

Мод стучится и входит. Тим в кровати, в односпальной кровати с деревянными ножками на колесиках — может, детской. Рядом на стуле Белла, у Беллы в руках книга. На Белле светло-серое кашемировое платье-водолазка, волосы

зачесаны назад и перехвачены потускневшей серебряной заколкой.

— Привет, Мод, — говорит Белла. — Хочешь поговорить с Тимом? Он, боюсь, немножко сонный. Тяжкая выдалась ночь.

Белла, видимо, тоже устала, под глазами бледные тени, будто она самоотверженно делит с Тимом бремя тяжких ночей. Она встает, кладет книгу на стул, мельком улыбается Тиму и выходит.

Тим подтянул одеяло до горла. На Мод не смотрит. Или вообще никуда не смотрит. На круглом столике под окном всякие лекарства. Одно из них, судя по названию, бензодиазепин. Если б Мод захотела, могла бы перечислить Тиму, какие ферменты это лекарство перерабатывают. Могла бы продекламировать список, как стихотворные строки.

— Соседи испугались, — говорит она. — Боятся, что ты подожжешь дом.

— Я об этом думал, — говорит он.

— Ты их все сжег?

Он кивает.

— Даже «Лакот»?

— Да.

— Больше ничего не жги, — говорит она.

— Чего тебе надо? — спрашивает он.

— Ты остаешься здесь?

— Да.

— В коттедж не вернешься?

Он елозит головой по подушке, перекатывает голову короткой дугой.

— Ты теперь с Беллой?

— Да блин, Мод.

— Что?

— Это, по-твоему, важно? С кем я? С кем ты? Это важно?

Он закрывает глаза. Он очень похож на мать. Книжка на стуле — «Ярмарка тщеславия», на бумажной обложке с треснутым корешком церемонно танцуют мужчина и женщина.

Мод хотела ему рассказать кое-что. Он бы вряд ли усомнился, что это важно. А теперь она понимает, что если расскажет, он станет кричать.

Белла сидит в музыкальной комнате на фортепианном табурете, и вид у нее такой, будто она не играет исключительно из вежливости.

— До свидания, — говорит она.

— До свидания, — отвечает Мод.

В кухне миссис Слэд уже нет, зато есть отец Тима — скрестив руки на груди, привалился к раковине и, кажется, рассматривает носки баш-

маков. Поднимает глаза.

— Проходи, — говорит он и ведет ее в малый, как тут выражаются, салон.

Там больше никого. У стены сервант, который этой комнате велик, — полки ломятся от фарфоровых собачек и детских фотографий. В камине теплится утренний огонь. Тимов отец наклоняется, тычет туда кочергой, из плетеной корзины достает четвертину, кладет на угли. Все дрова — с его земель.

— Выпьешь?

— Нет, спасибо.

Он идет к столу под окном — таких в доме несколько, называются «питейные столы». В два тяжелых стакана наливает скотч.

— Мужик не пьет — веры ему нет, — говорит он. — По-моему, женщин тоже касается.

И ухмыляется ей. Мод берет стакан, подносит ко рту; чуть-чуть жжет — губа треснула.

— Виделась с Тимом, значит.

— Да.

— И как он тебе показался?

Она раздумывает — осунувшееся лицо на взбитой подушке, глаза, в которых за миг до того, как захлопнулись, читалась мольба.

— Усталый, — говорит Мод. — Грустный.

— Грустный?

— Да.

— Грустный. Хм-м. Ну, в общем, да, мы все тут, Мод, немножко грустим. А вот ты не унываешь. Говорят, на работу вышла. Снова надела лабораторный халат.

— Да.

— Вот и хорошо. Вот и молодец.

Он отворачивается. Лицо налито кровью. Когда он снова открывает рот, голос его извергается из глубин — доселе сокрытый голос.

— Тим не грустный, Мод. Тим убит. Моя жена убита. Я убит. Даже Магнус, черти его дери, убит. И только ты да еще, может, твои удивительные родители как-то справляетесь.

Он осушает стакан, уходит к питейному столу. Не глядя на Мод, говорит:

— Я тобой всегда немало восхищался. Ты не особо старалась понравиться. Обычно-то люди из кожи вон лезут, а?

Он подливает себе скотча на два пальца, оборачивается.

— Мы тут между собой много о тебе говорили. Занятно, да? Две теории. Одна — что ты умненькая девушка, чуток застенчивая, чуток нескладная, чуток не от мира сего, но в целом хорошая. Дру-

гая — и у нее хватает приверженцев, — что ты хладнокровная эгоцентристка и ничего хорошего в тебе нет. Но в одном сторонники обеих теорий соглашались — материнство тебя ни капли не прельщало.

— Это неправда.

— А по-моему, еще какая правда. Я никогда в жизни не видел человека, у которого настолько не развит материнский инстинкт. Я не утверждаю, что ты была жестока. Для этого требуется хоть какая-то вовлеченность, некое усилие воображения. Нет, вовсе нет. Ты в своей довольно жалкой манере старалась. Но чего-то не хватало. Чего-то принципиального. Ты тянулась, а его попросту не было.

Он изображает в лицах. Как она тянется, как хватает воздух, как в изумлении отвешивает челюсть.

— Зачем вы так? — спрашивает она.

— Мы же видели, Мод. Я видел. Все видели. Не надо быть семи пядей во лбу.

Он шагает ближе — так близко, что она чует виски, лосьон с запахом дорогой кожи. Он берет ее левую руку, поднимает повыше, задирает рукав свитера.

— Ты посмотри, — говорит он. — Кому охота та-

кое на себе написать? Прости, но в тебе какое-то уродство, и, господи, лучше бы Тим в глаза тебя не видел. И мы все тоже.

На щеках у него слезы, густые, точно лаковые. Он поддался чему-то — или что-то подалось у него внутри. Мод высвобождает руку, хочет уйти.

— Даже не *смей!* — рявкает он. — Даже не…

И бросается на нее. В ярости он ужасно силен. Полсекунды она убегает прочь, но спотыкается о диван, врезается в основание серванта и лежит в ошеломлении, а вокруг сыплются фарфоровые собачки и фоторамки. Мод медленно встает на колени. Тимов отец протягивает ей руку, помогает подняться. Извиняется — и, похоже, искренне. Притягивает ее к себе, крепко обнимает, ладонью гладит по затылку. Его плечи ходят ходуном; его дыхание обжигает.

— Умоляю тебя, — говорит он, — никогда больше не приходи. Ты поняла меня? Не приходи сюда больше никогда.

6

Рождество она проводит с родителями в Суиндоне. Ей вручают свитер цвета овсянки и чек на случай, если она захочет этот свитер обменять. В гости никто не заходит.

В январе она заболевает. Вирус — может, тот же, что был у Майкла с Сарой. В горле, в носу кислятина. Невозможно согреться. Мод подкармливает печь, пока не заканчиваются дрова, а затем полтора дня лежит на диване, закутавшись в толстое одеяло. Некоторое время голова и шея болят так, что она едва смеет сглатывать. Ни аспирина, ни ибупрофена не принимает. Пьет феннидин из коробки со штампом «ТОЛЬКО ДЛЯ КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ». Не впервые. Несколько участников проекта его пьют.

Она засыпает или теряет сознание, очухивается в холоде, в кромешной тьме. Поначалу не понимает, где находится, потом щекой чувствует грубое плетение наволочки и вспоминает. Вскоре различает собственное дыхание, а несколько секунд спустя — еще что-то, будто слабое эхо дыхания, только оно не умолкает, если не дышать.

Она поворачивает голову. Это неизвестно что

доносится, по-видимому, с лестницы, с вершины лестницы, и Мод выпрастывает руки из-под одеяла, как можно тише поднимается, садится. Воображает кошку, что сидит, подобравшись, на верхней ступеньке. Воображает лису, что почуяла ее, замерла. Или птицу — как та бледная птица, что летела над улицей. При этом она прекрасно понимает, что нет там ни птицы, ни лисы, ни кошки, вообще ничего подобного. Она ждет, прислушивается, затем сползает с дивана и ощупью крадется к лестнице, к стене у лестницы, к выключателю. Полминуты нашаривает его на стене. Свет все меняет, толкает ее, как будто мягко, но мощно бьет в грудь. Она зажмуривается и цепляется за перила. Когда удается разжать веки, перед глазами ковер на ступенях, угол на площадке, свет под красным абажуром, и абажур покачивается в холодном воздушном потоке, одном из тех, что неостановимо текут по коттеджу и, возможно, держат его на плаву. Минуты две или три она стоит, глядя вверх. Соблазн произнести имя, запустить имя в залитый светом воздух. Затем шлепает в кухню, пьет воду из-под крана и садится на пол, спиной притиснувшись к старой железной плите. Когда еще она так мерзла? Она не помнит, чтобы так мерзла.

Лишь спустя неделю она в силах выйти на работу. И все равно ей неважно — неважно себя чувствует, неважно выглядит. Назавтра после Дня святого Валентина к ней в выгородку заходит кадровичка и на ухо говорит:

— Уделишь мне десять минут?

Они идут к кадровичке в кабинет. Садятся друг против друга. Кадровичка улыбается.

— Ты очень бледная, — говорит она.

— Да?

— Да.

— Зима, — говорит Мод. — И я болела.

— Я понимаю, — говорит кадровичка. — Но дело ведь не только в этом, правда? Ты невероятно храбрая. Просто уму непостижимо. Но мы поторопились. Люди за тебя волнуются, Мод. И у нас, и в Кройдоне. Волнуются. Переживают. Они считают, тебе еще рано выходить на работу. А мне ведь и о них надо подумать. Об их интересах. Честно говоря, многим некомфортно. Они твои коллеги, они хотят тебя поддержать, но не знают как. Ты меня понимаешь? Я разумные вещи говорю? Я звонила в Орландо. Там считают, что тебе нужно время. Они хотят, чтобы ты доработала эту неделю, а потом взяла отпуск до конца лета. Скажем, до сентября. Тогда мы сможем предложить твоей

замене хотя бы полгода. Первые три месяца мы оплачиваем полностью, потом каждый месяц по нисходящей. Я позвоню в июле — посмотрим, как твои дела. Насколько и к чему ты готова. Как тебе такой пакет? Справедливо, как считаешь? Мод?

В общем, она сидит дома; офисные костюмы висят в гардеробе; закрытый ноутбук лежит на кухонном столе; почти опустевшая сумка — под стеной у передней двери. В кухне, в обувной коробке, под клочками бумаги с телефонами ремонтников и всякой всячиной — открыткой от Тиш и Лэлли (Буэнос-Айрес), фотокарточкой, где Мод, еще школьница, стоит у стены на задах дома в Суиндоне (видимо, Тим выпросил снимок у ее родителей) — она находит сигаретные бумажки Тима и табак. Мод не курила с пятнадцати лет, когда мужчина, за чьими детьми она присматривала, давал ей сигареты после, как он выражался, *сеансов*. Табак пересох, не скатывается, но она старается и, хоть и не с первой попытки, мастерит нечто вроде сигареты. Выкуривает половину, окурок бросает в чашку с чайной заваркой.

Приходит письмо от Арни. Там на нескольких страницах описываются распад его жизни, его борьба со слабостью и тайной, его недуги, бессон-

ница, поэтические потуги. Написано на офисной бумаге для заметок. Судя по всему, это любовное послание.

В тот же день Мод оттаскивает к стенам тяжелую мебель, чтобы пропылесосить в гостиной. Под диваном находит красный стеклянный шарик и зеленый. И порванный серебристый пакетик из-под презерватива, «ребристого для взаимного удовольствия». Разглядывает его, вертя в пальцах; бросила бы в печь, будь печь зажжена. Когда бы это ее задело? Да шут его знает. Читается как прокисшие новости. Прокисшие новости про Тима и Беллу. Прокисшие новости про нее саму. Прокисшие новости про людей, про биологический вид. Очень мимолетно и почти научно она воображает, как ломает очень белое, изящное Беллино запястье. Затем кладет пакетик к открытке от Джоша Феннимана. И продолжает пылесосить.

Очень долго она не ходит наверх — только за одеждой или в ванную. Спит на диване, а как-то вечером, будто на миг все позабыв, поднимается по лестнице и ложится в спальне, в кровать с изголовьем из грецкого ореха. На стуле у окна сложены какие-то Тимовы тряпки. Книга, которую он читал, — на полу с его стороны. Под крышей,

над потолком спальни копошатся мыши. Мод представляет, как они грызут изоляцию проводки, думает, что надо бы купить мышеловки, крысиный яд, но знает, что не купит, не сейчас.

Целыми днями она сидит в кухне, или на диване, или на лестнице, или стоит где-нибудь на полдороге между лестницей, диваном и кухней. Она не помнит этих дней, даже задуматься о них не может.

Когда возникает нужда, она садится за руль и едет в город за покупками. В супермаркете мельком видит, как жена Слэда выбирает мясо. Вроде бы мимо на машине проезжает блондинка из полиции, но, может, померещилось. На углу Арни болтает со стариком в твиде; старик что-то говорит, и Арни смеется, будто у него нет в жизни никаких забот.

Порой ночами Мод не ложится, смотрит телевизор, а звук нередко выключает. Самые странные программы — в три часа ночи. Торговля бижутерией на каналах телемаркетинга. Детективные сериалы десяти- или двенадцатилетней давности. Образовательные передачи про повседневную жизнь Лимы, образование долин, гэльский для начинающих. Одну передачу — «Гэльский букварь»? — ведет женщина,

примерно сверстница Мод, румяная стриженая блондинка. На ней черный купальник, штанины до середины бедра, как у велосипедок. Она стоит на палубе яхты, большой и старой деревянной яхты, бросившей якорь где-то в северных морях. Ясно, что все замерзает — и воздух, и женщина, и зеленая вода. Говорит женщина с кем-то позади камеры. Иногда умолкает, с некоторой опаской косится в море, и все время бочком продвигается к борту, и наконец стоит на деревянном планшире, держась за выбленки. Добрых пятнадцать секунд так и стоит в этом черном купальнике, и камера разглядывает ее спину, мускулистые ноги, краснеющие на ветру плечи. Затем она отпускает выбленки, покачивается, слегка подается вперед, сгибает колени и устремляется в воздух по короткой дуге, и ее грузное тело вдруг обретает изящество. Она входит в воду. Камера наблюдает. Вода успокаивается. Женщины не видать.

В ту ночь, когда Мод в конце концов забирается в старую постель, падает туда в этом странном изнеможении, порожденном ничегонеделаньем, ей снится сон, и он как бы продолжает нырок, хотя нет ни моря, ни деревянной палубы, ни застенчиво улыбающейся женщины. Вместо них рядом с Мод очень дряхлый старик. Он отвернул-

ся, плохо видно голову, а то, что видно, смахивает на драный плюшевый мешок с металлическим шаром внутри, чугунным. Мод объясняет, что с ней случилось. Ничего не упускает. Рассказывает ему и про телефонный звонок в виварии, и про огоньки на радионяне, и про ту ночь, когда за ней как будто наблюдали с вершины лестницы, и про много чего еще. Когда она выкладывает все, старик оборачивается, и она видит, что это Ролинз, тренер по дзюдо, и этот Ролинз стар, древен, а может, и мертв.

Она спит почти до полудня и просыпается с ощущением, будто он что-то ей сказал и надо было прислушаться, а она теперь не помнит, но в ванной, раздеваясь перед душем, она видит надпись на руке, *Sauve qui peut* — может, он сказал это? Это.

Она принимает душ, одевается, спускается в кухню. Заваривает кофе, сворачивает сигарету и выходит в задний сад. На траве — черный круг кострища. Нежданное солнце, нежданное тепло. Мод курит и пьет кофе, смотрит на окна второго этажа. Допив кофе, возвращается в дом, оставляет кружку на кухонном столе, поднимается по лестнице и открывает дверь в детскую — в комнату, которую они с Тимом отчасти в шутку

и с первого дня, когда еще красили стены, называли питомником. Сдирает белье с постели, сворачивает тюком простыни, пуховое одеяло. На полу валяется розовое укулеле. Мод и забыла про укулеле — забыла, что оно есть. Она прислоняет укулеле к стене, передумывает, кладет на голую постель, опять передумывает и прислоняет к стене. Захлопывает не вполне захлопнутое окно. Складывает разбросанную одежду. Относит постельное белье в кухню, загружает в стиральную машину, настраивает программу, запускает.

Крутится барабан, в одну сторону, а после паузы — в другую.

Ты не готова, но проходит миг — и ты готова.

В спальне она ставит в изножье постели большую сумку, для начала слоями кладет трусы, лифчики, колготки, майки. Затем джинсы, рубашки, шорты, черную хлопковую юбку-брюки, которую Тим называл «индийские штаны». Шерстяной свитер с ланолином, столетней давности, пахнет, как просмоленный канат. Мягкий свитер цвета морской волны, слегка побитый молью, купленный той зимой, когда она была беременна. Термобелье. Туго скатанный лыжный комбинезон с начесом. Туго скатанную курт-

ку-непромоканец «Хелли Хансен». Все толстые носки, какие удалось найти. Топсайдеры. Резиновые полусапожки «Масто». Красное дорожное полотенце. Полосатую лыжную шапку, митенки. В ванной берет зубную щетку, зубную пасту, полкоробки тампонов, хотя менструация так и не пришла, уже который месяц нет, и этим обстоятельством Мод ни с кем не делилась, даже с приснившейся головой старого Ролинза.

Тюбик солнцезащитного крема «SPF 25». Щипчики для ногтей, дезодорант. Она застегивает молнию на сумке, стаскивает ее с кровати, спихивает вниз по ступеням. Вернувшись в ванную, стаскивает майку и большими портновскими ножницами (это она, которая в жизни ничего не сшила) стрижет волосы. Стрижет так коротко, что затылок можно обхватить ладонью, точно скорлупку какую. Тут и там просвечивает кожа. У макушки она разок резанула до крови.

Она относит сумку к машине, возвращается в кухню, перекладывает постиранное белье в сушилку, выставляет ей час работы. Отключает радионяню, запирает заднюю дверь, кладет в карман телефон и зарядку, переднюю дверь тоже закрывает и запирает. День в разгаре. Ничего не слышно, кроме птиц, теплынью доведенных

до пения. Мод шагает по тропинке, по древнему морскому дну. За спиной со стуком захлопывается калитка. Мод не оборачивается.

Три

И в нашу тьму сочится жизнь,
держа ею данное слово[35].

Джон Эшбери

[35] Примечания: 35

Цитата из стихотворения Джона Эшбери «Странствие в синеве» (*Voyage in the Blue*, 1972).

1

В окно (где на картонках фотографии лодок, фотографии с покоробленными краями, на солнце пожелтевшие) маклер созерцает воображаемое здание. Владельцы верфи — люди, неизменно приезжающие кавалькадами полноприводных «шкод», словно охотничья экспедиция, — планируют построить в марине отель, что-то такое с двумя сотнями номеров, спа, фитнес-центром, парой ресторанов (один назовут «Старая верфь» — ресторан с судостроительными мотивами, декорируют деталями лодок и инструментами). В администрации марины маклер видел архитектурный макет — ладные деревца, человечки размером с зернышки риса. Его контору, конечно, снесут. Снесут всю кустарщину, все самоделки. На макете они уже снесены.

Он открывает жестянку, достает сигариллу, кончиком постукивает о столешницу. Воздух сегодня набряк непролитым дождем. Река, пришвартованные лодки, мутная зелень дальнего берега — все замерло в тишине, что предшествует событию — или его завершает.

В два часа — расписание! — ему осматривать

старую лодку, большой кеч, некогда фрахтовый, великолепный и нереальный, пожрет время и деньги; кеч нужно продать человеку, точно знающему, что он делает, или какому-нибудь романтику, балбесу с деньгами, который приколет фотографию кеча на стенку у себя дома и будет над ней вздыхать.

Прилив в 16:15. Отлив в 21:15. А сейчас мы где? Полная вода? Едва миновали полную воду? Он размышляет, видел ли ночью луну, пытается восстановить ускользающие мгновения ночи, себя в футболке и боксерах над унитазом (свет не горит, потому что свет в такие минуты невыносим, мозг размягчен сном) и решает, что вроде бы да, видел надкушенную луну, плывущую к холмам меж городом и скалами (где поля, откуда беспечные фермеры порой взлетают над морем на тракторах), и кивает, и рад, ибо спас то, что иначе было бы совсем утрачено, кивает и вздымает незажженную сигариллу, точно дирижерскую палочку, и тут двери конторы распахиваются, и маклер, ни на единый уловимый миг не замявшись, глядит ей в глаза и с улыбкой говорит:

— Что, уже открываете сезон?

Яхта стоит во дворе на ножках кильблоков. Так и простояла с сентября, когда ее выволокли на

сушу после четырех-пяти летних воскресных выходов. Маклер знает: такова судьба всех лодок. Их покупают, любят, водят. Потом любят все меньше, водят все меньше. В лодку надо вкачивать деньги — плата за стоянку, плата на верфи, бесконечный ремонт, починка, — и лодка становится обузой. Наконец кто-нибудь принимает решение, которое объявляет «разумным». Приходят к маклеру в контору. Грустно улыбаются. Слегка стыдятся.

Вдвоем — Мод впереди — они тащат трап. «Киносура» истомлена — уже не вполне убедительная яхта. Будь она автомобилем, пора было бы подумать о том, чтобы пустить ее на детали.

— Подкрасить, — говорит маклер. — Отшкурить. Они под конец зимы всегда себя немножко жалеют.

Она, конечно, все это знает. Он болтает болтовни ради.

Она взбирается по трапу. Ноги, тыл, шагает через леер.

— Все нормально там?

Она уже отвязывает брезент. С ванты к ветру льнет ленточка-колдун.

— Роб где-то здесь. Машина его точно здесь. Приятно вас видеть, Мод. Пожалуйста, осторожнее.

Она, размышляет он по пути в контору, обстриглась тупыми ножницами, хлебным ножом. В таком духе. Или облысела? Перенесла химиотерапию, всю зиму просидела в палате под капельницей, глядя на трубу крематория. Но на вид не хрупкая, не квелая. Загнать такую женщину в угол — крупный просчет. Нравится она ему? Доверяет он ей? Пожалуй, он уже видел таких (или просто о них читал). Женщины, что выходят из пылающего города, а потом выясняется, что они-то и навлекли на город пожар. Ясноглазые девушки, у которых руины в кильватере.

Кают-компания — скорлупа, кожа, дутое стекло, слегка нереальное. Мод садится на банку, на сафьянового цвета обивку, которая сохранилась плохо и, по виду судя, уже пресытилась непогодой. Столько дел — куча! — но Мод сидит, ничего не делая, и дел как будто становится меньше. Она идет в носовую каюту, роется в рундуках, лезет в парусные чехлы. Щупает якорную цепь, якорь, запасной якорь. В кают-компании находит сувениры прошлого, позапрошлого лета. Почти выдавленный тюбик солнцезащитного крема, панаму, мятую футболку. Это все ее вещи — или ее и Джона Фантэма. Его книги так и стоят за релингами — «Один под парусами вокруг света»,

«Дхаммапада». И картинка — лодка на рассвете или на закате, рамка привинчена к переборке.

На палубе Мод пробирается на бак, осматривает релинг, форштаг, носовую обшивку, носовой роульс, утки, клюзы, медленно пятится, на ходу все щупая, проверяя на прочность. Поначалу это лишь игра в целеустремленность, но постепенно становится тем, чем прикидывается. Под мачтой Мод задирает голову, следит, как тросы исчезают в шкивах, точно ручьи в земле. Краспицы, радарный отражатель, топовый огонь. Она переходит в кокпит, пальцами выковыривает лиственную гниль, бог знает что выковыривает из шпигатов кокпита. Открывает рундук под левой банкой и подключает газовый баллон камбузной плиты. Встает к румпелю. Яхта, задрав нос, держит курс на верхушки дубовых крон. Мод едва замечает, что идет дождь, пеленами пересекает реку, на волосы нанизывает водяные бусины, всю долину обволок облаком.

Внизу на верфи никого. Мод отирает воду с лица, слезает в кают-компанию, захлопывает крышку люка и ложится на банку, замерзшие руки зажав между бедер.

Просыпается уже под вечер. Сквозь царапины на стекле иллюминатора наблюдает, как мир

заново выдумывает цвета, как низкое солнце затопляет долину; странный день, что под конец не меркнет, но разгорается. По двору идет человек в красном. Мод смотрит, как он идет, открывает люк и вылезает в очищенную дождем прохладу. Человек машет, а у подножия трапа говорит, задрав голову:

— Крис сказал, что ты тут. Завести тебе туда электричество?

— Да, — отвечает она. — Пожалуйста.

— Завтра с утра, идет?

— Да.

— Ты тут задержишься?

— Да.

— Когда хочешь на воду?

— Не знаю. Через неделю?

— Ну, ты в голове толпы. Я думаю, без проблем.

Пауза.

— Короче, давай утром тогда.

— Да. Хорошо.

Он опять машет и уходит к эллингу. Солнце ныряет в холмы за рекой. На земле у Мод за спиной — пятна золота, но верфь и реку уже просеивает сквозь первую синеву сумерек. До темноты надо кое-что отыскать — лампу, фонарь, спальник, зазимовавший в «гробу». В яхтах на кильблоках

ночевать не полагается, но других планов у Мод нет. В марине туалет и раковина. На борту консервы, в сумке бутылка воды. Никто не заметит. Кроме маклера и Роберта Карри, ни одна душа не знает, что Мод здесь.

Дважды за ночь она просыпается в темноте, все чувства чутки. В первый раз не понимает, где находится, ощущает только хватку спальника, тесноту темных стенок. К реальности ее возвращают запах яхты и влажная затхлость спального мешка. Затем снова, спустя несколько часов, она открывает глаза в стеклянистом свете, среди набросков беспорядка в кают-компании, где латунный ободок барометра — как заходящая луна. В промежутке — в бреши между одним пробуждением и другим — часы сна без сновидений, подлинный отдых, какого не случалось уже многие месяцы.

В семь тридцать Мод в кокпите, разбирает лебедку, которую, вполне вероятно, разбирать не нужно. Заявляется Роберт Карри, машет термосом и белым пакетом, в котором, как выясняется, сэндвич с беконом.

Мод спускается по трапу. Сэндвич пахнет восхитительно. Едва Роберт Карри отдает ей пакет, она выхватывает сэндвич и принимается есть.

— Я так и подумал, что ты тут заночуешь, — говорит он. — Мне по барабану, но это против правил. И ты не знаменита своими познаниями о том, где кончается палуба.

— Это один раз было, — отвечает она с полным ртом хлеба и бекона.

К четверти десятого у нее имеются береговое питание и план работ. К десяти она в робе и защитных очках пульверизатором моет днище. Что не удается отчистить струей, отскребает шпателем и затирает водостойкой наждачкой. Выпрастывается солнце, и Мод выступает из тени лодки, запрокидывает лицо к теплу.

После обеда она замешивает гелькоут, потом на туерном пароме едет в город за необрастающей краской. На пароме всего четыре машины, грузовик мусороперерабатывающей компании и несколько пеших пассажиров. Деньги собирает матрос с кожаной переметной сумой. Переход занимает семь минут, и все движения матроса — он роняет фразу-другую, выдает сдачу, идет к аппарели — идеально рассчитаны. Он тут ничего не может поделать.

Кафе и киоски на городской набережной в основном закрыты, их листовки до сих пор возвещают о рыбалках прошлого лета, об аренде

катеров, которая в этом году на пару фунтов подорожает. Человек на стремянке красит деревянный навес своего магазина сувениров. Постовой сидит на кнехте и смотрит в воду.

Судовая лавка меньше соседнего ларька, где торгуют рыбой с картошкой, но внутри на двух этажах (и по кромкам лестницы) есть почти все, что может пригодиться яхте, владельцу яхты и даже строителю яхты. Фаловые карабины, стопорные блоки, ящики для аккумулятора, фальшфейеры, резиновые сапоги, отпорные крюки, атласы приливов, трюмные помпы. Барабаны разноцветной полиэстерной оплетки, риф-штертов, поливиниловые шланги, продаются по метражу. Заливные горловины, кабельные сальники, дреки. Женщина, которая там работает, — иногда еще работает девушка, но женщина всегда на месте, — лучше тебя понимает, что тебе нужно, но, судя по лицу, яхтами особо не увлекается, под парусом не ходит, а может, и море-то любит не весьма. Она отправляет Мод к полкам с краской у задней стены и наблюдает за ней из устья прохода — за этой молодой женщиной, которую, кажется, прежде уже видела. Что с ней не так — а что-то не так, — продавщица не понимает. Проще всего списать на выпивку

— яхтсмены частенько закладывают за воротник. Но и кожа чиста, и глаза. И не пахнет спиртным, когда подходит к прилавку. Платит карточкой, несет краску к двери, в каждой руке по ведерку, но тормозит возле карт, ставит краску на пол и стоит почти сорок минут, водит пальцами по прозрачным конвертам. Иному покупателю, покупателю иного рода продавщица предложила бы помощь, но эта либо точно знает, что делает, либо не имеет ни малейшего представления. В конце концов возвращается к прилавку с адмиралтейскими картами 4011 и 4012.

— И вот это пробейте, — говорит она; слегка картавит, но акцент не девонский. Продавщица кладет карты в пакет. Север Северной Атлантики и юг Северной Атлантики соответственно. Картина проясняется, и когда покупательница выходит на улицу, где две чайки дерутся в канаве за кусок картошки, продавщица прислоняется к окну, глядит ей вслед и думает: *мы ее больше не увидим*, — и эта мысль звучит пророчеством, и несколько минут продавщица топчется, не зная, заварить ли еще чаю или переставить обувь на витрине второго этажа. А это на нее не похоже. Это совсем на нее не похоже.

2

Наутро Мод поверх джинсов и свитера натягивает робу, варит кофе, жует банан, съедает квадратик шоколада и выходит на палубу. Сидит на крыше надстройки, смотрит вверх по реке, туда, где сливаются свет и вода. Сворачивает самокрутку с табаком из пачки, купленной в городе. Она теперь лучше сворачивает, лучше курит.

Докурив, спускается по трапу с банкой необрастайки. Вчера под вечер она заклеила ватерлинию. Теперь медленно идет вокруг корпуса, проверяет, хорошо ли вышло. Нормально; она открывает банку, наливает краски в кювету, мочит в ней мохеровый валик и начинает красить. Красит час, уже щиплет глаза, и тут приходит Роберт Карри с коробкой одноразовых перчаток и парой пластиковых защитных очков.

— Она же не просто так не обрастает, — говорит он.

Из кармана он выуживает тряпку, выбирает уголок почище и стирает плюху необрастайки с тыла правой ладони Мод. Всего несколько секунд, и в эти секунды оба молчат.

К обеду Мод докрашивает первый слой и от-

ступает от яхты, чтоб избавиться от запаха необрастайки во рту. На верфи сегодня поживее, но большинство лодок по-прежнему стоят сиротливо. На стапеле Роберт Карри и другой рабочий трудятся над прогулочной яхтой, бывшим гидрографическим катером, который в прежней жизни звался «Скаген», а ныне переименован в «Динь-Донну» и весь увешан флагами расцвечивания. Роберт Карри, ныряя в сходной люк, машет, и Мод машет в ответ.

Второй слой ложится на второй день. Согласно инструкции, краска должна быть толщиной с визитную карточку — как толком не пригодившиеся визитки, что лежат в коробке у Мод в машине: «Мод Стэмп, старший специалист по клиническим исследованиям».

К середине дня краска подсыхает и можно отодрать клейкую ленту с ватерлинии. Не идеально, но сойдет. Мод подправляет огрехи, кривизну выравнивает тряпкой, смоченной растворителем. На понедельник она заказала судовой кран. То есть всего два дня работы на суше. Все недоделанное, все упущенное останется как есть. Это она уже решила. В понедельник яхта спустится на воду, а Мод спустится в яхту. Вариантов нет — ей в голову ни один не приходит. Вернуться в

коттедж? Вернуться к тому, о чем рассказывала приснившейся голове Ролинза? Двери за спиной захлопнулись. Она захлопнула их сама или нечто помимо нее взяло и их захлопнуло. Едва ли есть разница. Ждать больше нельзя. Поистине опасной ей видится лишь неподвижность.

Ночью накануне спуска на воду она с полотенцем и несессером идет в уборную марины. Час поздний, в уборной ни души — никого не слышно. Мод раздевается, складывает одежду в шкафчик, шагает в кабинку, сует в прорезь фунтовую монету, включает душ. Вода холодна. Встряхивает все нутро. Затем нагревается, и кабинку наполняет пар, и кожа светится розовым. Мод разглядывает себя в пару. Почерневший ноготь на большом пальце; на щиколотках по три синячка, длинная царапина высоко на левом бедре — след забытого столкновения, может, со столом в кают-компании, когда ощупью маневрировала в темноте. Тикает таймер. Вода пеленами света окатывает груди, живот, бедра. Мод вспоминает, как Камилла предъявила ей свою татуировку, сказала, что это значит засади мне до слез, и скорчила мордочку, как плачущая девочка. Четыре месяца Мод не вспоминала о сексе. И четыре месяца у нее не было крови. Есть тут связь? Она трогает

себя, совсем легонько, безымянный палец без кольца в темной поросли между бедер, вжимается в губы, проскальзывает во внутренний жар. Мод прислоняется к стенке кабинки, заводит палец чуть глубже, чуть глубже. Она не дура; она не наивна; она знает, что желание, память и горе переплетены, как проводки в прово́дке. Она только не знает, что с этим делать. Она вынимает палец. Таймер тикает громче, затем умолкает. У нее больше нет монет. Она торопливо вытирается, натягивает одежду на еще влажную кожу. Выйдя из душевой, видит, что не одна, хотя не слышала, как в душевую зашли. У одной из раковин женщина, женщина лет шестидесяти или старше, голая до пояса, мылит подмышки. На спине у женщины, слева и справа, от самых лопаток вдоль позвоночника — два шрама. В зеркале — обветренное лицо, глаза щурятся золотом. Женщина разглядывает Мод в стекле, словно раздумывает, знакомы ли они. Затем кивает и улыбается. Можно принять за одобрение. Можно принять за «Не останавливайся!».

3

Крановщик — молодой парень, млеющий в закатных лучах своей молодости. Рыжеватый блондин, к июлю совсем облондинится, лицо уже о нем говорит, выдает его, хотя если взглянуть мимоходом, он еще сойдет за того, кем его сочтешь. Развалился у лестницы в кабину крана, посматривает за последними приготовлениями Роберта Карри и Мод. Утренний дождь принесло и сдуло ветром. Полдюжины нескладных нарциссов в раскрашенной клумбе перед администрацией усеяны каплями. На дороге к верфи один оттенок зелени медленно перекрывает другой.

Крис Тоттен выходит поглядеть. В ближайшие недели многие лодки — те, что еще не забыты, — возвратятся на воду, но «Киносура» — одна из первых, и он никогда не устает — ну, почти — от этого мига, когда яхта приклеивается к своему отражению. Отпускает реплики, отпускает Мод комплименты за то, как выглядит яхта (пожалуй, рад бы отпустить комплимент за то, как выглядит она сама, а выглядит она чуток получше, чем в первый день), потом идет покурить с крановщиком.

— Горячее времечко у тебя начинается, — говорит он, и крановщик кивает.

Роберт Карри на палубе застегивает стропы. Повисает на карабине, спрыгивает и кричит:

— Порядок. Забирай!

Крановщик залезает в кабину. Надевает темные очки. Жесты его уверенны. Он выбирает слабину стального каната, и какое-то мгновение вес лодки и сила крана равновесны. Затем лодка поднимается в воздух, и поскрипывают стропы, и все застывают.

Когда яхта на воде и свободна от строп, Мод поднимается на борт — отвести яхту на гостевую стоянку у понтона, где пройдет следующий этап работ. Но когда она вставляет ключ в зажигание, яхта рыгает дымом, содрогаются поршни, затем тишина. Мод спускается в кают-компанию, поднимает трап и смотрит, какого цвета топливо в сепараторе. Не прозрачно-красное, даже не янтарное. Она сливает топливо, в рундуке с запасными дельными вещами под правой койкой в носовой каюте находит лишний фильтр, ставит его, ослабляет прокачной винт, качает насосом, затягивает винт, вылезает в кокпит и снова поворачивает ключ. Двигатель оживает. Она отдает конец и ведет лодку к понтону. Швартовы принимает

Роберт Карри.

— Хорошо справилась с движком, — говорит он.

— Надо было раньше проверить, — отвечает она.

— Но ведь разобралась же. Никто никогда не проверяет всего.

Она шагает на понтон, возится с носовым шпрингом. Когда закрепляет его как надо, выпрямляется и говорит:

— Мне кое-что нужно.

— Ага?

— Авторулевой.

— Ладно. — Он подходит к корме, осматривает. — Приспособить сюда не проблема, — говорит он. — Найти тебе?

Она кивает.

— И «лейзи-джек» на грот. И новый грота-фал.

— Это тебе такелажник нужен. Или сама хочешь попробовать? Я звякну Мэлу. Когда трезвый — лучше на этом бережке не найти. Что еще?

— Снимаю леера. Ставлю лишние рым-болты.

— Пристегнуться, — говорит он, — а не ждать, когда леер под коленки поддаст. Ладно, понял. А штормовой леер надо?

— Да. В диаметральной плоскости.

— Стальной или веревка?

— Не знаю.

— Стальной гремит. Бывает в пластиковой оплетке, но тогда не видно, если перетерся.

— Веревка.

— Ладно, веревка.

— Я многое могу сделать сама, — говорит она.

— Это я знаю.

— У меня не все инструменты есть.

Он кивает:

— Ты выходишь одна.

— Не в первый раз.

— Но на этот раз дальше.

Она пожимает плечами:

— Не знаю. — Затем: — Да.

— Можно спросить? Дальше всего ты куда заходила?

— Каус.

— Остров Уайт?

— Да.

— Ночью ходила одна?

— Нет.

Он снова кивает, смотрит вверх по реке, где с литорали сползает прилив. На реке несколько яликов, у берега, как обычно, суета.

— Я не моряк, — говорит он. — Я могу построить

лодку почти целиком, но на этом, в общем, все. Наши лодки, Мод, все вот эти лодки, — они по сути крепкие. Не треснут ни с того ни с сего. Не пойдут ко дну, как только первая волна палубу захлестнет. Вопрос всегда в том, кто у румпеля. А идти в одиночку — ну, тут все зависит от того, что в голове, да?

Он ждет, дает ей шанс ответить, успокоить его. Шанс сказать даже, чтоб не совался, куда не просят, не его ума дело. Она не отвечает ничего, стоит на планках понтона, смотрит ему в лицо так, что не разберешь, поняла ли она, и он прибавляет:

— Готова начать завтра в семь утра? Я могу с тобой тут поработать пару часов, а потом мне надо опять на «Динь-Донну». Может, еще вечерами что-нибудь поделаем. Темнеет сейчас поздно.

— Я тебе заплачу по тарифу, — говорит она.

— Давай об этом потом, — отвечает он.

— Меня не уволили, — говорит она. — Я в отпуске.

— В отпуске?

— Да.

— Ну и славно.

4

Когда Роберт Карри рядом, любая работа по плечу, руки не опускаются. Холщовая сумка с инструментами — рыба-мим — всегда таит ровно то, что нужно. Несколько раз за эти утра и вечера с Робертом Карри Мод вспоминает дедушку Рэя, как они вдвоем в гараже из готовых деталей собирали шлюпку, пахло клеем и смолой, пропаном из радиатора. Волосы она тогда заплетала в косу, в ладошках приносила деду инструменты. Играло радио. Старик тихонько насвистывал. Какая-то висячая лампа на гибком шнуре.

Ничего такого она Роберту Карри не рассказывает. Говорят разве что о яхте, по делу. Ставят новый носовой роульс, новый битенг. Прикручивают рым-болты — по одному по бокам кокпита, пониже, чтобы Мод, говоря теоретически, могла пристегнуться, еще не выйдя из кают-компании; два по бортам ближе к баку — все посажены на крепежные пластины и привинчены контргайками.

Приходит такелажник. Сидр сочится из пор. Глаза как у напуганной лошади. Роберт Карри говорит с ним, успокаивает, словно такелажник

взаправду лошадь и напуган. Такелажник приступает, взбирается на топ мачты, на плечо надев канатную бухту. Возится полдня, а закончив, вроде бы приходит в чувство менее катастрофического толка. Принимает у Мод кружку чаю. Ухмыляется, показывая остатки зубов.

День ото дня погода лучше. Мод работает в футболке и джинсах, по палубе ходит босиком. На фургоне доставляют ветровой автопилот — трехлетний «Гидровейн» с чичестерской верфи. Отдельными деталями разлегшись по понтону, он смахивает на обломки кукурузника, протаранившего дом. В половине пятого Роберт Карри бросает «Динь-Донну», шагает через двор. Спускает тузик на воду у кормы «Киносуры», измеряет, затем сверлит стеклопластик, а Мод, свесившись из-под релинга, придерживает крепеж. Десять минут в эллинге — получаем шесть крепежных пластин в три четверти дюйма. Без двадцати восемь, после того как побежден переклинивший болт в основании привода и миновала досадная минута, когда показалось, что маловат нейлоновый чехол, система установлена.

— Это твой новый лучший друг, — говорит Роберт Карри, повернув автопилот на оси и посмотрев, как крыло возвращается на место. —

Обычно им дают имена. Придумала уже имя?

— Автопилоту?

Он хохочет, видя, какое у нее лицо.

— Имя необязательно, — говорит он, — а вот выпить за него не помешает. Соблюдем морскую традицию. Есть на борту чего?

Она уходит вниз, возвращается с бутылкой темного алкоголя и двумя пластмассовыми стаканами.

— Ром, — отмечает Карри, щурясь на бутылку. — Не ожидал от тебя.

— Это Тим купил, — говорит она.

— А, ну да, — говорит Роберт Карри. — На крайний случай.

— Он считал, на лодке должен быть ром.

— Может, он и прав.

— Да, — говорит она.

Он подставляет стаканы, и она льет ром.

— Спасибо, — говорит она.

— Всегда пожалуйста.

Солнце трогает дом на склоне холма за рекой — фермерский, наверное, — и высекает искру из темноты.

Спустя два дня Мод выходит на яхте в гавань. Ветер десять узлов, апрельское небо в вышине размыто облаками, мерцают скалы. Сбалансиро-

вав лодку, Мод закрепляет румпель, вынимает шпильку автопилота и поворачивает крыло к ветру. Забивается в угол кокпита и наблюдает за ним, за легким креном и вздрогами крыла в оранжевом нейлоновом чехле. Проверяет компас, смотрит на кильватерную струю. Автопилот работает, но корректирует избыточно, яхта идет рыскливо. Мод подправляет угол, отклоняет от вертикали. Так лучше, устойчивее, но чтобы добиться желаемого, подправлять приходится еще трижды. Она идет в бейдевинд, на пяти узлах, по ребристой блистающей воде, и по левому борту, не выше палубы, летит чайка. Невероятно, однако яхта держит курс, и ведет ее железка, прикрученная к транцу. Свобода! Свобода делать все, что сделать надлежит. Убирать парус, вести наблюдение. Пойти вниз сварить кофе. Пойти вниз поспать.

Управляющими концами Мод сдвигает крыло автопилота, и яхта плавно уваливается под ветер. Мод слегка травит стаксель, чувствует, как яхта снова балансируется. Мод совершенно растворилась в этой новой игре, где она посредничает между ветром и механизмом. Ее роль изменилась. Уже странно, что прежде она справлялась одна, носилась туда-сюда, как персонаж немого

кино. Теперь она эдакий техник. Больше не надо хвататься за лебедку, когда судно приводится к ветру. Не надо мчаться на бак, травить конец — а лодка уже развернулась. Из кают-компании Мод достает табак, садится на корточки в кокпите, чтобы табак не разлетелся, сворачивает самокрутку и выпрямляется, размышляя, в чем слабости автопилота, как его погнет высокая волна, как починить его среди ночи. Все ломается; Мод это понимает. В конце концов сломается все; это она тоже понимает, что уж тут. Но автопилот — эта откалиброванная простота — по виду судя, протянет долго. Мод нравится даже ярко-оранжевый чехол. Флаг, вымпел. Он утешителен, и уже за это она благодарна.

До истечения стоянки у понтона остается четыре дня. Потом либо продлевать, либо перебираться к швартовной бочке. Мод работает с Робертом Карри — иногда до поздней ночи, и нужно надевать налобные фонарики, а то не видно, что делаешь, — и теперь над автопилотом стоят стальные трубчатые опоры, а к перекладине привинчена пара пятидесятиваттных жестких солнечных панелей. Это обеспечит яхту электричеством — во всяком случае, гораздо реже придется врубать двигатель. Карри обещает

поставить инвертор.

— Сможешь подключать технику, — говорит он. — Плейер, фен, инструменты. Телефон заряжать.

Он, как выясняется, знает одного человека — у того в сарае валяется лишний «Виктрон». И человек этот готов расстаться с «Виктроном» за бутылку пива.

Мод запасается водой, закупает кое-какую еду. Утром пятого дня отчаливает от понтона и под мотором выходит к прежней стоянке. Когда яхта пришвартована и носом режет накатывающий прилив, Мод идет вниз, через форлюк выпихивает наружу все парусные чехлы, а потом сидит под мачтой, ощупывает паруса, ищет прорехи, торчащие нитки, признаки обветшания. За грот и стаксель она спокойна. Остальные прилагались к яхте — все, кроме красного спинакера, которым она толком не пользовалась, опасается ставить в одиночку. Есть генуя, можно прицепить на пустой штаг (лишняя снасть — нововведение времен Джона Фантэма). Еще один стаксель — галсовый угол уже латан-перелатан; и маленький штормовой, заскорузлый и потрепанный, как ему и полагается, однако придраться, кажется, не к чему.

Мод пакует их и через форлюк бросает обратно в каюту. Время за полдень. Мод жарит яичницу, ест, сидя на сходном трапе, глядя в кают-компанию. Справа УКВ-радиоприемник, новый монитор аккумулятора, регулировщик зарядки солнечных батарей. Под ними — НАВТЕКС, GPS, радар, собственно штурманский столик, где штурмана ждут лишь кофейная кружка, пепельница, прокладчик и латунный циркуль. В глубине, на полке над столом, — «Альманах Рида», справочник океанских портов, старая «Лоция пролива Ла-Манш» Джона Фантэма. Выше, в сетчатом кармане, — мобильный GPS «Гармин», пара зажигалок, телефон (выключен), солнечные очки, пропуск в кройдонскую больницу. Подле щеки Мод в деревянной ячейке — цейссовский бинокль и фонарик, а другой фонарик где-то под спальником в «гробу». За спиной, в рундуках кокпита, — парашютные ракеты и фальшфейеры (Мод видела, как Роберт Карри проверял на них дату годности). Еще там кранцы и запасные швартовы. Страховочные обвязки, туманный горн, здоровое холщовое ведро — может, хватит, чтоб сделать из него морской якорь.

Кое-что — парусные нитки, леска — уже потерялось или неведомо как вычеркнулось из плана

лодки, который Мод держит в голове. Кое-чего еще — паяльника, мерного стакана, запасных наручных часов, бумаги для письма, купальника (у нее, правда, имеются шорты и футболки — уж наверняка сойдет за купальник) — попросту нет. Но если ей среди ночи перерубят концы и она проснется в море, ей довольно, более чем довольно, чтобы выжить, чтобы не останавливаться. Яхта готова. Яхта готова, и ничего больше не надо — только решить, зачем все это.

Женщина, одна, на яхте. Что тут странного? И однако Мод словно очутилась в эпицентре невозможного, и на четыре или пять вздохов на нее наваливается невероятная слабость. Тягать веревки, делать тысячу дел, необходимых в наиобычнейший день на море, — сама мысль невыносима. И как-то далека, будто Мод раздумывает о том, чего никогда в жизни делать не станет.

Она толчком поднимает себя с трапа и кладет тарелку в стальную раковину. Встает на колени, открывает рундук под левой банкой, роется там и выуживает зеленый рюкзак. Расстегивает молнию, заглядывает внутрь, нюхает и принимается по всей яхте собирать вещи — сначала выкладывает на красную банку, затем аккуратно

пакует. Это будет экстренная сумка, всегда под рукой, схватить, если все потеряно, — последнее прибежище. Вкладыши для бюстгальтера и лишняя ночная рубашка на сей раз не понадобятся. Понадобятся ручной компас, пара сигнальных дымовых ракет, сигнальное зеркало, хороший нож. Не помешала бы, если найдется, леска. Леска, крючки и наживка…

5

В конторе Криса Тоттена наступает час, который сам он, посмеиваясь, называет закрытием. За весь день никто не зашел. Ближе к полудню он поговорил по телефону с маклером из Бриксема. Отослал три электронных письма. Съел сэндвич с ветчиной, приготовленный дома в кухне, под радионовости раннего утра (свиной грипп, пятьдесят погибших талибов, землетрясение в Камбрии). А теперь пора закрываться, и он встает из-за стола и уже потягивается, но тут Роберт Карри стучится в окно и заходит в дверь.

Они не были однокашниками и не помнят, как познакомились, потому что оба не сочли это событие важным. Они живут в разных районах, но городок мал, и они имеют смутное представление о жизни друг друга, сталкиваются в баре, или в хозяйственной лавке, или на улице. И оба одиноки, так что кое о чем догадываются: жизни их наверняка отчасти схожи, и мысль эта могла бы, пожалуй, утешать, но увы.

— Крис.

— Роб.

— Что у тебя новенького?

— Ну, сейчас лодку поди продай.

— Но богатые-то не обеднели? Хоть спад, хоть не спад.

— Я стараюсь не продавать богатым. Я продаю сравнительно обеспеченным.

— А они с монетой расставаться не хотят?

— Я вот думаю, надо себе лодочку завести. Выходить по утрам, макрель ловить.

— Рыбаком заделаться?

— Или возить туристов к замкам.

— Там чуток конкуренция.

— Может, построят отель — я себе в отеле что-нибудь найду. Парковать машины буду.

— Не парься, все у тебя сложится.

— Нам придется слегка начинать с нуля. Даже тебе, Роб.

Рабочий кивает, хотя не поймешь, слушает ли. Через окно смотрит на реку. Не оборачиваясь, говорит:

— Что она затеяла, как думаешь? На «Кино-суре»?

— Мод? Это тебе видней.

— Мне?

— Ты с ней возишься.

— Я с лодкой вожусь.

— А она на лодке.

— Что-то не так. Где ее муж? Где ребенок?

— Как ты выражаешься, — отвечает маклер, — что-то наперекосяк.

— Так ты не знаешь, что она затеяла?

— А она что-то затеяла?

— Еще как затеяла. Просадила на лодку почти три с половиной штуки. Автопилот. Солнечные батареи.

— Ты ее не спрашивал?

— Ты ж ее знаешь.

— Себе на уме.

— Ей как будто в голову не приходит, что кому-то может быть интересно.

— А тебе интересно.

— А что тут такого?

— Абсолютно ничего.

— Знаешь, что она мне сказала? Что дальше острова Уайт одна не заходила.

— Но так посмотришь — с нее станется. Нет? Вроде рукастая.

— Не знаю.

— Ты за нее волнуешься.

— Я бы так не сказал.

— Да ладно.

— Я бы сказал, что она хороший моряк. И еще я бы сказал, что только дура набитая попрется в

открытое море в таком состоянии.

— Моряки так испокон веку делали.

— Как?

— Обрубали концы — и вперед.

— Херня.

— Ты за нее волнуешься.

— Ты ж ее видел, когда она приехала.

— Выглядела так себе.

— Вот-вот.

— Обстриглась перочинным ножиком.

— Я и говорю.

— Как Жанна д'Арк.

— Что ты несешь?

— Жанна д'Арк. Знаешь Жанну д'Арк?

— А этот, как его, не помню, что-то не едет.

— Она про него говорит?

— Да как-то нет.

— Тим.

— Да. Тим.

— По-моему, он и не приедет.

— Она одна.

— Она была как будто одна, даже когда он был с ней.

— А теперь она одна.

— И ты за нее волнуешься.

— Я не хочу прочесть в газете, что, мол, яхта дол-

банулась о рифы или дрейфует, а на ней никого.

— Ты хочешь ей помочь.

— Помочь?

— Спасти ее.

Роберт Карри молчит. Видимо, обдумывает эту гипотезу. Затем шагает к двери, останавливается, оборачивается.

— У тебя грязь в башке, Кристофер Тоттен, — говорит он.

Открывает дверь, выходит, размеренным шагом направляется к своей машине. Маклер все стоит. Контору затопила тень, и затененному полу он говорит почти неслышно:

— А вот и нет.

6

Топовый огонь хрупок, точно на верхушке вспыхнул нечаянный белый костерок. Другой огонь, пошире — в незанавешенных иллюминаторах кают-компании, беспокойной пленкой ложится на воду. Мод с тонкой сигаретой в руке (последние остатки табака), склонившись над штурманским столиком, латунным циркулем вышагивает по карте Атлантического океана, на запад, на юг, опять на запад. По краям лежат открытые на нужных страницах лоции. Фотографии мысов, маяков, схемы каналов, бакены, створы и секторы освещения. Иглы циркуля расхаживают туда-сюда. Мод делает пометки в блокноте, затягивается сигаретой, осторожно смахивает пепел с Азорских островов. На латунных часах пять минут двенадцатого. Мод озирается, бросает окурок в раковину, в кружку с остатками чая, трет глаза, потягивается, снова долго-долго смотрит на карту, внезапно отрывается от нее, идет в гальюн, чистит зубы, сплевывает в унитаз, мочится, откачивает помпой. В кают-компании стягивает джинсы, забирается в «гроб», ужом заползает в спальник и выключает лампу. Через

несколько минут уже спит (лицо, поза — как у людей с рисунков, где подземка времен «Блица»[36]), но спустя считаные минуты просыпается, и сонливость как рукой сняло, все чувства дрожат струнами. На лодке кто-то есть. Чьи-то ноги ступают наверху по палубе. Мод рывком выбрасывает себя из «гроба». Под рукой — то ли памяти спасибо, то ли удаче — циркуль. Мод прислушивается, ждет. Шаги смолкли, но из тишины долетает дыхание, тихий шелест дыхания за брандерщитом.

Стук по дереву брандерщита. Будто по груди, по ребрам Мод постучали.

— Кто там? — спрашивает она. Голос ровный.

Он представляется, но она не узнает имени.

— Крановщик я, — говорит он. — На верфи.

После паузы она спрашивает:

— Чего тебе? — и после другой паузы он отвечает:

— Мимо проходил. Дай, думаю, загляну, поздороваюсь. У меня пузырь с собой.

— Пузырь?

— Суббота, вечер, — говорит он. — Не хочешь — я пойду.

---

[36] Примечания: 36

«Блиц» (*The Blitz*) — бомбардировка Великобритании нацистской Германией с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 г.

И вот так всегда, нет? Мужчина стучит по дереву; женщина ловит ускользающие мысли на бегу? Мод включает лампу на штурманском столике, натягивает джинсы.

— Не заперто, — говорит она.

Отодвигается крышка люка. Возникает голова крановщика. Все углы кривые. Крановщик улыбается и машет бутылкой. Сдвигает брандерщит и слезает в кают-компанию.

— Где пришвартовался? — спрашивает Мод.

Он кивает на нос.

— Лееров нет, залезть — как два пальца. А у тебя тут уютно. Мило.

Она не понимает, пьян ли он, и если да — насколько пьян. От него пахнет спиртным, но гребля в темноте должна была его слегка отрезвить. Он ставит бутылку на складной стол. Сам в ветровке, под ней круглый вырез футболки.

— Принести стаканы? — спрашивает он.

— Я принесу, — говорит она.

— Я увидел, что у тебя свет горит, — поясняет он. — А потом выключился. Но уже обидно было возвращаться.

Он откупоривает бутылку, красное вино, завинчивающаяся крышка, и когда Мод ставит на стол пластмассовые стаканы, он наливает щедро

— до края полдюйма.

— За жизнь и любовь, — говорит он. Осушает стакан двумя большими глотками. — Прилив сегодня ого-го. Пока плыл, аж пить захотелось.

Свет у него на щеках, на рыжих нитях волос, на ресницах. Он никого Мод не напоминает. Она прислоняется к штурманскому столику.

— Есть табак? — спрашивает она.

Он как будто доволен вопросом, тотчас принимается шарить по карманам.

— Свернуть тебе?

Она качает головой. Он за ней наблюдает, держит наготове зажигалку.

— Я вообще-то прикидывал, что у тебя Роб на борту.

— Кто?

— Роб Карри. Вы же вроде дружите.

— Он работает на яхте.

— Я тут ни при чем, — говорит он. Смеется. — Можно осмотреться?

— Валяй, — говорит она.

Он идет по кают-компании, заглядывает на полки. Суется в гальюн, в темную носовую каюту с призраками парусных чехлов. Разглядывает фотографию в рамочке, яхту на закате или на рассвете, возвращается, обходя стол с другой сто-

роны, смотрит в карту на штурманском столике, в «гроб», на приборы. Стоит очень близко. При малейшем движении ветровка шуршит.

— Далеко собралась? — спрашивает он, пальцем постучав по карте, но ответа не ждет. На глаза ему попадается белая картонка среди россыпи карандашей и запасных предохранителей в открытом ящике над столиком. — «Только для клинических исследований», — читает он со штампа. Заглядывает внутрь — один блистер пуст, в другом не хватает двух зеленых капсул. Крановщик переводит взгляд на Мод.

— Это феннидин, — говорит она.

— Мило, — отвечает он. — Феннидин. Стоит принять?

— Это болеутолитель.

— Тогда явно стоит. — Он смеется, сует блистеры в коробку, ставит ее на место. Снова разливает вино по стаканам. — Что, мигрени мучают? Или женские дела?

— Я ученый, — говорит она. — Работаю в компании, которая создает лекарства.

— И сама их пьешь.

— Нас к этому поощряют.

— По условиям договора.

— Нас не заставляют, — говорит она.

— Ну и что он делает? Это аспирин такой?

— У него структура как у никотина.

Крановщик кивает.

— Что-то редко ты в офис отлучаешься.

— Я в отпуске, — говорит она.

— В отпуске.

— Да.

— И я должен поверить?

— Почему нет? — спрашивает она.

— Для начала, у тебя наколка, — говорит он. — Я никогда не встречал ученых с наколками.

— А вообще ученых ты встречал?

— В школе встречал, — говорит он. — Но не таких, как ты.

— А каких?

— Не как ты.

Она кивает.

— У тебя больше ничего выпить нету? — спрашивает он. — Я вообще-то вино не люблю.

— Есть ром.

— Чудесненько.

Она отворачивается, лезет в рундук, где стоит ром, — выпив за новый автопилот, она поставила бутылку на место. Крановщик перешагивает зазор между ними, кладет руки Мод на плечи. Она не двигается. Тяжесть его ладоней на плечах,

его дыхание у нее на затылке. Она поворачивается, он забирает у нее бутылку и отставляет на складной стол.

— В этом одиноком мире, — говорит он, — мы просто двое одиноких. — И целует ее в лоб. Гладит по бедру. — Мило, — говорит он.

Рука ползет к незастегнутой стальной пуговице ее джинсов, дергает, пока не разъезжается молния. Он распластывает ладонь по ее животу, рука ползет дальше, вниз, в трусы, средний палец ложится в бороздку, нежно елозит, пока не проскальзывает внутрь. Длится это все с минуту, с минуту палец вжимается в нее, отодвигается, снова вжимается. Оба молчат. Он вытаскивает руку из ее штанов, и они перебираются к сходному трапу. Мод садится на среднюю ступень, стягивает джинсы и трусы, но футболку и бюстгальтер оставляет. Крановщик сбрасывает ветровку, роняет на пайол. Брюки не снимает, лишь спускает до середины бедра. Локтями подхватывает Мод под коленки, ладонями упирается ей в плечи. На миг она словно захлопывается, запечатывается. Он толкается — и ничего. И вдруг, словно кожа ее распускается по воле мысли — ее мысли, не его, — он внутри, всем весом придавливает ее к трапу. Она подается к нему — мышцы ног, мыш-

цы живота, она сильная, и сила ее нетерпелива. Крановщик понимает, что долго не протянет. Не выйдет ни расчетливо, ни размеренно. Он ритмично кряхтит, точно выполняет жим лежа. Иногда она смотрит на него, и взгляд ее так открыт, что крановщик отворачивается. Он засаживает ей, этой женщине, которую он впервые видел с мужем, когда яхта была им обоим еще в новинку, засаживает ей, только что ж это такое — кажется, он уже опадает. Ему хочется картины сексуальных игрищ — но это не совсем они. Может, когда у нее выключился свет, надо было развернуться и грести прочь подобру-поздорову? Возвратиться на стапель, к параду дружелюбных флагов? Крановщик закрывает глаза и сосредоточивается. Вспоминает других девушек, рьяных и равнодушных, как он сам. Воображает ее проституткой; воображает изнасилование; воображает любовь. В итоге чувствует, что вот-вот кончит, уже вытаскивает, и тут она говорит тихо, но внятно:

— Можешь кончить внутрь.

Женщинам — уж он-то в курсе — доверять нельзя, но миг близок, и они двое как эти, как их, твари такие, фиг знает, у которых органы навеки срослись. Он орет:

— Бляха-муха! — вцепляется ей в клочковатые волосы, хватает, сколько получается ухватить. Три мощных спазма, и он выстреливает в нее. Потом еще десять толчков, чтобы все закончилось, чтобы пришла наконец желанная неподвижность, и оба задыхаются, как бегуны, первый краткий поцелуй, последний.

Они разлепляются. Одеваются. Она просит сигарету, он отвечает:

— Я тебе сверну парочку, чтоб на утро осталось.

Они вместе курят. По молчаливому уговору делают вид, будто того, что сейчас случилось, не случалось вовсе. Не то чтобы стыд. Может, просто понимают, что время не притупит неловкости, не придаст красоты. Друг к другу больше не притрагиваются. Он надевает ветровку, застегивает молнию под горло.

Она выходит с ним на палубу, стоит и смотрит, как он слезает в надувную лодку, устраивается, берет весла. Она бросает ему конец.

— Приветик, — говорит крановщик — и больше ничего. В темноте Мод его почти не различает. Лодку уносит течением. Весла плещут торопливо, пока он выбирается на курс, затем ровнее — удаляется.

В кают-компании Мод мерзнет. Моет один стакан, наливает воды, пьет. Опускает брандерщит, сдвигает крышку люка, запирает, опять снимает джинсы и заползает в «гроб». Есть чистое белье, в рундуке пять или шесть пар, но ей не до того, это все чепуха. Она выключает лампу над штурманским столиком и лежит на спине в темноте, натянув спальник до подбородка. Чуточная дрожь, чуточная боль — в основном ноют поясница и низ бедер. Мод согревается, дрожь почти унялась, почти приятна. Он ушел с полчаса назад, а она уже засыпает, уплывает в сумятице послеобразов, последствий, и тут вновь слышит шаги наверху — но тише, тише и легче. Легкие шаги по палубе. Легкие шаги переходят на крышу надстройки. Легкие шаги по крыше — замирают прямо над ее лицом. Может, конечно, и птица. Но чтобы птица села на палубу в темноте? Мод тянет руку, касается подволока, прижимает к нему пальцы.

7

На дворе воскресенье, делать на верфи вообще-то нечего, но Роберт Карри ставит машину на своем парковочном месте и идет туда, где двор резко обрывается в воду. Туман над рекой так густ, что подбрось монетку — потеряешь из виду, пока снова не упадет на ладонь. Проезжая вдоль мыса, Роберт Карри видел туман сверху: плато, туманная гладь, и вокруг, словно там уже все закончено, а остальное пока грезится, — зелень лесов и полей на холмах.

Вряд ли туман протянет долго. Поживи на побережье — усвоишь повадки этих туманов. Иногда держатся по полдня, но едва тончают, едва себе в нутро впускают солнце — сгорают за час.

Роберт Карри отступает от воды (засмотришься на туман — того и гляди начнешь чудить), идет к машине, прислоняется к дверце. На заднем сиденье в оранжевой сумке «Сейнсбери» лежит инвертор «Виктрон» — как прояснится, Роберт Карри доставит его на «Киносуру». Приятель приволок инвертор накануне вечером, и Роберт Карри уплатил ему из налички, которую хранит в холодильнике, в пластиковой папке. Прила-

дить — дело нехитрое. Он уже придумал, куда его поставит. А между делом поговорит с ней, расспросит, что затеяла (если затеяла, в чем он уже сомневается). Говорить будет прямо — он это заслужил. Не отступится, выжмет из нее правду.

Если отойти от тумана подальше, уже тепло. Роберт Карри растирает шею, горло. С утра он побрился и не помнит, когда в последний раз брился в воскресенье. Даже чуть не капнул лосьоном из стеклянного флакона с пыльными плечами, но представил, как будет чуять себя в тесноте кают-компании, где от собственного запаха никуда не деться, — и оставил флакон на полке над раковиной. Название у лосьона дурацкое. Зачем вообще покупал — непонятно.

Мачты яхт у ближайшего понтона прояснились до верхних краспиц. Так и уходит туман — сверху и до самой воды, где несколько минут дымными клоками еще летают последние ошметки. Роберт Карри открывает дверцу, вынимает оранжевую сумку, смотрит на инвертор, достает из багажника аккумуляторную дрель и направляется к воротам, выходящим на понтоны. Набирает четырехзначный код, по косому настилу спускается туда, где стоит верфная моторка, жестко-надувная, с двухтактным подвесным двигателем.

Обычно к ней привязана гребная лодка, но нынче утром лодки нет, что слегка удивительно, хотя такие лодки имеют свойство появляться и исчезать — они считаются как бы общественной собственностью. Ладно, Роберта Карри не касается — сегодня уж точно не до того. Он стоит на понтоне, следит, как рассеивается туман. Солнце нашарило все яхты у понтонов, река на двадцать ярдов от берега сверкает родником. Посреди реки туман всего упрямее. Роберт Карри прикрывает глаза ладонью, ждет. Из тумана взлетает птица, ловит солнце крыльями и на миг будто вспыхивает серебристым пламенем.

Роберт Карри уже различает мачту яхты на стоянке у городского берега — неплохой шлюп по имени «Афелий». За ним «Черная ведьма», а затем пока что призрачный парусно-моторный «Жаки». «Киносура» у «Жаки» за кормой, но туман ее еще не отдал. Роберт Карри ждет, отворачивается, чтобы в глазах не плыло, снова смотрит, пересчитывает лодки. Видит швартовную бочку «Киносуры» — серый шар, постепенно розовеет. «Киносуры» — ни следа. Роберт Карри стоит не шевелясь, пока внизу по реке не проступает топливная баржа, а вверху — изгиб берега и колокольня, эскизно прорисованная на фоне

холмов вдалеке. Нет, он ничего не перепутал. И, в сущности, не сильно удивлен. Кивком и взмахом руки он любезно салютует воде, подхватывает сумку, дрель и идет к машине.

Четыре

Это час свинца —
Если выживешь – вспомнится…
***Эмили Дикинсон*[37]**

[37] Примечания: 37
Эмили Дикинсон (1830–1886) — крупнейший американский поэт, отчасти провозвестница поэзии XX в.; цитата из ее стихотворения (372) приведена в пер. В. Марковой и И. Лихачева.

1

Ночь она проводит в Фои, на гостевой стоянке против городского причала. Наутро, включив радио, чтобы не пропустить предупреждения с полигонов у мыса Додмен, идет вдоль побережья, считает мысы, в три часа дня с приливом входит в Фалмутскую гавань, где свежевыкрашенный маяк, а к пастбищам и копотливому облаку вздымаются алеврит, сланец, песчаник. Мод убирает паруса, запускает двигатель, следом за другой яхтой мимо восточного волнолома заходит на внутренний рейд, а затем в марину. На понтоне болтаются двое, они и принимают швартовы. Отпускают комплимент яхте, пытаются разговорить Мод, а увидев, что разговоров не будет, удаляются, ничуть не обидевшись.

Она наводит порядок, проверяет кранцы, затягивает швартовы, заводит кабель к розетке на понтоне. Закончив, варит пасту, замешивает туда банку тунца вместе с маслом и съедает это все в кокпите. Приходит женщина из администрации марины. Ей очень неловко беспокоить Мод.

— Вы у нас надолго?

— На ночь, — отвечает Мод. Губы и подбородок

лоснятся от масла.

Когда женщина уходит, Мод моет кастрюлю и тарелку в воде, согретой двигателем на входе в гавань. Мод устала, но по ней не скажешь; знает, что потом устанет сильнее, гораздо сильнее. Идет в город в чем была — шорты, летний свитер, кроссовки четвертого размера, которым уже сто лет. Порой видит себя в витринах, но едва ли склонна присваивать эту тень в стекле. Один раз, словно блуждая в лесу, замирает на узком тротуаре и озирается, вдруг испугавшись, что не найдет обратную дорогу к яхте. Всего на миг; затем какая-то девочка, болтая по телефону, пихает Мод худым голым плечом, и та идет дальше.

В супермаркете она берет две тележки — одну тянет за собой, другую толкает. Списка не написала, но список в голове. Сухая провизия, консервы, двадцать пачек риса в пакетах, всех сортов. Хлеб в вакуумной упаковке, бекон в вакуумной упаковке. Ржаные хлебцы, рисовые хлебцы. Кофе, чай, шоколад. Сухое молоко. Три дюжины яиц. Двадцать апельсинов и двадцать лимонов. Картошка, морковь, лук, огородная и кочанная капуста.

Мимо идут люди, мимо идут женщины, воображают, наверное, что у нее дома семья, шестеро

по лавкам, минимум шестеро, и ей (бедняжечке, дурочке) предоставили в одиночку закупать провиант, пока муж ошивается у стойки с журналами, а дети носятся по проходам.

Четыре пачки табака. Дюжина зеленых пачек сигаретной бумаги «Ризла», с отрезанными уголками. У Тима были такие. Она к ним привыкла.

Батарейки для фонарика, батарейки для радиоприемника. Всякое разное из аптеки.

На кассе Мод расплачивается картой. А вдруг не пройдет, вдруг Фенниман забыл заплатить фантомной сотруднице? Мод просит доставить все пакеты в марину, сообщает свое имя и имя яхты. В супермаркете привыкли доставлять покупки в марину, а поскольку Мод потратилась от души, доставят бесплатно. Дают купон на скидку — заходите к нам еще. Мод его рассматривает, складывает и сует в задний карман шортов.

На борту она слушает шестичасовой метеопрогноз. Зюйд-ост, три-четыре балла, утром дождь, затем ливни. На соседней яхте — деревянной яхте, тендере с именем, как у героини нечитанного старинного романа, — разгорается вечеринка. Двое мужчин с глянцевитыми бородами, две женщины с косами, мальчик Буддой восседает на лакированном люке, хлопает пробка, чей-то

голос наигранно брюзжит, затем смеется. Жесты женщин томны. Мужчины щупают то и се — уверенно, по-хозяйски. Мальчик таинствен, прекрасен, взгляд его юрок, как свет на воде. Женщина выносит блюдо с закусками, замечает Мод, открывает было рот, отворачивается.

Мод спит на банке в кают-компании, и тут прибывают ее покупки. Курьер курлычет на понтоне. У него грузовая тележка с оранжевыми пакетами. Предлагает занести их внутрь, но Мод говорит, что не надо. Он передает ей по два пакета, а она раскладывает их вдоль переборок в кокпите и на крыше надстройки, затем расписывается на терминале, плетет на экране паутинное имя.

— Я тоже под парусом ходил, — говорит курьер, убирая терминал, и кивает на яхту. — А потом началась жизнь.

Сортировку Мод заканчивает уже затемно. Старалась раскладывать систематически, но то и дело совала, куда влезало. На яхте надо учитывать оверкиль. Что выпадет? Что полетит и разобьется? Мод озирается в тесноте кают-компании — четыре шага до переборки, четыре шага назад до сходного трапа — и понимает, что полетит много чего, аж воздух загустеет.

Она сворачивает сигарету, облокачивается

на штурманский столик — с захламленной полкой, — наклоняется над 4011, «Северный Атлантический океан, север», а внизу 4012, «Северный Атлантический океан, юг». Всю карту не вызубришь, но Мод в состоянии пристойно набросать кое-какие побережья, в дюжине мест отметить промеры, некоторые ориентиры — рифы Крэгган, риф Вроуг, Лонгшипский маяк.

План таков: выйти из Фалмута за три часа до полной воды (Дувр) и за час добраться до Лизарда. Там свернуть к юго-западу, пересечь пути сообщения на отливе. Ориентиром станет буй, бретонский буй сбора океанографических данных в ста пятидесяти милях от Бреста на французском побережье. Два дня перехода — при благоприятных условиях и того меньше; впрочем, едва ли время существенно. Ее нигде не ждут.

Утром она пополнит запасы воды и солярки и отчалит в половине двенадцатого, чтобы в начале второго выйти из гавани. Тут все довольно просто. Просто, разумно, прозрачно и понятно. И все же фантастично и роковым манером интимно — план, что истает, точно крик, ни следа по себе не оставив.

Она с фонариком выходит на палубу проверить

концы. Вечеринка на тендере угомонилась, или все перебрались на берег. Мод ступает на понтон, перевязывает один шпринг, возвращается на борт, выключает фонарик и смотрит на муравейник городских огней — а затем отворачивается к морю, созерцает тени, посеребренный канал, зажженные огни буев, размечающие путь отсюда прочь. Пока больше ничего и не надо. Тоже, в общем, готовность, и Мод стоит долго-долго, все это молча впитывая, и собственное дыхание ложится ей на язык перышком.

С утра она просыпается от стука обещанного дождя, варит два яйца (из обильных запасов), варит кофе, потом еще кофе, поднимает брандерщит и, облокотившись на трап, под защитой крышки сходного люка выдувает в город табачный дым.

К десяти дождь слабеет, ложится на ветер, дрейфует с ним. Мод третий раз переделывает уже дважды сделанное и замечает — четыре секунды посмотрев в зеркальце, прикрученное к двери гальюна, — что волосы отросли и начинают виться.

В одиннадцать она уже не знает, чем себя занять. Надевает куртку, сходит на понтон, отключает кабель от розетки, идет в администрацию марины расплатиться, возвращается и

отвязывает швартовы. В учебниках по яхтингу, особенно в учебниках по управлению яхтой в одиночку, отчаливание — в маринах, от понтонов, от стенок — значится в списке самых проблемных операций. Какой ветер, какой прилив, вокруг сгрудились другие лодки, и некоторые — а может, большинство — существенно дороже «Киносуры». Мод отдает все концы, кроме носового и кормового шпрингов, оба парой шлагов заводит на тумбу. Запускает мотор, идет на нос и травит носовой шпринг. Мужчина с тендера кричит:

— Помочь? — но поздно. Мод снимает носовой, бежит в кокпит переключить передачу, снимает кормовой, выбирает его и дикими петлями роняет к ногам.

— Куда идешь? — кричит мужчина, перегнувшись через кормовой релинг своей прекрасной лодки.

— На запад, — отвечает Мод, а он — хотя, может, и не услышал — кивает, поднимает руку на прощание и отворачивается.

К сумеркам она уже посреди Ла-Манша, сражается с ветром и приливом. Включает навигационные огни; авторулевой рулит, картушка в освещенном нактоузе проплывает над 235, 239, 237, 235.

Первые часы к югу от Лизарда движение плотное; теперь поменьше, и таким курсом Мод должна с запасом обогнуть пути вокруг Уэссана. Впереди по левому борту через канал движется грузовое судно; по правому в пятидесяти ярдах друг от друга по зыби идет пара рыболовецких лодок. Неясно, ловят ли рыбу, — конусов не видно, а огней они еще не зажгли. Мод смотрит; она смотрит на все — на чаек, на мусор в воде, на переменчивый свет. И на яхту — смотрит, слушает.

До полной темноты она решает спуститься, поесть, сходить в гальюн, что-нибудь еще на себя надеть, приготовиться к ночи. После двух яиц на завтрак она съела только пару овсяных печений. Желудок ноет, аппетит пониженный. По уму надо бы приготовить нормальный ужин, но она ограничивается батончиком мюсли, кружкой черного чая, парой таблеток скополамина (от него меньше клонит в сон, чем от стугерона).

Сидя на банке с подветренного борта, она раздевается до футболки и утепляется, тащит одежду из рундуков под банкой. Надевает лыжный комбинезон, куртку, резиновые сапоги. Май, ветер умеренный, но среди ночи она будет мерзнуть. Усталость об этом позаботится.

Последний глоток чаю — и Мод шагает к сходно-

му трапу, останавливается, из сетчатого кармана над штурманским столиком достает телефон. Неясно, с чего вдруг, — разве что, может, мимолетно задумалась, не надеть ли шапку, и в этой мысли различила эхо Тимова голоса. О чем тут размышлять? Рука потянулась — и довольно.

На палубе она озирается в поисках других судов, проверяет компас, автопилот, забивается в угол между переборкой кают-компании и кокпитом и включает телефон. Зарядки аккумулятора — процентов тридцать, а поскольку Роберт Карри не поставил инвертор, в море телефон не зарядишь. Два пропущенных звонка, оба неделю с лишним назад. Один номер она тотчас узнаёт — это редингский офис; другой прежде видела, но не уверена. Наверное, полиция, например, эта женщина, что приходила в коттедж, стояла рядом в церковном дворе.

Сигнал — на одно деление; мигает у верхней кромки экрана, как сбивчивый пульс, но Мод набирает номер, слушает шипение, затем рингтон — незнакомый, будто звонок в роуминге.

— Телефон Тима, — бодро возвещает женский голос, а затем, помолчав: — Алло? — И еще секунду спустя, после того как они послушали дыхание друг друга: — Мод?

Мод дает отбой, выключает телефон, сует в глубокий карман куртки. Она думала, робот сообщит ей, что она за пределами зоны доступа, что номер недоступен. Что она сказала бы, ответь ей Тим, а не Белла? Она ничего не заготовила. Сообщила бы, где находится? Какова лодка на ходу? Что на ванте по правому борту так и привязана зеленая ленточка, морским воздухом обесцвеченная почти до белизны? Или просто выставила бы телефон за борт — даже выбросила бы, чтоб Тим успел послушать, как звучит тонущий телефон.

Она представляет, как он спрашивает, кто звонил, Белла говорит: «Мне кажется, Мод», — и он спрашивает, что Мод сказала, а Белла отвечает: *«Ничего»*, — и Тим говорит: «Да, узнаю нашу Мод».

Один из самых устойчивых паттернов их совместной жизни, с первых же дней, — система стимулов/откликов: Тим задавал вопросы, она отвечала. Время шло, и ее ответы нравились ему все меньше. У него на такие случаи была особая гримаса — неулыбчивый рот, на миг распахнувшиеся глаза. И особые фразы: «И всё?» «Та-ак?..» Даже (наверное, это ему говорили учителя в школе): «Я жду…»

Как-то он ей сказал: «Мужчины вечно сетуют,

что женщины без конца болтают. А вот мне досталась первая в мире безмолвная женщина».

Он описывал — не однажды, и всякий раз упирая на разное, — карикатуру, которую видел в журнале, или, может, не он видел, может, Магнус: пещерный человек звонит другу по телефону, на заднем плане стоит жена. «Я подумываю обучить ее разговаривать, — объявляет пещерный человек. — Вреда ж не будет, правда?»

Мод вспоминает последнюю встречу с Тимом — голова на подушке, глаза смотрят мимо, лекарства на столике, открытая книга, шорох дождя, ивы над ручьем. И вспоминает — в воспоминание впадает этот самый ручей — День подарков, как они все вышли в сапогах и шарфах посмотреть охоту, как разглядели охотников за полмили, смотрели, как те мчатся мимо черных изгородей, зигзагом мечутся по пустым полям, а затем вдруг вот они, в ста ярдах, в пятидесяти, лошади огромны, как в кавалерии, впереди егермейстер в линялой куртке, лицо словно отлито из бронзы, он приветственно поднимает костяную рукоять хлыста…

Воспоминание погрузилось в мгновение, точно руна в мякоть мозга.

УКВ фыркает статикой, затем фалмутская бере-

говая охрана просит всех моряков переключиться на 79-й канал. Мод просовывает голову в люк, крутит ручку, находит канал и нависает над приемником, ждет.

Заря приходит без фанфар — лишь осторожный свет, волосяная трещина яркого золота: отвернешься — но на сетчатке остался след. Море, на всю ночь превратившееся в звук, вновь становится расстояниями, объектом изучения, разбегается перед глазами, узорчатое и бесформенное. Не исключено, что вот уже час Мод спала. Ночь, воспоминания о ночи бессвязны. Огни, что не приближались. Гул самолета, летевшего во Францию или дальше. Ливень — длился считаные минуты, кожа на руках засияла. Чуть позже, еще в беспробудной ночи, — осторожные птичьи клики. Мод дважды спускалась в кают-компанию, заваривала чай, сворачивала сигарету, заходила в гальюн, щурилась на GPS. И был момент — до того как в последний раз сошла вниз? после? — когда она вроде бы стала падать и дернула рукой, хотела ухватиться, и увидела, что сидит себе благополучно в углу кокпита, а яхта идет себе своим порядком следования.

А теперь подплывает рассвет, из серости встают синева и серебро низких волн. Мод оглядывает

горизонт, неуклюже сползает по трапу, расстегивает куртку и роняет на подветренную банку. По последнему прогнозу НАВТЕКСА, ветер четыре узла, к ночи пять. Штормов не обещали, волнение на море умеренное. Мод снимает сапоги, комбинезон. Ставит будильник на через полчаса, забирается в «гроб». Яхта идет левым галсом, кренится, вжимает Мод в скорлупу корпуса, в бесконечные морские ритмы. Мод никогда не спала в море — не в одиночку, — и поначалу сопротивляется сну, его опрометчивости. Затем в прыжке между мгновениями сон проглатывает ее, и ей снится, как она, одинокая женщина на яхте, боится заснуть. Словно более невероятной сказочки ее спящий мозг придумать не умеет.

Вновь открыв глаза, она по оттенку света понимает, что утро уже разгорелось, и резко садится, и бьется головой, и вскрикивает — и слышит свой голос впервые с тех пор, как говорила с мужчиной на тендере.

Бежит на палубу в одних носках, будто, потеряв несколько секунд на надевание сапог, не успеет предотвратить лобовое столкновение с супертанкером, но из кокпита видит лишь одно судно в доброй миле по правому борту, с прямым парусным вооружением — может, учебное, — и оно на

всех парусах направляется к западу в открытую Атлантику.

Два с лишним часа «Киносура» шла сама по себе. И ничего плохого не случилось. Курс выдержан, паруса не полощут, лодка сбалансирована и почти на шести узлах идет по низкой зыби. Ветер даже намекает на тепло, невнятно обещает южный свет и воздух.

Вновь спустившись в кают-компанию, Мод читает свои координаты на GPS, отыскивает себя на карте, ставит чайник на плиту на карданном подвесе и понимает, что аппетит вернулся. Жарит болтунью из трех яиц, съедает ее на хлебе с ветчиной, сворачивает сигарету, выкуривает в кокпите, укладывает канат в бухту и окатывает палубу кокпита ведром морской воды. Затем идет на бак пощупать снасти, поглядеть на мачту, проверить найтовку надувного тузика «Бомбард», осмотреть карабины, потрогать паруса. Опускается на колени под носовым релингом и смотрит, как форштевень режет зеленые морские изразцы. Она в пути меньше суток, но уже вырисовывается распорядок. Неприметно делаешь что должно, смотришь в море, приглядываешь за лодкой, постепенно отключаешь все ожидания. Отшельница в плавучем затворе, пилигрим,

изгой, женщина из бревиария, что возделывает свою жизнь, как сад, страдает, если потребно, редко поднимает голову.

Под вечер нисходят тучи. Мир часами погружен в серость, и Мод сопровождают беззвучные серые птицы. Море притихло. Дождя нет, но она все равно умудряется вымокнуть.

В десять она жарит капусту с тмином, съедает из сковородки, стоя между камбузом и сходным трапом, и яхта гудит у нее под сапогами. Мод урывками дремлет в кокпите, уронив голову на грудь, и всякий краткий сон приносит краткую сияющую грезу, и всякая греза мгновенно забывается, едва Мод открывает глаза под шум ветра и воды.

В три часа ночи она добирается до континентального шельфа — контуры освещены огнями рыболовных судов, огромной дугой огней, конца не видно, тянется на юго-восток к Бильбао, на север к ирландскому побережью. По радио переговариваются рыбаки; Мод меняет курс, идет между двух лодок, сжимает зубы, предчувствуя, как «Киносура» вот-вот застрянет в штриховке неводов. Проходит рыбаков, оставляет их позади, и эхолот в кокпите показывает уже не сто метров, а триста, пятьсот, а затем, перейдя к величинам

неизмеримым и неотображаемым, внезапно пустеет экраном.

Разглядев первые вспышки дня, Мод идет спать — не в «гроб», поскольку боится не проснуться, а на банку в кокпите с подветренного борта, головой на бархатной думке с вышивкой «Киносура» — эти думки Тимова мать подарила им на Рождество через год после покупки яхты. Мод спит час, встает проверить курс, идет на палубу сменить галс, возвращается и спит еще час на другой банке, на такой же думке.

В середине дня она переупаковывает припасы. Свежие продукты уже пахнут лодками, лодочным нутром. Работает радио, тестовый крикетный матч на «Овале», комментаторы острят касательно костюмов друг друга. А в начале седьмого она видит свой бретонский буй, сначала невооруженным глазом — черный штырь вдалеке, впереди по правой скуле, — затем в бинокль — черно-желтый буй с кольцом огней на верхушке, море за ним окутано тенью.

Она отмечает свое место на карте — точка в кружке. Делает сэндвич, варит кофе, плещет в кофе рому. Ром — в честь праздника, потому что она вздохнула с облегчением, слегка изумлена, что отыскала этот буй, который не больше семейного

седана, стоит тут торчком, на привязи, на маковке зеленой горы воды. Мод с кофейной кружкой идет в кокпит. Во рту вкус рома, в памяти — прикосновение крановщика, его запах, его словечки («чудесненько», «приветик», «бляха-муха»). И та ночь на стоянке посреди реки, лишившаяся руля и ветрил, и как (сама себя почти не видя на палубе) Мод на цыпочках ушла из гавани сквозь сгущавшийся туман, а на полпути к Фои, забежав в гальюн, увидела след его спермы в складке трусов, в собственной складке и подумала: *а вдруг?* — и решила тотчас, со всей уверенностью, на какую была способна перед лицом подобного безрассудства, что он не прорастет, не может в ней прорасти.

Месячные должны прийти на следующей неделе, однако не придут — отсутствие сокровенных приливов, которых она почти не замечала, пока они не прекратились. Она снова останется суха, суха как камень, и это безмолвие иного рода, будто внутри потрясенно замерли стрелки часов, найденных на месте катастрофы.

(Когда месячные пришли в первый раз, мать оставила у нее в изножье скатку пакетов, какие раскладывают в дешевых гостиницах и самолетных туалетах, — выбрасывать то, что нельзя

спустить в унитаз. И заламинированную газетную вырезку про забеременевших подростков, с картинкой, где девочки сидят в каких-то детских яслях, улыбаются, как фламандские мадонны на картинах старых мастеров в рамах с резными дикими цветами.)

Мод задает новый курс, чуть западнее прежнего. Следующий ориентир — воды в двадцати морских милях от Азорских островов, у побережья Терсейры. Она туда зайдет — на Терсейру или на Фаял, — только если придется, если с яхтой будут нелады. Если нет, пойдет дальше, спустится где-то на широту Сенегала, а затем через Атлантику, к цели, в свой порт назначения…

Мужчине на тендере она ответила просто «на запад», но всё на свете чем ближе, тем конкретнее, и хочешь не хочешь, рано или поздно «западу» нужно присвоить имя, координаты. Вечерами на верфи и на речной стоянке она допоздна вышагивала циркулем по картам, по морю, точно лозоходец, и раз за разом останавливалась в нерешительности посреди Атлантики. Соединенные Штаты она вычеркнула — нет визы и неохота объясняться с министерством внутренней безопасности. Несколько раз она летала в штаб-квартиру «Феннимана» в Орландо

и знает, что американские таможенники — молодые ребята, которым только бы в категорию тебя впихнуть, а узких строчек всех их анкет не хватит, чтобы изложить историю Мод (сколько их, ей подобных? Сколько их — сегодня, вчера, всегда, — чьи дела и цели объяснишь разве что песней?).

Возможно, Куба — на Кубу через Бермуды. Затем двинуться к югу, к Наветренным Антильским островам. Или в Мексику? Мексику она не вычеркнула. В ящике над штурманским столиком лежит справочник океанских портов (толщиной и весом — как ее прежние учебники по биологии). Она отыщет себе порт. Она не уплывет за край света. Ларго-дель-Сур, остров Ваш, Монтего-Бей. Больше всего манят места, не поддающиеся воображению. Вот, к примеру, какой-то Прогресо на побережье Юкатана, где, похоже, нет ничего, Адмиралтейство не нашло больше ничегошеньки интересного. Точка у края горчичной желтизны, на карте морей обозначающей сушу. Точка, а рядом лиловое пятно — это маяк. Какое-то поселение неподалеку от банки Кампече. Шут его знает, чего эти поселенцы добивались.

День за днем — сама себе дает поручения, что-то моет и чистит, ест стоя на камбузе. Ночами

— убывает луна, серебрится кильватерная струя, море светится зеленью. Поспать час, полчаса, открыть глаза — а вокруг то же, что было, когда закрывала.

Она теперь ходит в шортах и рубахе, голые ноги коричневеют и покрываются синяками. Волосы светлеют, темнеет лицо. На кистях трещинки, разъеденные солью.

Рано утром на десятый день яхта будит ее новым галсом, новым шумом. Над морем идет фронт, и Мод выбирается на палубу, одной рукой дергая язычок молнии на куртке, другой цепляясь за тени. В кокпите набрасывает капюшон — его тотчас сдувает. Яхте незачем сражаться, но, понаблюдав — форштевень таранит зыбь, лицо исполосовано всплесками морской воды, — Мод убирает стаксель примерно наполовину, влезает в страховочную обвязку, пристегивается и идет к мачте, травит грота-фал, «лейзи-джеками» берет два рифа. Лодка замедляется, смирнеет. Днем Мод, пожалуй, предоставила бы ей лететь стремглав, но на часах половина четвертого утра, хочется назад в кают-компанию.

Никаких огней, кроме собственных. Мод двое суток не встречала других судов. Проходя мимо эхолота, она тычет в него лучом фонарика, паль-

цем отирает влагу. Экран, конечно, пуст, но, по карте судя, под яхтой больше пяти километров воды.

Проходит в среднем по девяносто морских миль в день, с полудня до полудня. Закрывая глаза, видит лишь море, неустанное его движение, не резкое и не плавное, не прочь от и не вперед к — зрелище, не обремененное ни малейшим подобием смысла.

Сорок градусов северной широты, двадцать четыре градуса западной долготы. По прикидкам Мод, до острова Терсейра полтора дня пути. Ближе к полудню она сидит, курит с подветренной стороны мачты, и тут в тридцати, сорока метрах от яхты из воды взмывает перистый фонтан. Глянцевитая спина, плавник, затем лишь пятно воды, что кипит, успокаивается. Мод встает, одной рукой держась за мачту, взглядом обводит море. И опять! Десятью метрами ближе, из-под воды как будто паровой гудок затонувшей фабрики, распадается в воздухе фонтан, перекатывается исполинская спина. Двое, кажется, — не меньше двух. Если всплывет под яхтой, яхте конец. Мод косится на оранжевый контейнер спасательного плота, воображает экстренный рюкзак у «гро-

ба». Понимают они, что здесь она? Слышат яхту, видят?

Она ждет. Она готова, но все равно ахает, едва он выныривает снова. Ясно видно, как сокращается дыхало, плавник пятнистый — подробный, живой. Глаз? Это глаз? И если да — пуст ли он, далек? Блестящая металлическая заглушка, окатанный зеленый камень? Или живое, что взглянуло на Мод, полно сродства?

Снова фонтан — но дальше, впереди. Они минуют ее, изучили ее и свернули расследование — если изучали, конечно. Само собой, они вечно в пути, весь их тоннаж летит неизбывно, целеустремленно, но когда они уходят, утрата нежданно остра. Мод стоит на крыше надстройки, вся пропитанная влажным туманом их дыхания. Сигарета потухла и курению не подлежит. Дыхание их не пахуче — зря она воображала, будто оно похоже на лужи в рыбном порту. Температура его — тепло их крови, их четырехкамерных сердец.

Весь день дует зюйд. Задраившись, она идет по коротким волнам, под набитыми втугую гротом и стакселем. От качки болят ребра — а может, просто так болят. С ухода из Англии самый долгий ее сон — три с половиной часа. Она устала; видимо, устала. Иногда она смотрит на карту, или

на GPS, или на монитор аккумулятора, и какой-то миг — пару секунд, не больше — не понимает, на что смотрит.

На четырнадцатую ночь, задремав в кокпите (яхта взлетает и ныряет, жизнь взлетает и ныряет вместе с яхтой), Мод просыпается — ее словно потрогали, погладили, она выглядывает и по левому борту различает огонек — будто из самолета видишь первую вспышку солнца на громадной медлительной реке в тридцати пяти тысячах футов внизу. Она смотрит, как он двоится и танцует в линзах бинокля, как он медленно гаснет в тихой синеве наступающего дня, а потом на его месте различает отчетливый мазок острова.

Она идет к острову весь день. С каждым часом проступают новые детали. Ослепительная зелень деревьев, травы. Всякий раз, уходя в кают-компанию и возвращаясь на палубу, она смотрит на этот остров с нетерпением, какого не знала уже много дней. Из порта выходит судно — каботажное, снабженец. Обходит яхту по длинной дуге — рыжее судно или белое, но от ржавчины порыжевшее, через релинг перегнулись человек десять. Один — коричневая рука, белая майка — машет Мод, и спустя мгновение она вспоминает, что надо помахать в ответ.

Сильно за полдень она различает белую колокольню, белые домики, убредшие прочь от порта в зеленые вулканические холмы. Мод меняет галс, чтобы обогнуть остров с востока. Там от затяжной непогоды открытых морей укрылся порт. Он ее почти порабощает, этот остров, что зелен, как Дорсет, — зеленее — и лезет в глаза деталями после стольких дней пустоты, серого моря.

Мод минует волнолом уже вечером. Видит, как зажигаются первые огни (маяк мерцает красным, четыре вспышки и пауза), затем огни вдоль берега, фары машины карабкаются в холмы. На несколько минут мысль зайти в порт — спуститься в кают-компанию и проспать восемь часов, спать, не включая радар-детектор, не оставляя часть себя дежурить на палубе даже во сне — поджидать суда, следить за погодой, проверять, не протерлись ли, не улетели ли по ветру какой-нибудь канат или веревка, — эта мысль соблазняет ее. Еще не поздно. Запусти мотор, убери паруса, разверни лодку. Но отправившись в это странствие, она что-то поставила на кон (неведомо что — может, почти все), и все окажется под ударом, если нарушить ритм перехода, пусть и на одну ночь. Она в тридцати девяти градусах от экватора. Южнее тридцати пяти — тридцати уж точно

— отыщет пассаты, а отыскав пассаты, сможет распустить паруса и идти полным ветром хоть в Гавану, хоть в Прогресо, хоть куда.

Она смотрит на остров — на китовую спину острова, всю в блестках; смотрит и отворачивается. Впереди на гребнях волн — осколки закатного света. Восходят звезды. Планета примостилась на плече ущербной Луны.

(Для моряков ночное небо крутится вокруг Земли — стеклянной скорлупкой вокруг шарика.)

2

Два дня на юг от острова, два дня доброго пути, ветер стихает, и яхта дрейфует по морю, чистому, как проточная вода. (Надо было, конечно, идти через Канары или острова Зеленого Мыса, но этим курсом Николетт Милнес-Уокер шла к званию первой женщины, в одиночку пересекшей Атлантику, и Мод, которой подарили книжку про этот переход[38] на двенадцатый день рождения — на обложке Милнес-Уокер в бикини измеряет высоту солнца, — запомнила это навсегда.)

Вокруг кишат косяки рыбешки, объедают водоросли с корпуса. Паруса обвисли. Мод их не убирает — от них какая-никакая тень. Ходит в шортах и футболке, затем в одних шортах, затем нагишом и в шляпе. Шляп больше одной — ее собственная синяя бейсболка и соломенная шляпа, давным-давно найденная в рундуке носовой каюты, потрепанная жизнью панама с

---

[38] Примечания: 38

Николетт Дейзи Милнес-Уокер (р. 1943) — первая женщина, в одиночку пересекшая Атлантический океан, из Милфорд-Хейвен в Ньюпорт, без захода в порты; переход длился с 12 по 26 июля 1971 г. Впоследствии она написала об этом книгу «Когда я вышла в море» (*When I Put Out To Sea*, 1972).

водяными знаками на соломе, расползается, но носить можно. Джон Фантэм ее, что ли, носил? Мод она в самый раз, и в ней попрохладнее, чем в бейсболке.

Она делает растяжку (кое-что помнит из Тимовой йоги). Курит, спиной прислонясь к железной мачте, а когда мачта слишком горяча — к контейнеру спасательного плота. Конденсационный след самолета, розовая ссадина в разливе закатного солнца — событие. Или птица, что почти сливается со своей стихией.

Можно запустить мотор — солярки целый бак, — но тишина совершенна, а мотор ее нарушит.

Мод думает поплавать, и мысль, едва возникнув — вода так нежна, так прохладна, — перерастает в аппетит, в жажду. Яхта идет по течению не шустрее старика, гуляющего с ребенком, но то же течение понесет и Мод. Где тут риск?

Она травит с кормы плавучий линь, затем идет на бак, к носовому релингу. Кладет панаму на палубу — и переживает наготу острее, чем если бы просто скинула одежду, — полминуты наблюдает за выцветшим зеленым колдуном на ванте, подкарауливает ветер — ленточка подрагивает, но висит вяло. Мод идет вперед, пальцы ног обни-

мают край палубы. Мод вспоминает женщину из ночной передачи — та стояла, как сейчас Мод, у края, над пропастью, спина красна от холода, а у Мод — от солнца. Сродство — не то чтобы сестринское, но некое сродство, опознание, различение швов, словно хирург одной нитью прошил разные сердца, и порой нить натягивается до звона. Мод переводит взгляд на горизонт, пошатывается — столько света, что кружится голова, — а затем нырок, и голова дробит поверхность воды на золотые осколки.

Едва всплывает и задирает голову к диковинному сиянию собственной лодки, видит, как зеленая ленточка отрывается от ванты и изгибается, словно синусоида на экране осциллографа. Паруса набирают воздуху, яхта клонится прочь. Линя из воды не видно. Мод брыкается. Вода холодна, а яхта успевает отойти на двести ярдов, прежде чем вновь опадает ленточка и обвисают паруса. Мод отыскивает линь, взбирается, забрасывает себя на палубу под автопилотом. Сидит в кокпите, истекает водой. Ее потряхивает (адреналин готовит тело к ране, предчувствует рану), а когда в церковном полумраке кают-компании она пытается свернуть самокрутку, руки ходят ходуном, и табак рассыпается по пайолу.

Ночью она ложится на палубе и следит за спутниками. Яхта дрейфует. Паруса шуршат, словно кто-то неугомонно ворочается во сне. Мод в спальнике, под головой свернутый свитер цвета морской волны, который она носила в бристольской квартире в ту зиму, когда только забеременела, а квартира пахла тостами, пылью, сгоревшей на батареях.

Мод спит двадцать минут, десять, сорок. Всякий раз, просыпаясь, чувствует чью-то руку на бедре, на щеке, в щелочки между веками видит грозди звезд на горизонте.

Что-то проплывает мимо, некие существа. Она слышит, как что-то дважды огибает яхту, очень медленно, затем удаляется. Сквозь заглушку свитера снизу доносятся звуки. Может, звуковые эффекты воды, совокупной акустики кают-компании — яхта всегда была музыкальным инструментом. И все же соблазнительно выползти из спальника, на цыпочках сбегать в кокпит, сунуть голову под крышку люка и *увидеть*.

(Что увидеть?)

Поутру, потея в спальнике под жарким солнцем, она просыпается, посмотрев сон о медленных поездах, а яхту окружает островок из лампочек. Их тысячи, и при каждом касании

лодочного корпуса колбы толкаются и звенят. Мод осторожно размешивает их отпорником. Кое-какие побились, проветривают нить накала, но большинство целы и — стеклянные скорлупки сигналят солнечным светом — как будто включены.

Давно они странствуют по морю? Долгий у них заплыв? Мод зачерпывает лампочки ведром, разглядывает. «Дженерал электрик». Шестьдесят ватт. Прозрачные. Штифтовые цоколи заскорузли от соли, ржавеют. Мод оставляет себе одну, остальные отпускает на волю.

Как стеклянная рыбья икра.

К полудню поднимается ветер, зюйд-ост, легкий бриз, но парусам хватает. Лампочки стучат у бортов, а затем отпускают яхту, и море темнеет, и Мод одевается. Деловита, трудится. По лагу после Фалмута она прошла тысячу четыреста восемьдесят морских миль. Под ней — на карте отмечено — затонувшие горы под названием Атлантида.

3

Так оно могло длиться вечно: церковный приход ее — тридцатидвухфутовая лодка, дни пусты и содержательны, ночи — как у одинокого сторожа во мраке необъятного театра. Будь у Мод желания, это странствие так бы им отвечало — ни одного серьезного затруднения, все подъемно, — что, когда она просыпается (в три пятнадцать, на двадцатую ночь) под очумелый насекомый вопль радар-детектора и выпрыгивает из «гроба» в воду по щиколотку, чудится, будто давно пора; будто этой-то минуты она, собственно, и ждала.

Она выбирается — выбегает — в открытый сходной люк, вылетает в кокпит, ошибается в расчетах — то ли крена, то ли своей скорости — и не летит за борт лишь потому, что успевает ухватиться за стальную опору на корме. Левую кисть внезапно обжигает — ожог почувствован и забыт. Мод выпрямляется, локтем обхватывает опору, вглядывается в черноту. Ничего не видит, ничего не слышит.

То, что пробудило радар-детектор, пришло и ушло. Иногда его будит волна. Дельфины. Кит.

Мод спускается в кают-компанию, включает

красный ночник и пробует воду на вкус — удостовериться, что соленая, а не потек бак с пресной. На губах соль — соль с привкусом солярки и мусора, что копился в тайных закутах лодки, а теперь всплыл.

А яхта тонет? Вроде нет. По-прежнему на ходу. Особо не замедлилась, не качается. Если вода и прибывает, то медленно.

Мод берет фонарик, обмахивает светом экстренный рюкзак и следом за лучом идет в носовую каюту. Черный мусорный мешок с пустыми консервными банками и коробками плавает в воде, будто внутри кто-то живой. Мод проверяет канатный ящик. Если ослабли найтовы одного из якорей, возможна пробоина; однако нет, ящик волгл, но не затоплен. Она возвращается, перебрасывает на койки все, что валяется на пайоле. Пайол надо вскрыть — но, левой рукой коснувшись латунного кольца, Мод вскрикивает от боли, светит фонариком и видит, что кончик среднего пальца вывернут назад, градусов на пятнадцать-двадцать. Она заклинивает фонарик в угол койки и дергает кольцо правой рукой. Эти лючки давным-давно не открывались. Кажется, их заклинило, запечатало — и вдруг первый распахивается, и она падает в озерцо на пайоле.

Барахтается, поднимается, убирает люк за сдвинутую дверь гальюна и встает на колени над открытой дырой. Воды полно. Сквозной фитинг полетел? Который? Фланец лага? Мод запускает руку внутрь, по локоть, по плечо. Тянет пальцы, нащупывает зазубренное пластиковое кольцо, и сквозь него течет вода — словно тайный родник бурлит.

И там что-то еще, железячка или пластмасска; наверное, отломанный кусок фитинга, но Мод выуживает его, подставляет под фонарик — а это заколка-сердечко из крашеной жести, и поначалу — голоногая, на корточках, в полутьме, в прибывающей воде, в раненой лодке — Мод только смотрит на нее, и все.

Заколка — красная эмаль, белые цветочки.

Мод не знает, куда ее деть, — чуть не кладет в рот, но затем сует в волосы и застегивает.

С фонариком пятится по кают-компании. Вскрывает следующий лючок, убирает к первому. Понятно, что ей нужно, — непонятно, где это найти. Она переворачивает полки вверх дном и швыряет вещи куда попало. Левую руку бережет. Делает паузу — надо подумать, хорошенько подумать, — шагает к другому борту, открывает рундук возле камбуза, роется там, находит

пробку из мягкой древесины. Встает на колени над люком, нащупывает сломанный фитинг, сует пробку, загоняет ее ладонью и заколачивает размокшим дневником капитана Слокама.

Работает она неплохо — так ей кажется. Кто ей судья? Старый Ролинз? Из рундука в кокпите она выволакивает двухфутовую анодированную стальную трюмную помпу (здоровую, для такой-то лодки), прилаживает к гнезду между сходным трапом и «гробом» и качает изо всех сил двадцать минут, полминуты отдыхает, качает еще пятнадцать, отдыхает и выжимает из себя еще десять минут, а потом так ноет спина, так мутит, что приходится бросить. Трюмы по-прежнему полны, но уровень воды ниже пайола. Мод проверяет пробку, пьет из крана на камбузе и вновь принимается качать. Светает; вскоре помпа всасывает скорее воздух, чем воду. Мод выползает в кокпит. Утро безупречное: хрустально-голубое, облачка — точно дымки́ беззвучных ружей. Она кладет покалеченную руку на колени, нащупывает сустав, стискивает, дергает, крутит, снова дергает, затем нагибается поблевать всухую за борт. Когда все проходит, когда стихают два-три мощных спазма, она идет в разоренную кают-компанию, отыскивает моток изоленты и прикручивает

вправленный палец к соседнему. При свете дня лучше видно пробку. Отсыревшее дерево потемнело и разбухло (ему и полагалось разбухнуть), распихало осколки фитинга. Вода прибывает разве что со скоростью подтекающего крана. Пока что живучесть судна обеспечена. Возвращаться на Азоры незачем. И уж явно незачем посылать сигнал бедствия.

Мод стаскивает с себя мокрое, находит сухое, плюхается на правую банку, нащупывает заколку в волосах, вынимает и разглядывает, словно проверяя — от усталости она как пьяная, — что это не фикция, не порождение ночной аварии.

В кратком обалдении она воображает, как вытащит телефон из кармана куртки и позвонит старому викарию; воображает, будто это возможно; воображает, как расскажет ему, что нашла, и услышит, как он вздохнет (слегка расправит плечи; он один, и не в уютном старом приходском доме, а в кирпичной многоэтажной городской коробке), как он скажет: «Миленькая моя, миленькая, вам, наверное, лучше уехать туда, где спокойнее».

Она все сидит. Посмотрите на нее. Не красавица; полюбить ее нелегко. Ей страшно, конечно, однако страх не всепожирающ. Она размышляет,

ищет правдоподобное объяснение. Откуда в трюме заколка? Как заколка ухитрилась схорониться в затопленных легких яхты? В голову приходит лишь один ответ: сама дура, зря воображала, будто можно уйти куда подальше от чего бы то ни было. Это же один из законов побега, нет? Никогда не забывай: то, от чего бежишь, может подстерегать тебя впереди.

Такие, как ты, кончают плохо, сказал ей Хендерсон той ночью в отеле, комом туалетной бумаги зажимая разбитый висок. Что познаю́т люди в такие минуты? Что видят? Видят что-то? И Мод вспоминает, как он говорил другое, не тогда, а на ее первом собеседовании в «Феннимане», два слова — наверное, речь шла о ее работе с профессором Кимбер в Бристоле. Путь раны.

Путь раны.

Она вздыхает — вздыхает, как старуха, которая в кромешной ночи взялась искать невесть что и не помнит, как оно называется, и никогда не вспомнит. Затем сбрасывает груду вещей с банки на пайол и ложится в чем была, прижимая к груди заколку, и не разжимает стиснутый кулак даже во сне.

4

Пробка, затычка — держится. Странно, что столь простая штука — столь ничтожная! — так прекрасно помогает, и однако же.

Яхта идет в полветра, на шести узлах, судя по GPS, порой на семи. В темноте Мод ложится на курс 40 градусов западнее — тем же курсом, но на север добралась бы до побережья Гренландии. А если на юг, сойдет на берег в нескольких сотнях миль от устья Амазонки.

На двадцать девятую ночь небо прямо по курсу занавешено зарницами. До них многие мили, но Мод прячет ручной GPS в духовку — на случай, если яхта словит молнию. От удара молнии на лодке может отрубиться вся электрика, но духовка должна сработать как клетка Фарадея[39]. От удара молнии на лодке могут полететь и килевые болты. Тут уж ничего не поделаешь.

Плеск и напор воды, шорох парусов, неустан-

---

[39] Примечания: 39

Клетка Фарадея — устройство, в 1836 г. изобретенное английским физиком Майклом Фарадеем для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей.

ная, исподволь, подстройка яхты, жесты Мод, дыхание Мод, мысли Мод, голос этих мыслей.

Ветер свежеет; Мод зарифляет грот. Лодка летит — сто двадцать, сто тридцать миль в день.

В окулярах бинокля к востоку движется судно. Поначалу не разглядишь, что за судно. За ним два поменьше. Узкие, призрачные, шустрые. Крупный корабль, понимает она, — авианосец. Вскоре исчезают, и море вновь пустеет. Полнейшая пустота.

Вправленный палец очень чувствителен. Мод, кажется, только и делает, что бьется им обо все подряд — стряпая, стирая, крутя лебедку, сворачивая трос, поправляя автопилот. Она расщепляет деревянную линейку, накладывает лубок, приматывает изолентой — это занятие отнимает пол-утра. Сигареты она теперь сворачивает иначе (скатывает на штурманском столике и лижет, наклонясь).

Когда боль мучительна или не дает уснуть, Мод режет напополам таблетку феннидина, запивает чаем или водой. Иногда глотком рома.

Погода — не разбери-поймешь. НАВТЕКС не ловит; длинноволновое радио не передает прогнозов по Центральной Атлантике. Если кто

встретится, можно запросить погоду по УКВ, но, помимо авианосца с сопровождением, никто не попадается почти неделю. Мод не помешали бы ОМ-радио или спутниковый телефон, однако есть барометр, атлас облаков, глаза. Она говорит себе, что прежде люди справлялись — и она справится. Иногда напоминает себе, что люди пересекали Атлантику в беспалубных лодках на веслах.

Обходя палубу в глухой ночи, она хватается за ванту по правому борту и смотрит в вышину, на облако, что скользом переползает мутную луну. Наутро заряжает косая морось, легкая, но неослабная. Поначалу Мод радуется, стоит под дождем с непокрытой головой, вымывает соль из волос. Затем мрачнеет, не находит себе места. Морось сыплется весь день, терпеливо и неотступно. Ночью Мод просыпается от стука на палубе и выходит с фонариком. Сразу чует, как посвежел ветер. Он пробирается под надувной тузик на баке, подбрасывает его и роняет. Сорок минут она перенайтовливает тузик. Справилась бы и за двадцать, но работает одной рукой и зубами. Лишь закончив, соображает, что не надела страховочную обвязку, не пристегнулась.

В кают-компании кухонным полотенцем насухо вытирает лицо. Барометр упал на одно де-

ление, и Мод решает навести порядок, разложить вещи по местам, запереть рундуки, прибраться на камбузе. Вместо этого садится и прочитывает две страницы «Дхаммапады», видит пометку на полях — видимо, Фантэм оставил — и несколько минут раздумывает, написано там «доктринер» или «доктор на 9». Потом откладывает книгу и идет делать то, что надлежало сделать раньше. Убирает стаксель примерно до одной пятой, берет два рифа на гроте, жесты четки, точны, механистичны, затем слезает по сходному трапу, блестя влагой и на каждом шагу покряхтывая от натуги. Поднимает лючок в пайоле, осматривает пробку, закрывает лючок, озирается в поисках табака, и тут яхта совершает прыжок, а Мод летит спиной вперед, комически шмякается между столом и левой банкой. Не пострадала; синяки, пожалуй, есть, травм нет. Она снимает сапоги, вешает куртку капать водой в гальюне, забирается в «гроб» и через несколько секунд засыпает.

Час море раскачивает ее и не может добудиться. Когда Мод все же просыпается, свет в кают-компании сер. Мимо иллюминаторов по левому борту катят белые барашки и темная вода. Из «гроба» видно, что́ на анемометре. Тридцать узлов, порывы до тридцати пяти. Мод встает и галсами

направляется к барометру. Давление упало до тысячи миллибар. Она стучит по барометру, с силой, но ничего не меняется. Она надевает комбинезон, куртку, сапоги, обвязку и выбирается в кокпит. Рассветное солнце не зашторено, но на севере стена туч, что словно растет прямо из моря, — бурая, лиловая, у основания сияет влажной чернотой.

Согласно статистике, так быть не должно. В сентябре, в разгар штормового сезона, — допустим; но не в июне же.

Волны короче, круче. Гораздо круче. На гребне распахивается вид на много миль; у подошвы яхту обступает вода. Надо принять решение, но Мод час тянет время, сидит в кают-компании, курит и грызет печенье, а затем вылезает на палубу и видит, что левый борт заливает, вода течет расплавленным стеклом, и тогда Мод решает убегать, идти на юг, пусть море будет за спиной — и море, и ветер, и все, что этот ветер несет.

Она отключает автопилот и встает к румпелю. Ложится на курс 110. Опасается, что яхта развернется через фордевинд, но гика-шкот закреплен прочно — деваться гику толком некуда. Стаксель полощет в тени грота. Ну и пусть.

Теперь она убегает, и идти легче. Килевая

качка, а не рысканье, вода ныряет под корму, придает яхте ускорение и пускает ее скользить к подошве волны. Мод стоит у румпеля час, затем вновь подключает «Гидровейн» и двадцать минут подстраивает угол крыла, прежде чем решается довериться автопилоту. Спускается в кают-компанию. Оставив позади ветер, оставив грохот, на напружиненных ногах застывает над штурманским столиком, смотрит на карту, на GPS, закрывает глаза, несколько секунд спит и просыпается от шума воды, бьющей в вентиляционные прорези брандерщита.

Мод старается припомнить все, что знает о штормовании. По крайней мере, недостатка в пространстве для маневрирования нет — уж лучше здесь, чем под затрещинами приливов Ла-Манша, где теряется в мареве наветренный берег. Она крутит ручку радио, ловит еле слышный оркестр — корейская музыка, что ли, или китайская, а может, индийская. Затем голос — говорит на языке какой-то, кажется, бывшей советской республики, женский голос, очень степенный, будто оповещает о кончине президента, падении города. Мод выключает радио, коленями встает на пайол, нащупывает рундук с провизией. Чайник выпрыгивает из камбуза, рикошетит

от стола у нее над ухом и улетает в носовую каюту. Мод достает банку печеных бобов, сдирает крышку, берет ложку и ест их холодными, съедает подчистую, томатным соусом вымазав пальцы, подбородок, куртку. Ее подташнивает, затем отпускает. Хорошо бы попить горячего, но кипятить воду сейчас небезопасно, и к тому же сначала надо отыскать чайник. Четверть часа она сворачивает сигарету, выкуривает ее, сидя под сходным трапом, сапогом упираясь в штурманский столик, чтоб не упасть. Покоя нет нигде. Море треплет лодку, лодка треплет Мод.

Движения лодки теперь непредсказуемы; это ново. Похоже, идет, куда несет волна, а если так, лодка неуправляема. Мод поднимает воротник куртки-непромоканца (не самая дорогая модель, не та, что сейчас пригодилась бы), застегивает липучки и взбирается по сходному трапу. Едва голова оказывается над люком, ветер разжимает губы, давит на веки. Мод пристегивается, выползает в кокпит, накрепко задраивает люк и прижимается спиной к брандерщиту, сложив ладони трубочками и через них глядя на тучевую стену за кормой, на грозовую стену, которая заслонила полнеба и надвигается с такой скоростью, что не светит убежать.

Мод оборачивается к парусам; парусность избыточная, уж это-то ясно. Как-то надо соблюсти баланс — чтобы яхта слушалась, но не перенапряглась. Хорошо бы штормовой стаксель поднять. Штормовой стаксель — хороший, крепкий парус, но он в носовой каюте, а открывать форлюк рискованно — туда может ринуться море. Придется выносить на бак через кокпит. Мод стоит, собирается с силами, затем отстегивается, прыгает в люк — ждет — чувствует, ловит движение яхты, делает рывок через кают-компанию и в носовой каюте поспевает ухватиться, когда яхту сотрясает у подошвы волны. Парусный чехол невелик, но тяжел. Пропихивать его через люк в кокпит, тащить, толкать, пока за спиной кают-компания встает на дыбы, — пантомима грубого труда.

В кокпите Мод пристегивается к штормовому лееру, одолевает по ярду за раз и наконец садится на баке, сапогами под носовой релинг. Тянет парус из чехла. Кто-то добрый черным маркером пометил, какой угол паруса куда. Мод защелкивает карабин галсового угла на свободном штаге, перехватывает стаксель, пока не находит фаловый угол. Каждые полминуты ноги ей омывает морем. Вода просачивается в комбинезон, под

куртку, под комбинезон. Мод ползет к мачте, убирает остатки грота, принайтовливает его к гику риф-штертами, плечами бьется об мачту, ища стаксель-фал. Открепляет фал от утки, подползает обратно к стакселю, отжимает фаловый карабин яхтенным ножом — некогда подарила его Тиму, а потом нож почему-то стал ее. Крепит фаловый угол штормового стакселя, травит шкот просто стакселя, «беседкой» крепит шкотовый угол штормового, выбирает стаксель-фал, возвращается в кокпит, выбирает стаксель-шкот, крепит к утке и сидит на решетчатом пайоле кокпита — грудь ходуном, мокрая как мышь.

Холодно; надо переодеться в сухое, но, вообразив, как она будет раздеваться и одеваться в кавардаке кают-компании, она съеживается, греется своим теплокровием, хладнокровием. Навещают мысли; ни одна не касается яхт и моря. Когда Мод наконец встает, руки-ноги одеревенели, не успевают за рывками брыкливой лодки. Раз десять по пути вниз Мод немилосердно бьется об углы, но не произносит ни звука — или за ревом ветра не слышно. Пытается раздеться — одежда липнет к телу. Она сдирает с себя все, бросает куда придется, вытаскивает сухое из сумки в рундуке под штурманским столиком, надевает,

цепляясь за что попало, только бы твердое, снова натягивает комбинезон, отяжелевшую куртку. Ищет шапку, лыжную шапку, ужасно хочет найти, полоумную четверть часа тратит на поиски, отбиваясь от кают-компании, и лишь потом вспоминает, что шапка лежит в кармане куртки.

Свет снаружи сумеречный, однако тьма штормовая, не дневная. Мод пристегивается и оглядывает яхту. Следит за носом. С каждым спуском по волне форштевень зарывается чуть глубже, с каждым подъемом вся яхта содрогается под напором воды. Далеко ли, глубоко ли должен зарыться нос, чтобы лодка лишилась сил сопротивляться и ушла прямым курсом под воду? Это не фантазии; есть сведения о подобных случаях.

Мод снова отключает автопилот, встает к румпелю. На гребне первой же волны перекладывает руль так, чтобы спуститься под углом. У подошвы выравнивает яхту, принимает море под корму. Раньше такого делать не приходилось — это все чистая теория, — однако нос теперь суше, а на яхте чуточку безопаснее. Сколько Мод так протянет — неизвестно. Тут требуется тщательный расчет; тут нужно зорко следить, как бы волна не подошла под другим углом. Ветер беспрестанно пихается. Румпель надо держать обеими руками,

и не сядешь — нужно видеть, что происходит, смотреть на долгий покат волны, сопротивляться ее силе всеми мышцами живота.

Почти два часа Мод справляется, затем сдается — выбора нет. Глаза режет от соли и ветра. И глазам она не доверяет — слишком мала теперь разница между последним светом и первой тьмой. Она поставит руль прямо, принайтовит румпель, пусть яхта сама нащупывает свой угол к ветру, свою удачу. И Мод пригибается, ищет найтов в полумраке под ногами, и тут слышит свое имя, очень ясный окрик, а поскольку кричат как будто за кормой, она выпрямляется, оборачивается и видит волну, какой еще не видала, серую стену с серым гребнем, что осыпается, точно кирпичная кладка, и все это, похоже, идет ветру поперек. Мод отворачивается, обнимает гик, пальцами вцепляется себе в запястья. Спустя три секунды оно на борту (это нечто, что несет свою неопровержимую правду), выбивает воздух из легких, разжимает хватку, вздергивает Мод, замахивается ею, лупит о ванту по правому борту и швыряет в море.

Море. Море готово ее принять. Вертит ею, дерет одежду, лезет в рот. Где верх, непонятно. В голове вспыхивает новая лампочка, розоватая, словно

Мод выглядывает наружу сквозь мозговые оболочки. Затем линь туго натягивается, ее на миг вздергивает в воздух, и когда лодка кренится ей навстречу, море — те пять квадратных ярдов, где Мод бултыхалась, — вздымает ее с изумительной точностью, и Мод выгибается, тянется, как балерина, тремя пальцами здоровой руки хватается за поручень, и лодка, выравниваясь, забрасывает ее на борт.

Некоторое время — с минуту, не больше, — она цепляется за этот поручень, лицом, расплющенным цветком рта прижимаясь к иллюминатору в надстройке. Один неверный шаг — и она снова очутится в море, а там ей вряд ли снова так повезет. По качке она гадает, как яхта стоит к волне, решает, что примерно лагом, ждет, пока ее борт поднимется, покидает свое укрытие и рыбкой ныряет в кокпит.

В кокпите воды на фут, но наверняка после волны было до краев — значит, шпигаты чисты и работают.

Она сидит на веревке. Подбирает ее, один конец крепит к утке на переборке кокпита, ставит румпель прямо, закладывает на него три шлага, другой конец крепит к утке на другой переборке. Поднимается на колени, на ноги, смотрит вперед.

Мачта на месте; что еще на месте или наоборот — не разберешь.

Она сдвигает сходной люк и прыгает вниз, а за ней прыгает черная вода; Мод закрывает люк и запирает.

Соблазн заползти в «гроб», заползти как есть, в многослойных мокрых тряпках, почти берет верх. Но она включает ночник и принимается откачивать воду, гнется над помпой вслепую, от боли в ребрах — отбила, слетав за борт, — плача, как плакала в тот раз, когда защемила руку между прицепом и шлюпкой, и дедушка Рэй топтался рядом, не зная, что сказать, как утешить эдакое вот существо, сутулую девочку в анораке, которая плачет, чтоб уже отделаться от слез, а потом с размазанными глазами встает и желает выйти на воду.

За помпу хотя бы можно держаться, и если удастся осушить лодку, если вода внутри не поднимется до неуправляемых уровней, есть надежда прорваться. Мод вспоминает, как Роберт Карри говорил, что все яхты по сути крепкие, не пойдут ко дну, не треснут ни с того ни с сего, как стародавние деревянные корабли в книжках (отчасти, надо думать, правдивых) — один прогнивший шов за другим. Но сколько их вот так

испытывали на прочность? На анемометре ветер от пятидесяти четырех до пятидесяти восьми узлов. Шкалу Бофорта Мод знает. Сильный шторм — десять баллов, жестокий — одиннадцать.

Сколько длятся шторма? Иногда по нескольку дней.

Она бросает качать; воды на пайоле совсем чуть-чуть. Садится на банку, одной рукой стягивает с себя одежду. Под футболкой поперек ребер видит рубцы цвета ревеня, щупает их, потом натягивает майку — последнюю из сухих, вполне вероятно, — а на майку свитер цвета морской волны, надевает треники, затем комбинезон. Один резиновый сапог остался в море. Мод снимает второй, мокрые ноги сует в кроссовки.

Что касается еды, еда имеется на полу, в том числе яблоко, что вот уже десять минут пушечным ядром то прилетает, то улетает. Мод ловит его, вгрызается. Оно соленое, на вкус как синяк, хрустит песком на кожуре. Мод съедает его до тощего огрызка, бросает огрызок в раковину на камбузе, промахивается. К тому же на полу белая коробка «ТОЛЬКО ДЛЯ КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» — картон промок, но все же не распался. Мод проглатывает две капсулы со слюной. (Она никогда не пила две, но эту дозу

временами обсуждали, и к ней же, говорят, склонялся сам Джош Фенниман — тема, которую в Рединге называли вопросом «высшего класса».)

В «гроб» не ляжешь, слишком мокро. Видимо, залило, когда затопило кокпит; и рундуки залило, и они протекли. Мод пробирается к ближайшей банке. Под банкой — треугольный парусиновый обвес. Мод выволакивает его, за люверсы цепляет к фитингам на подволоке. Обвес пахнет древностью, как обрывок паруса с линейного корабля времен адмирала Шавелла[40]. Одной рукой цепляясь за поручень на краю штурманского столика, Мод заползает на банку. В ту же секунду ее всем телом швыряет на обвес. Обвес не трещит, люверсы не сыплются. Еще миг — и ее притискивает к обитой спинке банки.

Казалось бы, посреди такого остервенения не уснешь, но она закрывает глаза, и на целые минуты подряд с ней случается нечто очень похожее на сон. Шторм не утихает. Штормовые ресурсы невообразимы. Пролежав час, Мод чувствует, как меняется ветер, и понимает, что снаружи, во

---

[40] Примечания: 40

Адмирал Клаудзли Шавелл (1650–1707) — английский военный моряк; после богатой военно-морской карьеры стал адмиралом в 1702 г., во время Войны за испанское наследство; утонул возле острова Силли, неподалеку от побережья Корнуолла.

тьме, замахивается молот.

Встать?

И что сделать?

Можно выпустить за борт канатную петлю.

Можно налить на воду масло (но у нее не так много масла).

Можно запустить двигатель, повысить маневренность, встать к румпелю.

От усталости мутит. При родах так не уставала, никакого сравнения даже, но не бросать же яхту один на один со штормом, не прятаться же у нее во чреве. Мод выползает из обвеса — точно Лазарь восстает из могилы, — приседает у банки, подкарауливает момент шагнуть к трапу, и тут слышит грохот, который приняла бы за прибой, если б не знала, что под нею три километра воды, а до ближайшей земли тысяча миль. Она ждет, но ждать недолго. Лодка получает со всего маху в правый борт, заваливается и распластывается на воде. Мод кубарем летит через стол к левой банке, на нее дождем сыплются одежда, карты, книги. Латунный циркуль летит ножом. Промазывает — едва-едва.

На девяноста градусах, лежа мачтой на воде, лодка замирает, словно тонко расчисляя векторы стихий, а затем завершает оверкиль. Перевора-

чивается она — как движется секундная стрелка: не быстро, не медленно. Мод падает на подволок вместе со всем, что есть падучего. На ста восьмидесяти градусах лодка снова замирает, килем в небо (и как, интересно, выглядит *это?* Увидеть бы, хоть во сне…). Мод барахтается, выбираясь наверх, но верх теперь неоднозначен, а в числе прочего на нее упала столешница — вылетела из пазов и тремя скрепленными дубовыми листками приземлилась прямо на грудь. Мод все понимает, но понимать не помогает. Что угодно делай или не делай — разницы уже ни малейшей. Лодка снова крутится. Сама судорожно скрежещет от натуги, со ста восьмидесяти сдвигается на двести, вновь застревает (Мод и все прочее сыплются на правую переборку), переворачивается и выскакивает из моря, словно в омерзении от того, во что ее сейчас угораздило влипнуть. Последняя четверть круга резче всего, защититься всего труднее. Прежде Мод падала; теперь ее уронили, швырнули. На каких-то два дюйма она промахивается лбом мимо нижней ступеньки трапа. На лодыжки падает столешница. Лицо полощется в воде. Когда удается встать, вокруг мрак, где глаза немедленно набрасывают эскизы, силуэты, лица, предметы, которых здесь

быть не может. Мод нащупывает рукоять помпы, цепляется одной рукой, другой шарит вокруг. Что осталось от яхты? Иллюминатор кают-компании. Подволок кают-компании. Брандерщит, удивительное дело; судя по всему, сходной люк (хотя его отсюда не достать). Если найдется фонарик, можно посмотреть, что еще, но фонарик улепетнул вместе с прочим скарбом, и Мод не уверена, хочет ли видеть то, что он ей покажет. Радио не светится, ни один экран, ни одна шкала не утешают огоньком.

Мод щупает себя, обыскивает; руки-ноги вроде целы, явного кровотечения нет. Ничего не видно, зато слышно все, однако чутче всего она вслушивается в удары по корпусу — будто неподалеку в борт пьяно стучит великанский кулак. Она знает, что это, — догадывается. Нужен болторез, а болторез в форпике. Она ощупью пробирается через кают-компанию, примативно, полоумно, и, сбиваясь, возвращается на курс с насекомым упрямством. Тут ей везет. Инструменты там, где и должны быть, а нащупать болторез нетрудно. По пути назад через кают-компанию она падает — четыре раза, пять. Не знает, обо что спотыкается, не может разглядеть. Не важно. Важно только выбраться на палубу.

Она сдвигает крышку люка, но оставляет брандерщит, скользит через него выдрой. В кокпите пристегивается, задвигает крышку и на четвереньках ползет по палубе. Мачты нет — или осталась не вся, и не видно, сколько осталось, — но все, что сорвано, висит теперь на такелаже и при каждом крене стучит в стеклопластик толщиной с полногтя. Канаты, веревки — все, что держит мачту, — надо резать. Это длится двадцать минут; это длится вечность. Почти все надо делать лежа, упершись ногами хоть во что-нибудь прочное, и вода снова и снова обрушивается Мод на голову, и глаза от соли жжет. Мод режет; ползет дальше. Последний трос — правая ванта? — и мачты больше нет, Мод чувствует, как мачта улетает, как мачту всасывает море.

Она встает; два шага — и она в кокпите. Съеживается там и сидит, пока движение лодки, взлетевшей на наветренном склоне волны, на миг не становится предсказуемым, и тогда сдвигает крышку люка, спускается в черноту еще гуще и задвигает крышку за собой. Под трапом пинает то, на что наступила. Расставляет ноги пошире, обеими руками берется за рукоять помпы и в ровном, неугомонном ритме принимается качать.

(Сила есть преображенная слабость, канат,

сплетенный из травы.)

5

Шторм бушует еще четырнадцать часов. Гонит яхту на юг, бросает к югу, точно листик по переулку. Весь день Мод прячется в кают-компании, ждет, когда что-нибудь сломается. Хохлится, держится, даже немножко спит. На закате выходит на палубу. Открыть люк — невероятное и мучительное усилие, но люк она открывает. Первым делом видит, что нет половины мачты и всего стоячего такелажа. Гик срезало у пятки, исчезли надувной тузик и канистра со спасательным плотом. Мод оглядывает корму — нет стальных опор с солнечными батареями, нет антенн. Автопилот тоже пропал бесследно.

Ветер не больше пяти баллов, свежий бриз, но волны еще высоки, и каждая, захлестнув палубу, накрыв яхту, способна нанести ей ущерб, а может, и доконать. Яхта как-то умудряется идти по ним — упрямство формы, умный абрис, яхту строили умные люди.

Мод спускается в кают-компанию, задвигает люк. Пьет из крана на камбузе, шатаясь, бродит в поисках еды, находит битые банки, лопнувшие контейнеры, плавучие овощи. За дымоходом

застрял миндальный кекс. Она отламывает, сколько влезло в руку, и съедает. Воображает спасательный плот — интересно, надулся ли, оторвавшись от палубы, как ему положено? И сейчас плывет себе где-то, уже за много миль отсюда? Спасательный плот известно с какой яхты. Пустой плот.

Она спит за парусиновым обвесом. Когда просыпается, свет за измаранными солью иллюминаторами являет взору бардак, который не назовешь иначе, нежели тотальным. Рухнул ничком даже маленький холодильник в углу.

Снаружи солнце высоко, ослепительно. Мод еще одета в штормовое. Садится на банку в кокпите, точно актер, что убрел со съемочной площадки перекурить. Море теперь ворочается по-другому, пенистые зеленые фракталы зыби неспешнее и регулярнее. На солнце жарко; может, у Мод просто жар. Она снимает куртку. Одежда под курткой присохла к телу — почти высохла. Мод раздевается по пояс — сверху гола, открыта ветру и солнцу, снизу по-прежнему закутана в неопрен. Кожа на руках, груди и животе мертвенно-бела. Синяков меньше, чем Мод ожидала. Хуже всего ребра — расцветает весь бок. Она надевает футболку, набрасывает на плечи

лямки комбинезона. Она уже знает, что стационарному GPS кранты, двадцать раз попробовала и ничего не добилась, но ручной где-то внизу, и она отправляется на поиски. В процессе находит другие полезные вещи — открывашку, нож «Грин ривер», пачку табаку, запечатанную в целлофан, — но ручной GPS исчез, и она в лихорадке раздумывает, не мог ли он как-то вылететь из кают-компании за борт, но тут открывает духовку и находит его там, куда спрятала в ночь зарниц. Трудно поверить, что он выжил, пометавшись в духовке, но Мод включает его, и он вибрирует на ладони, загорается. Она выносит его в кокпит, руками прикрывает экран, вглядывается и читает координаты, читает вслух:

— Пятьдесят один градус северной широты. Два градуса западной долготы.

Она выключает GPS, опять включает, читает те же цифры. Пятьдесят один градус северной широты. Два градуса западной долготы. Она знает эти координаты, незачем смотреть на карту. Если отметить на карте, точка будет стоять прямо над дорсетским коттеджем. Откатился к прошлым настройкам? Или она проверяла GPS в коттедже? Или Тим? Она перезагружает GPS, несколько раз; результат тот же. Она выключает GPS, кладет в

боковой карман комбинезона, щурясь, разглядывает совершенную пустыню вокруг. Хотя бы компас в нактоузе не подкачал (ломать там особо нечего — дюймовой толщины стекло, картушка, какой-то спиртовой раствор). Судя по компасу, яхта идет на зюйд-тень-вест. Вполне возможно, она с начала шторма этим курсом прошла сотни миль. Мод пробует запустить мотор. Стартовый аккумулятор сдох. Пытается подключить другие аккумуляторы, но при оверкиле они слетели с креплений и, видимо, разрядились в воде на пайоле. Из одного Мод выжимает вспышку индикатора зажигания, но двигатель безмолвствует. А даже если и удалось бы запустить, там наверняка полно воды, топливные шланги забиты осадком из бака.

Очень долго она прикидывает, как соорудить парус. Учил ее кто-то? Читала где-то? У какого-нибудь, допустим, французского затейника, то ли инженера, то ли поэта, который посреди Тихого океана восстанавливает лодку из обломков…

Имеются двенадцать футов мачты — может, и больше. Первым делом нужен такелаж, и Мод начинает собирать — в парусной, в рундуках кокпита — все шкоты, фалы и блоки, какие остались. Не то чтобы палубу не качает — качает

еще как, — но Мод решает, что работать можно. На страховочную обвязку и линь плюет, хотя несколько дней назад они спасли ей жизнь.

Карандашом на нахзаце «Дхаммапады» набрасывает схему и идет к мачте, перекинув бухту веревки через плечо, как патронташ. Принайтовливает к шпору сходни (металлические, легкие, телескопические) и взбирается к культе. Сначала протягивает бакштаги из двух красных тросов «Дайнима», заводит их в кокпит и набивает лебедкой. Затем крепит новенький тридцатиметровый канат и на баке пропускает под перекладину битенга, потеет, пока не набивает втугую, насколько позволяют вес и сила, крепит, возвращается в кокпит и еще разок крутит лебедку.

От солнца краснеет загривок. На миг она уплывает, пошатывается, очухивается и взбирается на сходни с блоком, присобачивает его к топу культи тросом, а тот приматывает риф-штертом и целым рулоном скотча. Заводит в блок полиэстерный фал, один конец крепит к утке у пятки мачты. На другом конце вплетен фаловый карабин. Он пойдет на фаловый угол.

Из рундука она выволакивает старый стаксель Фантэма, четверку, пропихивает в форлюк, сама сейчас подтянуться следом не в состоянии и на

палубу возвращается через кают-компанию. Пристегивает карабин, пропускает шкот в люверс шкотового угла, поднимает парус и крепит к большой деревянной утке за румпелем. Ветер слаб — эхо шторма, призрачные ветра. Это у нее будет такой трисель. Смотрится, на ее взгляд, как постирушка бедняка, но ненадолго наполняется, и яхта скользит вперед. Если ветер не посвежеет, парус выдержит; если ветер окрепнет, стаксель-четверка отправится к прочему мусору, который Мод по дуге посеяла в океане. Все это требует многих часов труда. Ничего лучше она сделать не может. Ничего больше она не может.

Раза четыре-пять в день она откачивает воду из трюма. Все, даже выживание — выживание в особенности — укладывается в свой распорядок.

Деревянная затычка сломанного фитинга держится, но где-то еще течь — и, вероятно, не одна. В идеале откачивать надо раз в час — Мод бы так и делала, если б силы были. Она заставляет себя есть, но порой еда не желает оставаться в желудке. Часами лежать в тени паруса; все прочее требует упрямства, которое всякий раз чуть труднее в себе пробудить.

Днем в море — заросли саргассовых водорос-

лей, синие тени дорад, спинорогов. Ночью в море — шары дрейфующего света, как воск в лава-лампе. Динофлагелляты, копеподы. Наткнувшись на яхту, они расходятся, обтекают ее, вновь сливаются.

Свое место Мод вычисляет по звездам, по цвету моря, по курсу и скорости. Экватор близок; возможно, уже остался позади. Она видела Южный Крест, но и северные звезды пока видны.

Карта — испятнанная, истрепанная, расходящаяся по сгибам — сложена тем участком океана и суши наружу, где Суринам, Гвиана, плечо Бразилии. В центре — зона разлома Вима. Мод, по ее прикидкам, где-то в этом квадрате.

Что приносит ей море. Предмет впереди по левому борту, который Мод сначала принимает за существо, уснувшее в воде, — за гринду, дельфина. Вспоминает даже тюленей, которых видела кое-где на входе в гавани, на кромках ирландских заливов. Оказывается, чемодан, и хотя ей чудилось, будто она уже за гранью любопытства, за гранью усилий, для него потребных, она ловит ручку чемодана отпорником (отпорником, который пережил всё), затаскивает в кокпит и сидит, руками обхватив ребра, тяжело дыша и глядя на

него, на бронзовобокий чемодан, довольно новый и морем, похоже, не очень-то потрепанный. На боку ярлык «Эр Франс» и имя — нечитабельное, видно только, что начинается с Р.

Мод предполагает, что чемодан заперт, но нет. Она предполагает, что содержимое отяжелело от воды, но и тут ошибается. Она наклоняется над ним, над открытым чемоданом с серебристой клетчатой подкладкой, касается аккуратно сложенной белой рубашки. Касание ее робко, словно рубашка — не просто имущество чужака, но сам чужак (это ведь она, кто на памяти людской никогда не делал первого шага). Белая рубашка, лишь чуточку влажная, а под ней еще две, а дальше черный пиджак с черными атласными лацканами, черные брюки, мужское белье, несколько пар тонких черных носков.

В несессере из кожзаменителя — полдюжины одноразовых бритвенных станков, зубная паста «Соррисо», презерватив, тюбик мази — судя по составу, от какого-то хронического кожного заболевания.

Разговорник, франко-португальский.

Два романа, один на английском, другой на испанском, хотя, приглядевшись, Мод соображает, что это один и тот же роман — «Последнее

похождение конкистадора Санчеса Коэльо» / *La última aventura del conquistador Sanchez Coello*.

Подле книжек умостились коробка шоколадных конфет «Гарото» и номер «Интернэшнл геральд трибьюн», напечатанный назавтра после выхода Мод из Англии («Есть опасения, что в южноафриканском золотом руднике погибли 76 человек»).

В боковом кармане пиджака — религиозный медальончик и три использованных билета на парижское метро. В другом кармане груда красных лепестков крупного — наверное, тропического — цветка. Мод берет лепестки в горсть, ослепленная их цветом, а когда высыпает в карман (его прорезь темна и влажна, точно пасть), на ладони остается розовое пятно.

Ночью лодка минует другие чемоданы — большие, маленькие, одни с прочными пряжками, другие целиком укутаны в полиэтиленовую пленку. Мод их не видит. Она спит, разметавшись в наступившей прохладе, приоткрыв потрескавшиеся губы, и снится ей некий Санчес Коэльо, конкистадор в смокинге — он идет и на ходу сдирает с цветов лепестки…

Сорок дней в море. В кают-компанию Мод спускается лишь по необходимости; внизу жарче,

чем на палубе, и внизу ошиваются тени — громоздятся где-нибудь в закутке или дерзко виснут в узких щелях. Мод спускается попить воды на камбузе, поискать в рундуках неиспорченные продукты, откачать воду из трюмов. Каждое утро на пайоле дюйм-другой воды. Мод почти привыкла, босым ногам прохладно в темном водянистом перламутре.

Она отмечает костлявость своих суставов, скул, и грудь как у двенадцатилетней, и затвердевшую худобу коричневых бедер. Ее все это не настораживает. Она достаточно прожила на свете и знает, что женские тела бесконечно пластичны, помнит себя в третьем триместре, помнит эту спелость, замешанную на зверстве. А теперь она превращается в дерево, как одна из этих нимф, про которых рассказывал Тим, как дочери речных богов, спасавшиеся бегством через лес. Мод забыла, как их звали. Истории Тима были замысловаты и странны, как и все, что рассказывала ему она про эукариотические гены, моноклональные антитела, катализ. Она спрашивала, есть ли у его историй задача, а он отвечал да, да, конечно, но не говорил какая. Только улыбался. Хотел поцеловать Мод.

Сорок третий день. Бак пресной воды пуст. Вче-

ра поток, водяное кружево, сегодня ничего. Мод пересчитывает бутылки. У нескольких шкуры лопнули при оверкиле. Осталось шесть, в каждой полтора литра. Мод закутывает их в тряпки, складывает в рундук, где их не достанут никакие острые края.

Ночью на палубу плюхается летучая рыба. Слышно, как она трепыхается в кокпите. Мод встает и ее убивает. Утром отрезает ей плавники, потрошит и вырезает два бело-розовых филе. Газ есть, но шут его знает, что там со шлангами, неохота взорвать яхту. Мод готовит сасими, потроха выбрасывает за борт, где их мигом сцапывает рыба покрупнее — может, небольшая акула. На десерт у Мод конфеты из желтой коробки в чемодане. Там разные сорта. Ее любимые называются «Serenata de Amor». Из остальных ей нравятся те, что со вкусом фундука, — называются «Surreal».

Она все это съедает, а через полчаса блюет с кормы.

Ужас, до чего все хрупкое. Школьница, к примеру, упала с беспедального велосипеда, стукнулась головой, синяк с цветочек примулы, крови нет. Месяц в коме — и умерла.

Безумие, до чего все сильное. Мужчины и жен-

щины, с которыми Мод сталкивалась по работе, и дети, что лежали в койках или сидели в детских стульчиках, распахнув буйные, бурные глаза, словно принимали трансляцию невыносимых новостей из далеких галактик. И этот фильм, который ей показали в Рэдклиффе, снятый в 1960-х, когда наука еще не вполне махнула рукой на паноптикум, — человек, у которого кожа так чувствительна к ощущению, прикосновению, что он корчился, когда лаборант гладил его перышком. Но такие выживают. Едят ножом и вилкой, живут годами.

Сорок шестой день. Мод просыпается под вечер на баке после долгой дремы, и взгляд упирается в далекие облака. Это ново. Череда облаков, белые, голубоватые, вдоль горизонта на западе. Она смотрит, вкладывая весь свой животный талант смотреть, взор невозмутим и затаен, и кроется в нем, похоже, вся ее суть, ее костяк, что останется, когда все прочее догорит. Она заставляет себя опустить глаза. Поднимает — облака никуда не делись. Длится это три часа — такая игра. Посмотреть, отвернуться. Затем облака краснеют, вспыхивают, растворяются в синеве. Наваливается ночь — к этой внезапности Мод так и не привыкла. Луна не восходит. Яхта крадется

вперед, шипит вода. Мод ложится головой на канатную бухту, и спустя несколько часов ее будит бриз, полощет парус. Она смотрит в небо. Дождь — словно швырнули горстку мелкой монеты. Она раздевается донага. Открывает рот. Через две минуты дождя как не бывало, но ее серая тень блестит, а во рту что-то чудесное. Она садится. Почти мерзнет и тем наслаждается. Вновь инстинктивно глядит на запад. Там теперь свет, искорка на краю ночи, даль дрожит огоньком.

Звезда заходит? Но сразу ясно, что не звезда.

Судно? Почему тогда не меняется местоположение?

Если огонь на суше, требуются некие расчеты. Высота наблюдателя над уровнем моря; высота наблюдаемого огня. Высота огня неизвестна. На берегу? На вершине утеса? В итоге остается лишь гадать. Милях в двадцати, решает она. Двадцать морских миль, а то и меньше. При нынешней скорости яхты (при скорости яхты, по прикидкам Мод) это десять часов перехода, дрейфа.

Задолго до восхода огонек теряется, но посреди утра возвращаются облака, а спустя два часа Мод видит в бинокль неровную черную линию под облаками — так нарисовал бы ребенок на бумаге, расстеленной на полу: что-то началось, но пока

не случилось, просто линия рвется наружу, и в кончике ее кроется бесконечность.

Мод опускает бинокль, закрывает глаза.

— Ты куда меня привела? — спрашивает она хрипло. В теле — легкость травинки; ее закружит по воде дуновением ветра. Мод слезает вниз, открывает последнюю банку фруктовых консервов, сидит в темноте кают-компании, под ногами плеск. Доев, она попросту роняет банку.

Можно бы встать к румпелю, но яхту медленно несут к берегу течение и юго-восточный бриз. Рано или поздно появится каботажное судно, рыбацкая лодка, таможенный катер. Может, они уже видят ее, добрые жители Прогресо, острова Ваш, однако Мод озирает берег и не различает ни домов, ни лодок, ни дыма, ни мерцания стекла.

Под вечер она направляется к архипелагу крутых островков в полумиле от берега. Неохота очутиться среди них в темноте. Достает экстренный рюкзак, выносит на палубу, проверяет фальшфейеры, ХИС «Люмика», фонарик. Солнце зайдет максимум часа через три.

В бинокль Мод следит за птицами, что кружат над макушками островков, беззвучными лавинами соскальзывают с голых скал, падают к воде и взлетают, два-три раза мощно взмахнув

крыльями.

Запах суши! Точно опустила окно в машине на ночном шоссе после дождя. Вдохнуть, поглубже.

Она минует островки, проходит близко — слышны птицы, их неумолчные клики. Невод течений под корпусом толкает яхту все ближе к берегу. Вода зелена и совершенно прозрачна. Мод ложится на баке и смотрит вниз, видит тени рыб, тени камешков. Осадка у яхты — под шесть футов. Мод ждет первого касания. И касание дна — к этой лодке, этому килю, что проплыли над каньонами, — очень нежно. Легкая заминка, затем яхта снова плывет — и новое прикосновение, увереннее. Нос разворачивается; лодка кивает берегу. Мод с подветренного борта бросает якорь-плуг, травит цепь до жвака-галса. В кают-компании берет телефон, кое-что из одежды, полпачки изюма, паспорт, бумажник. В маленькую заколку, в жестяное сердечко, которое бережно хранила в бумажнике, в отделении на молнии, продевает кусок риф-штерта и завязывает его на шее грейп-вайном.

В кокпите перешагивает неведомо чей чемодан (уже пересох и потускнел, как галька, принесенная домой с пляжа). Убирает самодельный парус, найтовит. День втискивается в краткие сумерки;

киль скребет по песку. Мод, в шортах и футболке, надевает кроссовки, одну лямку рюкзака привязывает к запястью, озирается, словно — ну а как же? — что-то забыла, и садится, болтая ногами над самой водой. Идут минуты; она сидит, разглядывает берег, низкий песчаниковый откос, древесную занавесь над откосом. По-прежнему никого. На первый взгляд не скажешь, что сюда уже ступала чья-то нога. Мод соскальзывает в воду. С рюкзаком плыть неудобно, ребра болят, но вскоре она нащупывает ребристый песок и бредет к берегу, и вода отступает от плеч, живота, коленей, и вот уже Мод стоит на пляже в тени земли, и море за спиной мерцает углями, а яхта пригнулась, будто молится.

Пять

Надеюсь, вы мне простите, если я прибегну к слову «правда». Говоря «правда», я жду вопросов: «Что такое правда?», «А правда существует?».
Вообразим, что существует. Слово есть, а посему есть и ощущение.
***Элен Сиксу*[41]**

[41] Примечания: 41
Элен Сиксу (р. 1937) — алжиро-французская писательница, поэт и философ, феминистка; эпиграф — цитата из сборника ее лекций «Три шага по лестнице писательства» (*Three Steps on the Ladder of Writing*, 1993), лекция «Школа мертвых».

1

Она карабкается на откос, где песчаник и тень. Пошатывается. Земля не упруга, не пружинит, как море.

На вершине садится передохнуть. За пятнадцать минут ушла дальше, чем за многие недели. Тепло, из моря встает луна, и лик ее — мелкоячеистое золото, свет мягок и прихотлив, но Мод различает пейзаж: деревья голы и серы, кусты потемнее, вдалеке намек на низкие холмы. В бинокль она ищет огонек — например, тот, что видела с яхты, — но ничего нет, и неизвестно, куда идти: ни тропинки, ни опознавательных знаков, лишь откос и серые деревья, из моря выползает луна.

Мод решает по возможности держаться берега, и поскольку влево путь слегка посвободнее, она сворачивает туда — к югу — и идет по кромке поляны над откосом, а потом деревья пихают ее к краю, и надо сворачивать прочь от моря. Луна всползла выше, и верхушки серых деревьев засеребрились, а земля внизу гола, темна, ухабиста. То и дело на пути черной изгородью воздвигается кустарник и приходится петлять, а один раз,

когда Мод огибает заросли, что-то рассекает ей кожу на плече — ювелирно, будто лезвием. После этого она ходит осторожнее.

Распевают насекомые, но вокруг Мод тише, пение всегда поодаль. У нее береговая болезнь, поступь тяжела, но она шагает размеренно, тень скользит по костям лунного света, теряется в черноте, что темнее ее, спустя миг выныривает под луну.

Вспугнула птицу. Та прошмыгивает мимо лица, сердито молотя крыльями, и Мод шарахается, падает. Когда встает — теряется. Где берег? Куда она шла? Из рюкзака достает компас. Светящийся кончик стрелки легонько подрагивает. Мод ориентируется, снова пускается в путь, плывет меж серебристых деревьев по тропам, скорее воображаемым, нежели подлинным, деревья и свет складываются узорами в уме, игра в «найди минимальные отличия», калейдоскоп лунных веток, и все это обрывается так внезапно, что она теряет равновесие и шатается, как на краю обрыва. Стоит же она на краю дороги — ну, грунтовки, если это ненастоящая дорога, но машина здесь явно пройдет. Мод достает фонарик, светит влево и вправо, затем под ноги, ищет отпечатки покрышек и, кажется, находит, хотя точно не ска-

жешь. И снова надо решить, куда идти. И снова она сворачивает влево.

По дороге идти быстрее, безопаснее, сильнее надежда вскоре отыскать помощь. Слева и справа те же кусты и голые деревья, сквозь которые она шла от самого откоса, но впереди, даже если надо идти всю ночь, наверняка будет ферма, поселение, городская окраина, и Мод воображает (монотонный ритм ходьбы вгоняет ее в полудрему), как минует пригородные сады, притихшие развязки, безответно мигающие светофоры.

Луна теперь в зените, свет дробит воздух на пиксели, расстояния неясны. Мод останавливается попить воды, поесть изюму, затем надевает рюкзак и шагает дальше — последняя женщина на Земле, первая женщина, и тень ее рябит в пыли грунтовки, и глухо стучат кроссовки — тихо, удивительно, до чего тихо. Так проходит еще час, потом другой, Мод погружается в ночную тишину, раскачивается по вопиющей амплитуде ночи, ноздри полны запахов придорожной травы. Постепенно — или она постепенно замечает — пейзаж справа меняется. Серебристые деревья редеют; затем исчезают, и их сменяют пальмы, высоченные, плавные, верхушки блистают лунным светом, у корней — звездная тень крон.

Мод забредает под эти пальмы; трудно удержаться. Кокосовые или другие какие-то? Собирают с них урожай? Вроде растут не как попало — похоже, высажены рядами. Она опять вынимает фонарик, шарит вокруг лучом, и его переламывают древесные стволы. Выключив фонарик, она слепнет. Раздумывает, не запустить ли фальшфейер — в рюкзаке два, может, кто увидит. Вместо этого присаживается под ближайшей пальмой. По-прежнему тепло. В голове отзвуком ее шагов стучит кровь. Мод пьет воду, ложится, под голову подсовывает рюкзак. Земля пахнет пряно, но, закрыв глаза, Мод видит море, серое, серо-зеленое и безбрежное. Она спит, не видя снов, и пальмовые ветви в вышине порой шуршат, словно дождь, хотя дождя нет.

Спозаранку, расплетясь клубком под пальмой, она озирает окрестности, рощу, зримый мир, что красками сочится в приглушенный воздух, — рыжиной земли, драной зеленью пальмовых ветвей, какой-то птицей, прошившей рощу пятном живой желтизны.

Земля потрескалась, почти гола и, вопреки надеждам, не усеяна палыми кокосами, хотя некие плоды на пальмах висят — высоко, не достать. Мод съедает горсть изюма, пьет воду,

затем бродит по роще в поисках какой-нибудь постройки, а если и не постройки, то забора, свежей колеи, чего-нибудь — чего угодно, — хранящего человечьи письмена. Попадается ей только почерневшее кострище, а рядом закопченная консервная банка, где живет крупное насекомое. Мод возвращается на грунтовку. Первый час прислушивается, ловя пение грузовика, легковушки. Потом просто идет, кроссовки от пыли рыжеют, тень съеживается, свет уже ослепляет, и Мод подолгу не отрывает глаз от земли. От солнца не укрыться. Мод вспоминает шляпы на яхте, панаму Фантэма, свою бейсболку. По глотку отпивает воду, поддается подозрению, что ходит кругами, ложится в тени, пережидает самую жестокую жару и далеко за полдень снова отправляется в путь. Девять ноль-ноль, судя по наручным часам; от часов никакого проку. День стынет, небесная белизна сгущается до синевы. Приплывает дюжина облачков, но ни одно не заслоняет солнца ни на миг.

По левую руку кактусы, отдельные экземпляры — в два человеческих роста. По правую — и уже некоторое время — кусты с желтыми цветочками, а дальше заросли гуще и зеленее, голые деревья сменились широколистыми, и листья их

зелеными зеркалами ловят свет.

Скорей бы убежище сумерек, прохлада ночи. Мод идет вперед, потому что вперед идет дорога, потому что чудится, будто остановиться сложнее и уж наверняка опаснее. Грунтовка впитала дневной жар, теплыми глотками жара поит Мод.

В сумерках выходят летучие мыши — юркают суматошно, не углядишь. Перед носом со стрекотом проносится жук. Мотылек размером с блюдце присаживается Мод на плечо — с каждого крыла смотрит ложный глаз. И — наконец-то! — луна плывет сквозь верхушки крон, выкатывается на просторы неба, ненадолго позеленевшего, затем перемерившего десять оттенков синевы с намеком на черноту.

Мод упрямо преследует фантазия о прибытии в городок, в город, где метро терпеливо ждет первого утреннего поезда, но фантазия эта расплывчата, как целлулоид. В остальном Мод по уши, по маковку погружена в настоящее, в рыжую пыль и лунный свет, в приливы дыхания.

А затем — внезапным ходом в игре, которую она вроде бы начала постигать, — разветвляется грунтовка. Тут Мод впервые пугается. Один рукав дороги завивается в пустошь по правую руку, другой ныряет в леса, в зелень по левую. Они

одинаковой ширины. Ни столба, разумеется, ни указателя. Или, может, указатель есть — *что-то* прячется на мысу, расщепившем дорогу, но погружено в густую тень, и надо приблизиться — почуять, — чтобы понять. Высохшая коровья шкура на палках-опорах, длинный череп (Мод включила фонарик) проступает под кожей; преображаясь, нечто оставляет само себя позади.

Мод опять сворачивает влево — так ведь и выходят из лабиринтов, верно? Постоянно поворачивая в одну сторону? Двадцать ярдов — и она под пологом леса. Решает, что этой дорогой возвратится к берегу. Зря она потерялась, зря блуждала в пальмовых рощах, шагала по дороге, ведущей в никуда. Она думает о яхте, о том, как хочет вновь увидеть ее — эту тварь, что чуть ее не убила, тварь, что ее спасла. На месте яхта? Или уволокла якорь, отдрейфовала на глубину и болтается у берега — лодка без огней, навигационная опасность?

Мод прикидывает, сколько времени прошло после пальмовой рощи. Десять часов? Двенадцать? Она спотыкается о корни, по нескольку шагов подряд не открывает глаз. Дважды совсем сбивается с пути и заново отыскивает грунтовку (для этого подключаются определенные клетки

гиппокампа).

В кронах и среди корней слышится возня мелкого зверья — лучше воображать, что зверье мелкое. Чьи-то быстрые когти взбираются по ближайшему стволу — в каком-то ярде! Затем дорога выводит на поляну, а в вышине над нею звезды, распахнутая карусель ночи — хотя бы фрагмент карусели, — и ее края, силуэты ветвей и листьев, словно вырезаны из черной бумаги. Мод опускается на жесткую траву, стаскивает рюкзак, ложится, подтягивает коленки к груди. В голове играют нудные песни, какие полагается любить детям, — может, дети их и впрямь любят. Где-то внутри еще ворочается план, но в основном нутро чует, что пора планов миновала. И пальцем не шевельнуть. Мод прижало к земле, придавило. Жизнь леса, десять тысяч разных звуков беспрепятственно текут сквозь нее…

На краю поляны из стены черных дебрей выскальзывает гладкая голова. На спящую женщину взирают немигающие, неподвижные глаза. Трепещут ноздри. Лес затаивает дыхание. Затем голова убирается, и лес смыкается над нею, как вода.

Когда Мод просыпается, над головой бабочки, а на ноге сороконожка, длинная и толстая, с каран-

даш. Мод сбрасывает сороконожку, разглядывает оставленную ею сыпь, вообще забывает про ногу и смотрит на машину. Лес постарался убрать ее поопрятнее, и она смахивает на машину с конверта пластинки семидесятых — отчетливый абрис автомобиля, но оплетенный лозами, щупальцами, усеянный крупными красными цветами. Мод идет к ней через поляну. Мод не настолько помешалась, не до такой степени рехнулась — она понимает, что некоторых вещей на свете не бывает. Вблизи, однако, машина есть. Металл дышит солнечным жаром, на лобовом стекле рябит свет — даже имеется антенна, аккуратно обвитая какой-то вьющейся порослью. Мод идет вокруг. Корпус длинный, какой-то охотничий «универсал», длинный и низкий. Бока машины под растительным чехлом словно выделаны под дерево — а при ближайшем рассмотрении взаправду деревянные. Надежды открыть дверцу нет — тут надо полчаса пилить стебли, а некоторые толщиной с большой палец.

Мод раздвигает лиственную занавесь у дверцы водителя. На стекле своя экосистема, зеленый мех — лишайник какой-то? — и Мод ладонью протирает окошко, нагибается и заглядывает внутрь. Экстерьер автомобиля пострадал, но

интерьер нетронут или просто распадается медленнее. На рулевом колесе чехол из подбитой темно-бордовой кожи, красная обивка на дверцах, широкие сиденья, тоже красные, но посветлее. Радиоприемник, открытая пепельница. Ключ в зажигании, на кольце болтается второй ключ. Сиденья-диваны, с пассажирской стороны валяется пачка сигарет и зажигалка «зиппо», на боку зажигалки флаг, в котором Мод, лицом прижавшись к стеклу, распознает флаг Конфедерации. Все спрыснуто пылью, все уснуло под красным абажуром обивки, зеленым абажуром ползучей листвы. Мод снова обходит машину (рассматривает ее, точно подумывает купить) и находит пожеванные остатки бамперной наклейки, где написано: «А К ИИСУСУ ТЫ ТАК ЖЕ ПРИБЛИЗИЛСЯ?»

Пусть машина что-нибудь ей скажет. Кто-то ведь на этой машине сюда приехал. Как они ехали — по дороге, которой вчера шла она? Или с другой стороны, куда надо идти сегодня, если она не решит вернуться? Но машина не смотрит ни туда и ни сюда. Она припаркована. У машины в запасе нет ясных посланий, она не делится уликами. А те, кто на ней приехал, — они-то куда подевались? Куда тут *можно* подеваться?

Мод возвращается за рюкзаком. Воды осталось пара-тройка глотков — примерно пятая часть пинты. Мод пьет, завинчивает крышечку, доедает изюм, надевает рюкзак, и лямки мигом нащупывают вчерашние намины. Сыпь на ноге распухает. И у Мод искусано лицо — москиты или еще какие насекомые, что сгущались над нею, пока она спала.

Она снова останавливается перед машиной. Машина эта — усыпальница, хотя и пустует. Аромат красных цветов не сладок, да и сами они не красивы. Развалились, распахнув крупные лепестки, изображают изнеможение — на ум приходят плотоядные растения, что захлопываются от прикосновения, хотя желтые бабочки (желтые, но не похожи на английских лимонниц, — этих словно вырезали из желтого картона или отскоблили от давно покрашенной желтым стены) дрейфуют на восходящих воздушных потоках над автомобилем и вроде бы не считают, что их жизнь в опасности. Мод оставляет машину, сначала пятится, потом разворачивается и шагает в тень дороги, что петляя погружается в лес. Здесь, наверное, можно найти пропитание — ягоды, корни, листья, некоторые грибы, — и все утро, первые часы, она на ходу отламывает

то и это, перемалывает зубами, пожирает лес по чуть-чуть.

В полдень — назовем это полднем, — когда свет обрушивается сквозь прорехи в лесном покрове, Мод слышит уханье обезьян и, подойдя ближе, видит целую стаю на дереве с пятнистой корой, как у эвкалипта, только на нем, прямо на стволе — Мод никогда такого не видела, — растут гроздья черных плодов размером с пинг-понговые мячики. Есть термин, как-то называется такое расположение завязи, но Мод не помнит. Обезьяны едят эти плоды, пируют, и хотя орут на Мод и скалятся, она сбрасывает рюкзак, забирается на нижние сучья, срывает плод и надкусывает кожуру. Внутри жилистая нежная мякоть, сладкая, как у виноградины. Мод сплевывает косточки, снимает футболку, сооружает из нее мешок, набивает его плодами, слезает и сидит под деревом, не обращая внимания на негодующих обезьян, один за другим вжимает плоды в язык и зубы. Остаток плодов складывает в рюкзак, надевает футболку и идет дальше. Вдоль дороги летит крупная зеленая птица. На спине несет свет солнца. Словно впервые видишь, что такое зеленый.

Мод не успевает пройти и пятисот ярдов — живот скручивает спазмами, и она корчится

у дороги, задыхаясь, опустошая себя, а потом некоторое время бредет в кошмаре наяву, где по дороге на нее надвигается машина на тяжелой подвеске, подкрадывается со спины, очень медленно, но все ближе и ближе. Впрочем, это настроение, этот страх отступают, и начинается нечто иное — новым манером сказываются то ли изнурение, то ли черные плоды, и Мод словно скользит, без усилий, без боли.

— Не могу остановиться! — кричит она, и голос ее, ее английские слова в этих декорациях экзотичнее любой зеленой птицы. Иногда она почти бежит, ноги легко переступают по толстому ковру тропы — женщина на грани взлета. Все, что в ней есть, странствует вместе с нею. Позади не струится длинный шарф памяти, нет ни единой посторонней мысли. Она идет, она бежит, завитки волос влажно липнут к лицу и шее. Сердце ее — биение крыл, во рту — безводная пустыня. И вот так она танцует, и выступает прочь из леса, и видит, что мир кувырнулся в ночь, что под ногами у нее звезды, и бледно-фиалковый горизонт, и разнеженное море, сбрызнутое звездным светом, и запах моря — как кровь ее вен, как медь во рту.

Десять шагов влево — и она выйдет из-за лесного занавеса. С минуту она стоит, и ее дыхание

истрепывается в ничто, распадается на клочки и ниточки, на обрывки ниточек. Потом она ложится, где стояла, сворачивается клубком на тропе, прислушиваясь к глубокому отражению моря, и Млечный Путь над нею мерцает в синей дымке, а свет на миг полосует небо и сгорает дотла.

2

Она девчонка любопытная, не хуже прочих, но за короткую жизнь выучила, что не стоит очертя голову лезть неведомо во что. Она же все-таки в ответе за коз, и козы — двенадцать голов — разбрелись вокруг, а сама она удобно устроилась на валуне и смотрит на фигуру, распростертую в устье тропы на кромке леса. Отсюда не видать, мужчина или женщина, но точно не ребенок — и этого человека она знать не знает.

Блондинистая щербатая девочка — по щекам веснушки, на голове соломенная шляпа, одета в громадную черную футболку с Люком Скайуокером. И хотя девчонке едва минуло десять лет, она уже навидалась всякого мертвого: мертвых коз, мертвых коров, мертвых кур, один раз была мертвая черепаха. Но пока еще не видела по правде (потому что, если под простыней и лицо закрыто, это не считается) мертвого человека.

Старый козел, объедавший сухие бурые соцветия на краю тропы, отвлекается, настораживается, идет в лесную тень, не обращая внимания на протянутую открытую ладошку, и козы одна за другой тянутся за ним. Девочка сползает с камня.

Нехорошо, если козы уйдут далеко вперед. В лесу живет такое, что козу может и сожрать, а всего месяц назад она одну потеряла и не посмела (она, кто смеет много чего) уйти с тропы на поиски.

Ну, и кто это, кто там не просыпается от козьих колокольчиков? Теперь видно, что это женщина. В шортах и футболке, рядом зеленый рюкзак. Лицо обожжено и искусано, на губах язвы. Кроссовки от пыли порыжели.

– *Você fica cansada?*[42] — спрашивает девочка. Палкой тычет женщину в ногу, и женщина клекочет горлом. Немножко смешно смотреть на человека, что так сонно взбирается на верхушку себя по длинной лестнице, ерзает в пыли на тропе, словно его две минуты назад из этой пыли и сотворили.

Открываются глаза — карие, под цвет волос.

– *Você tem sede?*[43]

У девочки камуфляжная армейская фляга через плечо, и девочка отстегивает ее, откручивает крышку, садится рядом и подносит флягу женщине к губам. Вода течет по щеке, но затем женщина присасывается к фляге, как младенец.

---

[42] Примечания: 42
Ты устала? *(португ.)*

[43] Примечания: 43
Пить будешь? *(португ.)*

Решив, что хватит, девочка забирает флягу, закручивает крышку. Отвлекается на руку женщины, на черные буквы, а потом вспоминает, как полагается себя вести, и спрашивает:

– *Qual é o seu nome?*[44]

И ждет. Несколько долгих секунд женщина не отвечает, только смотрит на девочку, и в таких глазах утопнешь и не выплывешь. В конце концов женщина рывком садится, озирается, глядит на море, потом опять на лес. И произносит слова, и девочка их не понимает, а потом вдруг понимает, и в голове у нее перестраиваются словесные соты.

— Меня зовут Лея, — говорит она, прислушиваясь к себе, к чарам собственного голоса. — Подождите, пожалуйста, здесь. Мне надо найти коз.

То и дело останавливаясь, девочка и женщина идут по берегу. Тропа приводит их к самой воде, а потом никакой тропы нет, только девочкины следы и козьи. Пересекают отросток мыса, спускаются на другой пляж, затем пологим склоном поднимаются туда, где песок уступает охряной земле и белая церковь смотрит в море, точно старая белая яхта, выволоченная из прибоя. Возле

---

[44] Примечания: 44
Как тебя зовут? *(португ.)*

церкви другое здание, тоже белое, с чередой заставленных окошек над тремя темными арками.

Они приближаются, и появляются другие дети. Кто-то одних лет с девочкой, кто-то гораздо младше. С Мод не заговаривают. Только смотрят — суровые лица, изумленные лица. Шепотом расспрашивают Лею, и Мод слышит, как та несколько раз называет ее по имени — ну, примерно: «Мор… Мор».

Переход сюда от лесной опушки занял часа два или два с половиной и стоил Мод последних остатков сил. Она опирается на Леину палку и ждет, когда кто-нибудь из детей приведет взрослого, а этот взрослый скажет, где можно прилечь. Одного ребенка — мальчика, который носится как угорелый, — отрядили с посланием в церковь, но вместо взрослого оттуда выходят еще двое детей, подростки, девочка и мальчик, и на Мод они смотрят молча, будто ждали кого-то другого. Затем девочка-подросток решительно приближается, распихивает круг детей и встает перед Мод. Девочке лет тринадцать, хотя ростом она с Мод, а то и повыше. Медная кожа, волосы примерно такие же, чуть потемнее. Платье ее в оранжевый горох некогда носила женщина покрупнее, потучнее; на поясе оно собрано складками и туго

перепоясано.

– *Olá*[45], — говорит девочка.

— Мне надо присесть, — говорит Мод, а затем так и поступает, практически падает на землю в окружении детей, коз.

Старшая девочка беседует с Леей, затем встает подле Мод на коленки.

— Вы из Америки?

Мод кивает. Сойдет и Америка.

— Потерялись?

Она снова кивает. Глаза она закрыла. Когда открывает и поднимает взгляд, девочка улыбается. У нее не хватает переднего зуба, но ее красоты это не портит.

— Я Джессика, — говорит она. — Я вам помогу.

Не успевает Мод ответить, девочка встает и принимается раздавать указания, дети помладше разбегаются врассыпную, и затем один приносит пластмассовый мерный стакан с водой и кусок манго. Мод пьет воду, но впихнуть в себя манго не в силах. Дети наблюдают, потом один забирает стакан, и Мод поднимают — старшая девочка, Лея и еще две девочки, явно двойняшки, чернокожие девочки с сияющими потрясенными

---

[45] Примечания: 45
Привет *(португ.)*.

мордочками. Они взгромождают Мод на ноги. Она закидывает руку старшей девочке на плечи, и они пускаются в путь, ковыляют к ближайшей арке.

В доме по деревянной лестнице взбираются в коридор или на галерею, откуда три незастекленных окна из-за приоткрытых ставен смотрят на зады и затоплены светом. Против окон — четыре или пять дверей, и старшая девочка открывает первую, прямо у лестницы.

— Это моя комната, — говорит она. — Можете пожить здесь.

Комната маленькая и непритязательная — у стены узкая кровать, под окном стол и стул. Окно, как и в коридоре, закрыто зелеными ставнями, но не застеклено.

Мод садится на кровать. С ней творится жизнь; ей роли не досталось, или же роль у нее — как у библейских слепцов, безумцев и расслабленных, которых спускают в дом через кровлю[46] или походя касаются целительной рукой.

Маленький мальчик с превеликой осторожностью приносит полтазика воды.

— Спасибо, Калеб, — говорит старшая девочка

---

[46] Примечания: 46
Мк 2:3–4, Лк 5:18–19.

по-английски — может, чтобы Мод поняла.

Мальчик ставит тазик, слегка расплескав воду по половицам. Босой мальчик в желтой летней рубашке, в красных шортах до колен. Судя по лицу, в роду у него не обошлось без индейцев.

— Пялиться невежливо, — говорит девочка, и хотя трудно сказать, понимает ли мальчик, коечто — этот тон юной директрисы — он все-таки улавливает, опускает глаза, уходит. — Можете умыться, — говорит девочка. — Дети вас не обеспокоят. Я посажу Лею снаружи. Когда понадоблюсь, пришлите ее за мной.

Мод кивает.

— Больше ничего не нужно? — спрашивает девочка.

Она уходит, а Мод сидит, смотрит, как дрожат ноги, как худы ноги. Она не умывается, не раздевается, не снимает кроссовки. В конце концов ложится. Чует девочку в шершавом постельном белье, чует и себя, горечь своей кожи или горечь, что поднимается откуда-то из нутра. Снаружи перекликаются дети, и оклики их — как крики, уханье и болтовня леса. Мод слушает. Наверняка вот-вот мужчина или женщина, взрослый, ясный, разумный голос заговорит, перекрывая детский щебет, Мод услышит тяжелую поступь на лест-

нице и приготовится поведать свою историю.

Мод слушает. Ждет.

Спящая Мод — как ребенок, к которому родители входят, не опасаясь разбудить. Привратница Лея в обмен на мелкие подарки по одному пускает к Мод лучших друзей. Все ее друзья — девочки; мальчикам, конечно, хода нет. И семилетняя чернокожая Дженна стоит в ногах узкой постели, воображая себя младенчиком. И Бетани, бледная, как и Лея, набирается храбрости, склоняется над Мод, рассматривает грязное лицо, обломанные ногти, надпись на руке, почти понятную, только не совсем. И восьмилетняя Саммер, курносая и кучерявая, не знает, двадцать пять лет этой женщине или пятьдесят пять, и недоумевает, зачем у женщины на шее веревка с детской заколкой.

Джессика тоже заглядывает и, как и младшие дети, стоит над спящей женщиной, но в ее гримасе чередуются нечто похожее на испуг и нечто похожее на облегчение, невероятное облегчение. Вечером она укрывает Мод одеялом, над ее головой возносит ладони и бормочет несколько слов, шепотных и пылких.

Внизу Джессику ждут другие дети. Они пристают с вопросами, виснут у нее на руках, тянут за подол платья в горошек. Джессика мягко от

них отбивается и по двору шагает в церковь, по темному среднему нефу идет к двери за алтарем.

Открывает дверь; за дверью мальчик. При свете заводных фонарей он возится с коробками на скамье, и пока не заканчивает, девочка стоит очень неподвижно. На мальчике мешковатая клетчатая рубаха и пара джинсов, перепоясанных туго и неловко, как девочкино платье. Комната побелена, прямо над головами детей — окошко. Стол на стальных ногах, железный картотечный шкаф, пара офисных кресел из гнутых стальных трубок, календарь за 2007 год открыт на декабре, на фотографии с заснеженными горами.

— Она так и спит, — говорит Джессика. — По-моему, у нее жар. Может, дать ей что-нибудь?

— Например что?

Девочка пожимает плечами:

— Ибупрофен?

Мальчик над ней смеется.

— Ты у нее в рюкзаке смотрела? — говорит он.

3

В часы ночных вахт расцветает делирий. Регулярно навещает старый Ролинз, воплощением ночи горбится в изножье, освещен только звездами, но ни с кем не спутаешь. Вроде рад видеть Мод, но его беспокоит, как он выражается, тактика. Грудь его булькает. Мод он называет Миннегагой[47], как в хижине Ниссена на автостоянке школы для мальчиков, где проходили тренировки. Посмеивается. Я тебе, спрашивает, рассказывал про свою собаку? Про собаку мою, Леди? Один, говорит он, садясь прямее в своем тренировочном костюме и выкашливая себе дорогу к песне, один — сиротливее всех[48].

В другой раз она слышит за дверью родителей, пронзительные перешептывания, и даже откуда-то просачивается теплый пластмассовый шорох ламинатора.

---

[47] Примечания: 47

Миннегага — персонаж эпической поэмы «Песнь о Гайавате» (*The Song of Hiawatha*, 1855) Генри Уодсворта Лонгфелло, возлюбленная Гайаваты, ближе к финалу поэмы умершая от голода суровой зимой.

[48] Примечания: 48

Цитата из песни Гарри Нилссона «Один» (*One*, 1968), которую исполняли многие музыканты, помимо Нилссона, от группы *Three Dog Night* до Эйми Манн.

Другие голоса, говорят с ней или о ней. Белла говорит: Чем угодно. Только скажи. Кадровичка говорит: С учетом ухода за совсем маленьким ребенком.

Последний голос — человек с тендера в Фалмуте, или человек с тендера превращается в седобородого капитана Слокама, наклоняется над кормовым релингом «Спрея» и настойчиво, напряженно вопрошает, куда Мод идет. Ей не хватает вдоха крикнуть ему в ответ…

Потом она спит, но снова просыпается еще затемно. Укрыта одеялом; спихивает его до пояса. Футболка липнет к коже между грудей, волосы на лбу влажны. Мутит, но стошнит вряд ли. Долгие минуты с какой бы то ни было реальностью ее связывает лишь звон москита где-то у окна. Потом вступает что-то еще (словно из пустой трубочки комариного горла), и от этого звука Мод вспоминает, как в детстве лежала в постели ночами, когда палили на полигонах, — рокот артиллерии и бомбы, барабанная дробь, которая заглушала все — ночной автобус, соседский телевизор, — не из-за того, что долетала в суиндонскую спальню, не растеряв мощи, но из-за того, чем была при зарождении, — силой, вскрывавшей склоны холмов. А здесь? Здесь это, наверное, гром или фо-

кусы моря. Мод затаивает дыхание, поворачивает голову, вслушивается, вслушивается и в конце концов уже не понимает, слышит ли взаправду или звук сохранился лишь в голове.

Когда она просыпается в следующий раз, на стене против окна томится брус солнечного света. Мод садится, полминуты недоумевает, отчего она не на яхте, и, постанывая, спускает ноги на пол.

Умывальный тазик, который принес мальчик — вчера? два дня назад? — так и стоит у кровати. Мод зачерпывает обеими руками, пьет, потом раздевается и приседает возле тазика помыться. Поскольку полотенца не видать, вытирается футболкой. Сороконожная сыпь пошла волдырями — четыре, пять водяных пузырьков. Ступни сзади стерты в кровь. На руках, на ногах, на кистях тонкие порезы, но ни один не воспалился. В целом, пожалуй, все лучше, чем можно было опасаться, хотя от боли в ребрах — о которой ребра напоминают, едва Мод встает, — она по-прежнему замирает, по-прежнему ахает.

В изножье кровати висит гора одежды. Кажется, когда Мод ложилась, никакой одежды не было. Она эту одежду перебирает. Нейлоновое платье — Мод для него недостаточно высока и толста. Нейлоновая комбинация, белая нейлоновая блуз-

ка, бежевые брюки, в которые, по талии судя, влезут две Мод. Для ношения пригодна только плотная рубашка из линялого синего хлопка — мужская, конечно, и, вероятно, попавшая сюда по ошибке, прокравшаяся в груду тряпок, которую тащили из гардероба, из глубокого ящика. Рубашка почти достает Мод до колен, но если подвернуть рукава, в ней удобно и прохладно.

Мод выходит (босиком) и в коридоре толкает ставни на окне против своей двери. Окно выходит на сушу, а справа, в сотне ярдов, — участок за стеной, где-то с пол-акра. Видны вспаханные грядки, низкие деревца, увитые зеленью шпалеры. И головы трех или четырех детей — один с вилами выше него, гораздо выше, другая с мачете на плече, точно с палашом. За садом — низкий купол водяной цистерны, а сбоку шеренга пальм, чьи стволы вылепил морской ветер.

Слегка высунувшись, слева Мод видит одноэтажную мазанку: стайка кур проводит раскопки в пыли у открытой двери, маленькая девочка сидит на корточках в тени дома — кажется, беседует с петухом. Высится флагшток, где не развевается флаг, валяются детали разобранного трактора, полоса рыжей земли, как та, по которой Мод шагала в первую ночь, почти четко по прямой

уходит к низким округлым холмам. Домов вдали нет, телеграфных столбов нет. Ничего похожего.

Она спускается по лестнице в просторную комнату, перекрестно обстреливаемую светом из арок, — одна сторона ярче другой. В дальнем углу длинный стол, вдоль стены полки, где своим внутренним тусклым светом мерцают тарелки и чашки. На полу — земляном — между стульями ищет чем поживиться зверь, которого Мод принимает за кошку. Завидев Мод, он трусит к ней на быстрых лапках, задрав хвост; нет, не кошка — с кошку размером, но смахивает скорее на обезьяну или даже на мохнатую свинку.

Мод выходит в арку и, прикрыв глаза ладонью, глядит в море. К берегу подходит лодочка — плосконосая, под грязно-белым латинским парусом. Мод видела такие лодки на картинках, знает, что такое судно характерно для этих берегов, называется «жангада». Лодка входит в прибой, одинокий матрос спрыгивает в воду и ведет лодку на берег, как лошадь, затаскивает на песок. Теперь видно, кто это, — мальчик постарше, который смотрел от церковных дверей, когда Мод только пришла. Из ящика на палубе (эта лодка — почти плот) мальчик достает двух крупных красно-коралловых рыбин. Свистит, и миг Мод

раздумывает, не ей ли, но затем мимо нее бегом проносится ребенок — мальчик вряд ли старше лет пяти, — на бегу взбивая пятками песчаные фонтанчики. Он забирает рыбин, руками держит за жабры. Тяжеловаты, но он справляется — еле-еле, — сосредоточенно хмурится. На ходу косится на Мод и уносит рыбин по тропинке солнечного света между церковью и домом с арками.

Мод поджидает старшего мальчика. Тот наверняка ее заметил, но шагает по краю пляжа и поворачивает от моря к церкви лишь за деревом, что растет на границе песка и рыжей земли. Мод срезает путь мимо церкви и нагоняет мальчика у крыльца трейлера. Это неожиданно — вдоль дальней стены церкви на побелевших от соли шлакобетонных блоках стоит громадный трейлер. Мод таращится на трейлер, на пластмассу и металл трейлерного бока, сильно побитые солнцем, затем переводит взгляд на мальчика:

— Ты говоришь по-английски?

— Конечно, — отвечает он.

На нем футболка размера на два меньше, чем нужно, живот между подолом футболки и поясом шортов туг и коричнев. Руки до локтей блестят рыбьей чешуей.

— Я пришла на яхте, — говорит Мод. — Поте-

ряла мачту в шторм. Оставила яхту у берега, вон там. — Она показывает, надеясь, что не ошиблась направлением. — Ты ее видел?

— Нет. — Он то и дело стреляет глазами на ее рубашку. Чем-то рубашка ему не нравится.

— Она красная, — говорит Мод. — Красная яхта.

Он кивает и уже хочет уйти в трейлер.

— Поищешь?

Он опять кивает.

— Что у вас здесь такое? — спрашивает она.

— Ковчег, — отвечает он.

— Ковчег?

— Да.

— А кто следит за детьми?

— Их сейчас нет, — говорит он.

— А когда вернутся?

Он пожимает плечами:

— Скоро.

— Сегодня?

— Скоро, — повторяет он и отворачивается, открывает дверь и уходит в трейлер.

Она так и стоит, этот трейлер разглядывая; пожелтевшая наклейка над дверью гласит: «Десять заповедей — не многовариантный тест». Непонятно, стесняется мальчик или почему-то

злится на Мод. Она отворачивается, смотрит на пляж, где на песке лежит его лодка. Если взять ее сейчас и поплыть, отыщется ли «Киносура»? И если отыщется — что тогда? «Киносура», конечно, пострадала (и не весь ущерб очевиден или даже виден), но Мод по-прежнему считает, что яхту можно спасти, что на хорошо оборудованной верфи ее подлатают за несколько недель. Чем этой гипотетической верфи платить — конечно, вопрос. На счету у Мод, пожалуй, тысяча-две, не больше, даже если она найдет способ добраться до своих денег (здесь, где она пока не нашла даже фермы, не говоря уж о банке).

Она идет к церкви, шагает в дверь. Прохлада внутри — словно вечер, и такой же сумрак. Скудный свет — свет из двери и побитых окон в вышине — мелкими лужицами ложится на плиточный пол, ломкими решетками трепещет на серых стенах. Скамей нет, лишь под кафедрой полукругом толпится дюжина стульев как из заброшенной классной комнаты. Сама кафедра — из какой-то мелкозернистой, изъеденной червоточинами древесины, и Мод как будто различает в ней корабельные тимберсы — кафедра вполне могла быть деталью судна, сооружена людьми, которые по прибытии разобрали его на

части, никуда не планировали возвращаться.

Она идет по кругу вдоль стен, щурясь на мемориальные таблички. Самая ранняя, какая ей попадается, — 1658 год, самая поздняя — 1780-й. Плетение поблекшей латыни; какие-то картинки, в том числе, кажется, кит. Португальские имена — точно столы, перегруженные столовым серебром. Есть и другие — видимо, слуг или рабов. Почти все — и рабы, и хозяева — умерли молодыми.

От дверей церкви Мод направляется к дереву. Манговое дерево, в кроне угощаются двое попугаев ара. Мод смотрит на них, а они склоняют набок желтые лица, смотрят на нее, не отрываясь от еды. Мод сворачивается клубком в тени дерева и засыпает. Когда просыпается, рядом сидит старшая девочка.

— Вы все спите, спите и спите, — говорит она. — В жизни не встречала таких усталых.

Для начала они проясняют, как зовут Мод, и Джессика научается говорить «Мод», а не «Мор». Потом Джессика сообщает, где они находятся, хотя у Мод складывается впечатление, что географию девочка знает в основном по рассказам и четкой карты в голове у нее нет. Джессика задает вопросы, и Мод объясняет про яхту, про переход,

про шторм, про высадку на берег. Оказывается, всему этому вполне вольготно обитать в пределах горстки простых предложений.

— Я говорила с мальчиком, — сообщает Мод. Показывает на трейлер.

— Тео, — отвечает Джессика.

— Он сказал, людей, которые за вами присматривают, сейчас нет. Что они не здесь.

— Папа, — поясняет Джессика. — Это он про папу.

— Папа? Ваш отец?

— Он для всех нас был папа.

— Куда он уехал?

Девочка пожимает плечами:

— В Хантсвилл, наверное.

— Куда?

— В Хантсвилл. В Алабаму.

— Он из Америки?

— Была еще мама, — говорит девочка. — Но она отошла.

— Умерла?

— Да.

— А папа уехал?

— На вас его рубашка, — говорит девочка.

— А у тебя мамино платье?

— Да, — отвечает Джессика, оглядев себя и ле-

гонько погладив ткань.

— Мальчик, — говорит Мод. — Тео. Он сказал, папа скоро вернется.

— Ну еще бы, — отвечает девочка. Улыбается: — Он вернется.

— А телефон у вас тут есть?

— Телефон у папы.

— Он забрал телефон?

Девочка кивает, опять улыбается.

— Папа мастер, — говорит она. — Он починит вам яхту.

— Английскому тебя папа научил?

— Папа и мама.

— Давно ты здесь?

— Ой, очень давно.

— А Тео?

— Да, — говорит девочка. — И Тео. С младенцев. С маленьких младенцев.

В Ковчеге главная трапеза под вечер, в последний час до темна, и Мод впервые видит всех детей вместе. Они собираются на звон козьего колокольчика и рассаживаются за столом между арками. Всего четырнадцать детей, самому маленькому мальчику четыре года. Все, похоже, знают свои места.

Мод сидит во главе стола со старшей девочкой.

Мальчик Тео напротив. Едва он появляется — тихо шагнув сквозь крайнюю арку, словно сходя — невозмутимо, истым философом — из мира света (пляжа) в их мир сумерек и сумрака, дети почтительно умолкают. Еду стряпали последний час в кирпичной жаровне на задах. Рыбин с обугленной розовой кожей выносит и быстро, умело режет Джессика. На столе сладкая кукуруза и батат, плошки риса, вязкие несоленые хлебные лепешки, листовой салат (шпинат какой-то?).

Прежде чем приступить, все склоняют головы, а Тео произносит благословение:

— Отец наш небесный, благодарим Тебя за эту пищу, что питает наши тела. Пожалуйста, очисть ее от скверны именем Иисуса.

Присутствует и зверек, которого Мод приняла за кошку, — Джессика объясняет, что это коати. Тео шугает его от стола, потом кидает ему кусок батата, и зверек ест, чутким носом ворочая еду в пыли. Всю трапезу дети смотрят на Мод, сколько достает храбрости. Снаружи, за арками тень дома тянется к пляжу. Никто не приходит, никто не уходит.

После горячего фрукты: манго и что-то похожее на красные бананы — может, и впрямь бананы. Потом Джессика выходит из-за стола и, выдержав

театральную паузу и смущенно улыбнувшись Мод, за веревку тянет кольцо люка в полу, спускается в подвал с заводным фонарем и спустя две минуты возвращается с банкой печенья. Каждому выдают по печенью — угольно-черному «Орео», — а затем банку закрывают и возвращают куда-то в подпол. Ужин завершается вторым благословением. Дети несут тарелки к железному чану, куда Джессика льет воду из кастрюли, гревшейся на углях жаровни. Каждый сам моет свою тарелку, чашку, вилку и ложку. Трое с полотенцами — среди них Лея — отвечают за вытирание. Еще двое носят чистую посуду и под приглядом Джессики расставляют по полкам. Распоряжений никто не отдает; все сами знают, что делать. Когда заканчивают, от солнца остается лишь узенькая полоска бледной голубизны на горизонте.

Затем Джессика ставит стул на люк, заводит фонарь, садится и ставит фонарь на полу перед собой. Это сигнал. Дети воробьиной стайкой рассаживаются у ее ног: лица тех, кто впереди, выгравированы светом, те, кто позади, почти незримы.

Джессика приступает к истории — про Иону и кита. Рассказывает по-английски, хотя порой в речь затесывается слово или краткое пояснение

по-португальски. Мод, чьи познания в Библии сопоставимы с представлением о некоторых городах — определенные районы точны и даже подробны, а вокруг все во мгле, — не знает, пересказывает девочка написанное или собственную версию. Мод приседает на край стола, а едва кит выплюнул Иону на берег, смотрит в арку на пляж и видит уголек сигареты. На несколько секунд решает, что это, наверное, папа, что он вернулся, как и ожидали. Но затем уголек по дуге летит в море, и она видит, как к церкви или к трейлеру бредет силуэт мальчика.

История завершается. Детей готовят ко сну, или они готовятся сами, группками отбывают в нужник под садовой стеной или умываются самодельными мочалками, чистят зубы щеточками. Джессика говорит Мод:

— Я им каждый вечер рассказываю историю, но они все это уже сто раз слышали. Вы знаете какие-нибудь истории? Может, как-нибудь вечером расскажете?

Она зовет Мод укладывать детей, и вместе — Джессика несет фонарь — они поднимаются в коридор, заходят в спальни, где дети лежат по железным койкам, по четверо или пятеро в каждой комнате, маленькие вперемешку со

старшими. Дети поднимают головы, смотрят на фонарь, на Джессику, на Мод. Кое-кто обнимается с драными мягкими игрушками. Кое-кто желает доброй ночи по-английски. Один мальчик, когда Мод проходит мимо, кричит:

— Пока, мама! — и сразу прячется под простыней.

Внизу Мод спрашивает, где будет спать Джессика, и та отвечает, что перебралась в трейлер, пусть Мод живет у нее в комнате сколько хочет. Пусть это отныне будет ее комната.

— А Тео ночует в трейлере? — спрашивает Мод.

— Трейлер большой. Места полно.

— Там жили мама с папой?

— Был один год, папа пригнал трейлер. Из самого Хантсвилла.

Фонарь притягивает облако насекомых. Одни белокрылы, похожи на призраков; другие причудливы, балетны. Девочка показывает Мод, где хранятся фонари — висят на гвоздиках между двумя арками. Джессика выключает свой фонарь, и на миг они с Мод друг для друга незримы, а потом белые стены начинают светиться, и девочка уходит, уронив «спокойной ночи» и пальцами легко коснувшись локтя Мод.

Та идет в другую сторону, к нужнику. На тропинке — медленные зигзаги, зеленые огни светлячков. В нужнике четыре кабинки с распашными дверями, как в салуне на Диком Западе. Внутри тоже летают зеленые огоньки. Сами туалеты — как Мод уже успели гордо объяснить — компостные, высохший гумус используется в саду.

Выйдя из нужника, она слышит глухой звон толкающихся коз, но не знает, где козы ночуют, и разглядеть не может. Смотрит на тропинку — что будет, интересно, куда попадешь, если зашагать по ней к холмам, от которых сейчас осталась лишь беззвездная тьма под тьмою, усеянной звездами. Карт в Ковчеге не попадалось. Может, и нет никаких карт — или они путешествуют вместе со взрослым, с папой.

Она идет назад сквозь тучу светлячков, мимо курятника, в арку. Нащупывает дорогу к баку с водой, пьет воду — на вкус как железо, — трет зубы пальцем и поднимается к себе по стертым деревянным ребрам ступеней. Папину рубашку не снимает, прямо в ней залезает под одеяло, погружается в сон без сновидений — и спустя несколько минут просыпается, потому что за стенкой плачет ребенок. Рыдания заглушает чей-

то голос, чей-то яростный шепот, и наконец слезы утихают. А после ничего, только шорохи океана.

Утром Мод снова встает последней. Странно: столько детей прошли мимо ее двери, но не разбудили. Им что, велено ходить молча и босиком, дабы чужачка, спящая женщина (женщина, которая выступила — должно быть, воображают они — из вод морских во исполнение пророчества, о котором они даже не слыхали) проснулась, когда сама пожелает?

Внизу открыт подпол; Мод заглядывает и видит железную лестницу — как будто трап в судовое машинное отделение. Внизу в луже света появляется Джессика, и хотя ступени круты, она взбегает ловко — в одной руке заводной фонарь, в другой большая кастрюля риса.

— Хотите посмотреть? — спрашивает девочка. Ставит кастрюлю на край стола и снова спускается в подпол, а Мод следом за ней. Внизу просторнее, чем воображалось, футов пятнадцать на десять, и высоко — можно выпрямиться во весь рост, даже если ты выше Джессики, выше Мод. На ум тотчас приходит сокровищница Рэтбоунов — странный вывих мысли, который словно разметывает Мод тонким слоем по всей Атлантике, — хотя здесь на полках не акварели

и не африканские маски, а шеренги консервных банок, пакетов, коробок с ярлыками. Мод идет за фонарем — какао «Хершиз», калифорнийские оливки, гамбо с красной фасолью, кукурузная каша быстрого приготовления, смесь для оладий, печенье «Орео», «СпагеттиОс». Есть даже сигареты, четыре блока «Лаки страйк», три еще в обертке, четвертый полупустой. У дальней стены лари с рисом, сухой фасолью, мукой, оплетенные бутыли кукурузного масла, красного пальмового. Полных емкостей нет — битком набитых полок нет, — но даже без сада за стеной и рыбы, которую ловит мальчик, этого провианта детям хватит на много месяцев.

Между ларями — дверь в дальнюю комнату. Банки с побелкой, бухты кабеля, ножовки, сверла. А также школьные тетрадки, коробки разноцветных мелков, карандашей. У дальней стены генератор — над ним с потолка бледными корнями свисают провода. Мод приподнимает одну из стальных канистр.

— Солярки нет, — говорит Джессика. — Давным-давно нет солярки.

На полке возле генератора — какой-то аппарат, прикрытый черной бархатной тряпкой. Под тряпкой Мод обнаруживает кинопроектор «Белл

и Хауэлл» формата «супер-8», на вид ухоженный, стекло и сталь поблескивают ярко, точно скальпели.

— У нас даже есть кино, — говорит девочка и лучом фонаря указывает на груду тонких коробок на полке над проектором. — Мы скучаем по кино.

Они выбираются наверх. Их поджидает коати. Обнюхивает, обмахивает грустными смоляными глазами. Джессика захлопывает люк, запирает навесным цифровым замком — стержень в прочной скобе.

— Сказать вам цифры? — спрашивает Джессика.

— Мне незачем знать, — отвечает Мод.

Девочка падает было духом — ее ни с того ни с сего осадили. Затем опять веселеет:

— Дети сейчас поедят. И мы тоже. Потом у нас уроки. Хотите преподать детям урок?

— Урок?

— Ну да. Как в школе.

— И что я им буду преподавать?

Девочка смеется:

— Вы же взрослая. Вы много всего знаете.

— Они все понимают по-английски?

— Одни больше, другие меньше.

— Мама с папой учили.

— А потом мы с Тео.

— Что случилось с мамой?

Девочка пожимает плечами:

— Змея укусила.

— Змея?

— Папу кусали три или четыре раза, и он даже к врачу не ходил.

— А мама пошла?

— Тут нет врачей, Мод.

— Она здесь похоронена? Могила у нее здесь?

Девочка машет рукой на среднюю арку — могила, видимо, дальше по тропе.

— Папа выбрал место. Всю ночь строил ей гроб. Сказал, хоть она и умерла, это не значит, что он ошибался.

— Насчет чего? — спрашивает Мод.

— Ну, — говорит Джессика и берет козий колокольчик, и руки ее (без колец, как и у Мод) — словно руки совершенно взрослой женщины, — насчет всего, наверное.

После еды все собираются в тени манго. Мод спиной к стволу, дети перед ней полукругом — все, кроме двух мальчиков, чье отсутствие не объясняется, и Тео, который ушел рыбачить. Мод учит детей: как дышит тело, легкие — это как

бы мешки, и в них такие мелкие структуры, как корни у растений, а кислород разносится кровью, и сердце гонит ее по сосудам, а воздух, который мы выдыхаем, — не такой, какой мы вдыхаем. Она их учит: дерево — например, манго — тоже дышит, и происходит это, потому что оно получает энергию от солнца. Погружаясь в состояние, параллельное сну, Мод слышит себя, слышит свое повествование о клеточных мембранах и смотрит на детей, а те заслушались, будто им рассказывают про Златовласку и медведей. Говорит она двадцать минут. В конце Джессика хлопает в ладоши, и дети тоже.

— Вы хорошая учительница, — говорит Джессика, когда младшие разбегаются.

— Я раньше никогда не учила детей, — отвечает Мод.

— Очень хорошая учительница, — говорит девочка.

— Спасибо, — отвечает Мод.

— Хотите завтра повторить?

Днем Мод находит детей, пропустивших ее урок про дыхание. Она гуляет — сначала по пляжу, в ту сторону, куда еще не ходила, затем прочь от моря, через пампасные травы и остатки давно исчезнувшего поселения, с килями разрушенных

домов и, кажется, абрисом бывшей улицы. Прогуляв почти час, она выходит к церкви, к задней стене, и к стене этой привалилась хижина или загон, с косой жестяной крышей и двумя сетчатыми дверями в деревянных рамах. Мод подходит глянуть, что за зверя там держат, и находит детей, мальчиков лет восьми, которых видела накануне за ужином. Имен она не знает. Один — чернокожий, с рыжей шевелюрой. Другой бледненький, голый, не считая трусов или плавок. Опустившись на корточки перед сеткой, она видит, что глаза у него порозовели, веки воспалены.

— Вы почему здесь? — спрашивает она, но ответа не получает. На щеках у них, в грязи их щек слезами промыты дорожки — впрочем, слезы давно высохли. Оба смотрят на Мод, и в глазах у них нет уже ни обиды, ни страха. Они как машины в режиме экономии энергии.

Двери заперты на стальные болтики. Мод вытаскивает болтики и открывает двери.

— Можете идти, — говорит она, но мальчики не двигаются. — Ничего страшного, — прибавляет она и, решив, что их останавливает ее присутствие, выпрямляется, огибает церковь, минует трейлер и выходит под манго, как раз когда жангада под легчайшим бризом подходит к берегу и

старший мальчик, заметив Мод под деревом, а может, и не заметив, ступает в прибой.

Вечером за столом он не появляется. Благословение произносит Джессика. Дети нервны, неспокойны. Всю трапезу поглядывают на Джессику, поглядывают на Мод, потом поглядывают на угольки на пляже.

— Он злится, — говорит Джессика, когда дети уложены. — Кто-то открыл *forno*[49].

– *Forno?*

— За церковью. Когда дети плохо ведут.

— Это я открыла, — говорит Мод.

Джессика кивает:

— Я знаю.

— У одного мальчика воспалены глаза, — говорит Мод. — У вас есть капли?

Девочка пожимает плечами:

— Папа говорит, лучшее лекарство — молитва от чистого сердца.

— Ему нужно глаза промывать, — отвечает Мод.

— Иисус исцеляет, — говорит девочка, но, похоже, слушает.

Они вместе выходят наружу. Теплая, душная

---

[49] Примечания: 49
Зд.: пекло, печь *(португ.).*

ночь, беззвездная и очень темная.

— Хорошо бы покурить, — говорит Мод. — Можно мне сигарет из кладовой?

— Из кладовой?

— Где вы еду храните.

— А, конечно, — радуется Джессика. — Я сейчас принесу.

Мод идет к морю, к шороху моря. Когда серый подол моря подползает и уже зрим, она снимает рубашку, снимает трусы, сворачивает и кладет на сухой песок. Тело — скудный светильник, что ведет ее в воду. Пеший путь долог, а потом море подбирается к бокам и можно лечь и поплыть. Ребра болят при каждом гребке — мускулы там будто съежились, натянулись, — но Мод плавает четверть часа, затем ложится на спину, смотрит в черное зеркало неба, и вода плещется у нее в ладонях.

С прихода сюда, в этот детский дом, она проспала много часов, но все равно устала и подозревает, что от усталости этой уже никогда не избавиться до конца; такова теперь ее слабость — как сухая рука или парализованная ступня, — и надо учиться жить дальше с этой слабостью. Мод, надо думать, сможет научиться — она ведь только это и делает, нет? Это ведь и есть ее клеймо и

самость? Но если так, странно это внезапное желание застыть, капитулировать, отдаться зыби, что мягко вздымает ее и роняет, — пусть присвоит Мод насовсем.

Кто, что обнимало ее, как обнимает море?

Родители, наверное, в детстве обнимали. Обнимали, даже пели ей песенки. И она помнит дедушку Рэя — вспоминает не картинкой, но слабым плетением ощущений: его широченная грудь курильщика ходит ходуном, газовое пламя источает жар, дурманит их обоих…

Тим, конечно; и ей нравилось, и она не вдумывалась, хотя подлинное отдохновение пережила всего раз десять, ближе к началу, когда они друг от друга не хотели ничего, кроме взаимного присутствия.

Последним ее обнимал крановщик (как его звали, она не помнит). Грохот его сердца, грохот ее сердца. Минуты, откуда нельзя вовсе вычеркнуть нежность.

Это много? И другие вспомнят плюс-минус столько же? Мод не знает, не имеет представления. Такой вопрос, думает она, лучше задать профессору Кимбер, а та посмеется, усадит ее и скажет: «Мод, моя милая Мод, давай-ка по порядку…»

И она думает о профессоре Кимбер (красивые туфли на крупных ступнях, в волосах шелковая камелия, которую профессор иногда носила даже на работу), и тут слышит вблизи — хотя трудно судить, — как движется вода, и это не море вздыхает, и в голове у Мод пустеет, и все ее существо затвердевает нацеленной стрелой. Она опускает ноги и вглядывается. Что там такое? Она знает, что ночами охотятся акулы, у этого побережья акулы наверняка водятся, но на «Киносуре» она научилась чуять их, их приближение, и нередко поднимала голову за пару секунд до того, как они появятся. Вряд ли акула. Черепаха? Не тот сезон. Значит, дельфин или крупная рыбина, марлин или тунец, — явилась разведать, что за зверь бултыхается тут вместе с ним.

Мод стоит в воде, и течение прохладно; наверное, идет параллельно берегу, но сам берег невидим — куда ни посмотри, тьма кромешная, — и Мод уже не уверена, в какую сторону смотрит. Если сейчас поплыть, можно уплыть дальше от берега, а ошибку свою постичь, когда будет уже поздно.

И вот опять движение в воде — разворот, который Мод слышит и чувствует, дрожь, точно хлестнул большой хвост, и она готовится к

некоему контакту, крутится, крутится, не хочет оказаться спиной к тому, что плавает тут вместе с ней. Пульс подскочил, но паники нет — это еще не паника. Если бы хотело атаковать, думает она, атаковало бы, не выдав себя, и в голове проносятся сжатые, а возможно, и спутанные мысли, и одна из них — о том, что эта жизнь, которая ходит тут кругами, одинока.

А потом Мод слышит далекий оклик, имя ее прилетает к ней птицей, что летит по-над водою, кончиками крыльев при каждом взмахе касаясь волн. Вспыхивает слабая искорка, затем разгорается — заводится фонарь. Мод плывет, размышляя, не опоздала ли, хватит ли сил выбраться. Затем силы приходят, и она бороздит воду, густую, черную и зернистую, и наконец видит линию прибоя, повисшую во тьме, в пустоте, и ногами задевает ребристое песчаное дно. Попытавшись встать, она падает, и волна разбивается у нее над головой. Мод встает снова, нащупывает равновесие, через плечо оглядывается в море и шагает на сухой песок.

— Мод?

— Да.

— Ой, Мод, я испугалась.

— Я хотела поплавать.

Они с фонарем ищут ее одежду, находят. Джессика смущенно косится на наготу Мод, потом убегает в арку и возвращается с полотенцем. Мод вытирается и одевается. Они вдвоем идут по пляжу, садятся там, где песок мягок и еще хранит тепло. Сидят бок о бок. Фонарь выключен — он не нужен, Мод нашлась. Джессика протягивает ей пачку сигарет, и Мод сдирает целлофан, вытаскивает сигарету. Джессика подносит горящую спичку — краткая синяя вспышка, два синих лица безлики, как маски.

— Это папины сигареты?

— Да.

— Которые Тео курит?

— Да.

— Он рассердится?

— Папа?

— Тео.

— Тео всегда сердится. Он сердится с тех пор, как папа уехал.

Постепенно отступает холод купания. Над их головами плавает голубой сигаретный дымок. Бриза нет, и дымок не сдувает.

— Мод?

— Что?

— Можно спросить?

— Если хочешь.

— Почему вы носите эту штуку на шее? Она детская.

— Да.

— Вашего ребенка?

— Да.

— Дочери.

— Да.

— Мод?

— Что?

— Она отошла? — Что-то эдакое в голосе Джессики. Доброта, да — но и что-то еще, напряженное, извилистое.

— Да. Она отошла.

— Я такие вещи понимаю.

— Да.

— Вы сердитесь на меня?

— Нет.

— Как ее звали?

— Зои.

— Зои?

— Да, Зои.

— И вы поэтому были одна на яхте?

— Отчасти.

— Потому что было грустно?

— Да.

— Мод?
— Что?
— Что с ней случилось? С Зои?
— Попала в аварию.
— Вы были с ней?
— Нет.
— Она была одна?
— Она была с отцом.
— Он тоже отошел?
— Нет.
— А он не хотел с вами на яхту?
— Нет.
— Сколько ей было, Мод? Когда она отошла?
— Шесть.
— Вы, наверное, все время о ней думаете.
— Не все время.
— Она вам снится?
— Иногда.
— Мод?
— Что?
— А вы чувствуете, как она хочет с вами поговорить?
— Поговорить? Как она может поговорить?
— Ну, вы ее видите, Мод?
— Нет.
— А вам кажется, что вы ее *слышите?*

Девочка ждет. Она не дура, она девять лет прожила с мамой (мамины фортели, мамины фокусы), поэтому не дура. Она прислушивается — может, у Мод перехватит горло, сигарета упадет в песок, ну хоть что-нибудь. Ничего такого не происходит, и Джессика продолжает:

— Если бы папа был здесь, он бы вам помог.

— Помог?

— Он бы знал, как вам помочь.

— Как бы он мне помог?

— Мод?

— Что?

— Может, я вам помогу?

— Мне не надо от тебя помощи.

— Я бы очень хотела помочь, Мод.

— Мне уже не поможешь.

— Неправда, — с жаром отвечает девочка. — Неправда, вы просто должны захотеть. Вы ведь хотите?

С минуту, словно позабыв, чья очередь говорить, они молчат. Потом из темноты налетает внезапный бриз.

— Будет дождь, — говорит Мод, подставив бризу лицо, и еле успевает договорить — дождь начинается, крупные капли редкой россыпью падают вокруг в песок. Одна шлепается Мод на щеку,

другая на коленку. Мод и Джессика поднимаются, и тут дождь припускает взаправду — черная дождевая пелена гонит обеих бегом по пляжу, молотит им по макушкам, ослепляет.

Девочка и мальчик не влюблены, хотя мама с папой про это шутили. Девочка и мальчик никогда не целовались, им бы в голову не пришло показаться друг другу голыми. Поэтому мальчик пугается и не знает, что думать, когда Джессика в темноте садится к нему на постель и наклоняется, дождем с волос истекая ему на лицо, и волосы ее пахнут дождем, а лицо так близко, что мальчик чувствует ее дыхание.

— Чего? — спрашивает он. — *O que você quer?*[50]

— Женщина, — говорит она.

— Ушла?

— Куда ей идти?

— Чего тогда?

— По-моему, она здесь не просто так. Это замысел.

— Какой еще замысел?

— Не знаю, — отвечает девочка, — но, может, это для всех нас испытание.

---

[50] Примечания: 50
Чего тебе? *(португ.)*

4

Назавтра от дождя остаются лишь крапины цветов — они лезут из трещин в земле или из устий камнеподобных стручков, что накануне казались мертвыми. Море слегка сменило синий окрас, и, глядя в окно своей спальни (на полу у стола лужа), Мод догадывается, что там, где залив распахивается в море, зыбь высока. Воздух свеж, прохладен, но уже за полдень возвращается жара, цветы вянут, а древесные кулаки, что раскрылись, явив неуемные расцветки, запечатываются вновь.

Сегодня под манговым деревом Мод преподает Эволюцию.

— Представьте двух птиц, — говорит она. — Обе хотят одинакового корма, но у одной клюв, — она изображает клюв рукой, — удобный для такого корма, а у второй клюв другой формы, не такой удобный. Птица с удобным клювом набирается сил. Дети у этой птицы крупнее. Детей у нее больше, и в основном у этих детей тоже удобный клюв… Все меняется, — говорит она. — Все очень постепенно переходит из одного положения в другое, из одного состояния в другое. Птицы, го-

ры, реки. Люди, вот как мы с вами. Как вы. Как я. Очень постепенно…

Она роняет имя Дарвина, и после урока Джессика с улыбкой говорит ей:

— Дьявол Дарвин. Вот про *него* папа нам рассказывал.

Ночь на пляже они не поминают. Под вечер Мод помогает Джессике приготовить ужин. Они вместе идут в сад за стеной. Дождь омыл пыльную листву. Они рвут сладкую кукурузу, помидоры, горлянку, копают маниок. Разжигают жаровню, кипятят воду, приступают к стряпне. Потом раскладывают на столе вилки и ложки, расставляют чашки и тарелки. Приносят драгоценную солонку. На муке из подпола пекут лепешки. За работой чуть-чуть беседуют, в основном о нравах малышей, о разносторонней папиной мастеровитости, о том, как у него в руках отвертка казалась не больше булавки. Сестринская болтовня, вполне непринужденная, совершенно здравая. То и дело Мод идет под арку покурить, прислоняется к стене, протекают целые минуты, когда ничего не надо срочно добиваться. Едва все готово, Джессика протягивает Мод козий колокольчик. Та звонит, и, словно из постепенно остывающих складок дня, возникают дети. Толпятся, теснятся

вокруг Джессики. Самые храбрые подходят к Мод. Говорят:

— Здрасте, как дела? — и улепетывают, не успевает она ответить.

Рассаживаются за столом. Еда пахнет восхитительно — запахи пищи, о которой Мод порой грезила на яхте. Под столом шастает коати; забредают куры, и две девочки отправляются загонять их обратно в курятник, который кто-то забыл закрыть. Все ждут Тео. Поглядывают в арки, на пустой пляж, и Джессика уже хочет послать кого-нибудь в трейлер, но тут он появляется — Тео или же Тео в образе, вышагивает по пляжу мимо дома, мимо арок, мимо стола, затем разворачивается и идет в дом. Это игра, театральный этюд. Тео в костюме, в темном костюме — вообще-то черном. Черный костюм с белой сорочкой (бурые ноги босы). В отличие от всего, что Тео носил на памяти Мод, костюм сидит на нем идеально. Черный костюм. Смокинг с атласными лацканами. Тео останавливается во главе стола. Не садится. Обводит всех глазами. Дети молчат, молчит Джессика. Мод достается только взгляд мельком, словно она (сколько ему? лет четырнадцать?) еще не заслужила бремени его взора. Затем Тео лезет в правый карман пиджака, полной горстью доста-

ет и подбрасывает над столом красные лепестки, и красные лепестки падают, мерцая, и один жирной каплей крови убитого, что лежит этажом выше, приземляется Мод на тыл запястья.

Наутро она ждет на пляже, пока Тео выволочет жангаду в прибой, забредает в воду и взбирается на борт вместе с ним. Не сразу привыкает к норову лодки; затем они с Тео сидят рядышком, подтянув коленки к груди (мальчик переоделся в свое), а церковь, дом с арками, фигурки на пляже размываются до неузнаваемости и проваливаются в складки пейзажа. Мальчик с Мод не разговаривает — два-три слова, и все. Он прихватил с собой рыбацкое снаряжение — может, позже порыбачит. И две стальные канистры из подпола — они застояло, но неотвязно пованивают соляркой.

Пути до «Киносуры» — меньше двух часов. Марш-бросок Мод — по рыжей дороге и через лес — с высоты птичьего полета смахивал, должно быть, на запутавшуюся ниточку, а вовсе не на прямую, почти прямую, которую она воображала. Яхту слегка снесло, она проволокла якорь ярдов на восемьдесят по заливу, но на вид — издалека, во всяком случае, — ничуть не изменилась: судно, нагруженное своей историей, как будто подстре-

ленное судно, в котором, однако, по-прежнему узнается лодка, что приманила Мод в тот день на верфи с Камиллой.

Две крупные белые птицы сидят на крыше надстройки и взлетают, лишь когда пристает жангада. Мод залезает на палубу, принимает швартов жангады и крепит к утке. Мальчик ловко вспрыгивает следом.

Внизу воды по банки. Значит ли это, что лодка, говоря строго, утонула?

Мод спускается в кают-компанию, плещется там. Крутит ручку радио — еще одна окаменевшая жизнь. Выуживает из воды дневник капитана Слокама, кладет на штурманский столик. Слышит, как мальчик роется в рундуках кокпита.

В «гробу» до сих пор валяется спальник. Мод вытаскивает его и вешает на сходной трап; может пригодиться. Находит кое-что из одежды, кладет туда же; находит соломенную панаму — та плавает по кают-компании последней репликой утопшего денди. В гальюне затянутый шнурком мешок из ПВХ, внутри два флакона антибиотиков широкого спектра действия и крем-антибиотик, а также сотня американских долларов, скатанных в трубочку и туго замотанных в пленку, — Мод про них напрочь забыла. Она ищет зарядку от

мобильника, но зарядки нигде нет. Ни следа чемодана в кокпите, ни следа содержимого чемодана. Про чемодан она не спрашивает. Это трофей мальчика — награда за то, что отыскал яхту.

Они приносят с жангады канистры. Мод находит ключ от крышки топливного бака — висит в не самом безопасном и не самом тайном месте, в правом рундуке кокпита. В том же рундуке — удлинители для шланга. Один шланг — перекачать топливо; второй — вместе с первым засунуть в бак для продувки, чтоб не глотать солярку. Они наполняют обе канистры, спускают их на жангаду вместе со спальником, который Мод набила всяким разным, отдают концы и уходят. На борту теперь топливо, и загонять жангаду на берег приходится вдвоем. Они разгружаются; дети щупают спальник, промокшую книжку, одежду, даже старую панаму, которая по пути назад высохла у Мод на голове.

Экскурсия заняла полдня. Мод — как оно теперь водится после любых физических усилий — ищет внутри пока не открытые резервы энергии, не находит и, поев, отправляется к себе час поспать. Когда возвращается вниз, люк подпола открыт, и она спускается по железным ступеням, идет в дальнюю комнату, а там при свете двух завод-

ных фонарей по пояс раздетый мальчик сверлит взглядом генератор, в ярости сжимая кулаки.

— Не работает, — говорит он. — Солярка есть, а он не работает.

Возле генератора синий ящик с инструментами (из тех ящиков, что открываются, как механическая пасть, с двух сторон выдвигая лотки на шарнирах). Мод опускается на колени. За кинопроектор удирает ящерка-альбинос. Если генератор работал, пока не опустел бак, в топливных шлангах наверняка воздух. Мод ощупывает черные резиновые шланги, открепляет хомуты и стравливает воздух, пока на пальцы не сочится солярка. Мальчик наблюдает за Мод — за Мод или за ее работой. Она уже заметила, как он пышет жаром, — чувствуется, если стоять рядом. Она отворачивает гайку форсунки, включает подачу топлива, поворачивает ключ и запускает стартер. С топливным насосом все в порядке. Она затягивает гайку, в ящике находит тряпочку, вытирает пролитую солярку. Берет фонарь, светит на двигатель, ставит фонарь, отвинчивает топливный клапан, нюхает его, решает, что он, по всей видимости, сгорел. Рассказывает мальчику, что делает, объясняет, зачем нужен клапан, объясняет, что отныне придется выключать ге-

нератор, сбрасывая газ. Снова запускает стартер. Генератор оживает. Остальное мальчик знает и сам. Он подсоединяет висящие провода. Один из них — от вытяжного вентилятора (а он-то тут где?). Разговаривать приходится, повысив голос, хотя можно не кричать. Приходит Джессика. Радостно смеется. Генератор работает несколько минут, потом Мод выключает его и тряпкой вытирает руки.

Дети услышали генератор и почти все прибежали посмотреть, как Мод восстает из-под земли, какие у нее грязные коленки, как она надушилась соляркой, как правая рука у нее забрызгана соляркой — черной, как брызги букв на левой.

В Ковчег вернулось электричество, и теперь все ждут не дождутся темноты. Тридцать литров солярки в баке — часов сорок работы, а то и больше. Мод с пачкой «Лаки страйк» выходит на пляж, садится по-турецки, закуривает и смотрит на горизонт. От гудения генератора внутри нее что-то включилось. Она вспоминает, что на «Киносуре» есть аккумуляторы. Если их зарядить — хотя бы один, — тогда, говоря теоретически, можно запустить мотор, откачать воду, вдоль берега дотащиться до ближайшего порта. И все это у нее перед глазами, она живо видит эту картину,

прекрасно понимая между тем, что яхта уже никуда не пойдет, что яхте нужен не аккумулятор, а кран, и тут Джессика садится рядом на песок и говорит:

— Мы сегодня устроим что-то особенное. Ладно? Специально для вас.

— Если хочешь, — говорит Мод.

Джессика кладет руку ей на плечо, и, возможно, Мод мерещится, но девочка как будто дрожит. Они смотрят друг на друга; чуточку похоже на миг перед поцелуем, а потом Джессика вскакивает и бежит к дому, к Тео, который стоит в арке, светом и тенью разделенный надвое.

Ужинают в обычный час. Оладьи, печенье, даже немножко вязких мармеладок в форме разных простых предметов — часов, пистолетов. Потом Мод вместе с Тео спускается в кладовую и запускает генератор. Кинопроектор уже отнесли наверх и экран тоже — еще не раскатали, но он уже висит на стойке у подножия лестницы. Перегоревшую лампочку в проекторе поменяли. Выбрали фильм, заправили пленку. Дети постарше видели его уже много раз, младшие — раз или два. Все устраиваются на полу под экраном. Кое-кто не в силах сидеть смирно, и один мальчик в припадке воодушевления прыгает с ноги на

ногу, и его маленькая тень отдельным персонажем ложится на экран, и вскоре остальные тоже принимаются скакать, приплясывают и смотрят, как танцуют их тени, как дико они пляшут. Все рассаживаются, лишь когда экран распускается разноцветьем, — складывают руки, открывают рты. Внизу гудит генератор; они чувствуют его седалищными костями. На экране — ночное небо, нарисованное небо: «Сквозь снег и сквозь ужасный град, сквозь ураган, сквозь тьму летит, не ведая преград, хоть тяжело ему! Сквозь отблеск молний, сквозь грозу, над лесом и горой летит, не ведая преград, отважный наш герой!..»[51]

Аисты. Затем на парашютах по дуге спускается десант звериных младенцев. Мать Дамбо разворачивает сверток. Дамбо смотрит на ее ноги, затем выше, выше, выше, ей в лицо… Не только малыши смотрят так, будто перед ними разворачивается сама жизнь. Тео и Джессика тоже напружинились, впились глазами в экран, и даже Мод, привалившись к торцу стола, разглядывает богатство красок старого кино, светом явленное на свет. Вокруг кадра на экране все плоское, безмолвное — холщовый задник, не более того. Дети

[51] Примечания: 51
Пер. П. Гланца.

хохочут. Визжат, видя хаос, коварную шаткость, скорость, крики, пламя, полеты, всегда рискующие закончиться катастрофой. Фильм не долгий. Когда заканчивается, дети хотят сию секунду пересмотреть. Все кричат, умоляют, Джессика объясняет, что нельзя растратить всю солярку, целую ночь крутя «Дамбо», и тут нежданно-негаданно на экране возникает что-то другое, и дети умолкают. Им улыбается мужчина в клетчатой рубахе. В руке у него сигарета; он болтает, перешучивается с оператором, оператор ему отвечает, и так выясняется, что снимает женщина. Мужчине где-то за сорок — грузен и красив, волосы густы, черны, как антикварный телефонный аппарат, волной зачесаны надо лбом. Рокабилли. Сразу представляешь, как он танцует — и танцует хорошо. Он бодр и добродушен. Звук плохой, у мужчины густой южный акцент, но кое-что доносится четко. «Эй, Джинни, что на суше-то делать будем?» И женщина отвечает: «Я так думаю, обтекать». Мужчина говорит: «Пах к паху, киль к килю», а женщина в ответ смеется: «Ха-а-минь», — и мужчина смотрит в сторону, за кадр, и улыбка его тускнеет, и видно, какое крупное у него лицо и какой в нем сумрак. А потом все заканчивается. Пленка выскакивает

из лентопротяжного механизма. Тео выключает лампу, выключает мотор. Мод берет фонарь и спускается к генератору.

Когда дети ложатся спать, Мод снова идет плавать. В небе месяц, тонкий, как обрезок ногтя. Мод берет с собой полотенце. Не знает, где Тео с Джессикой, но ей, в общем-то, все равно, кто ее увидит. Горкой складывает одежду и заходит в воду. Сегодня далеко не уплывает. Убивает время, что-то такое. Плывет к месяцу, затем прочь от него. Когда выходит, на пляже никого. Отыскивает одежду, полотенце, вытирается, натягивает шорты и фуфайку, привезенную с яхты и высушенную днем на солнце. Выкуривает сигарету, идет по пляжу к дому. Там ни огонька — во всяком случае, ей не видно; Мод шагает в арку, во мрак, который гуще, чем снаружи, и в локоть ей вцепляется рука. Мод тотчас вырывается. Понимает, что это мальчик, чует его, чувствует его жар.

— Джессика в церкви, — говорит он. — Ждет вас.

На несколько секунд между ними повисает молчание, затем Мод говорит:

— Ладно, — и уходит, пересекает церковный двор, тянет на себя дверь и ступает в церковь.

У дальней стены горит одинокая свечка.

— Мод?

— Да.

— Вам видно?

— Да.

Она идет на свет. Джессика берет ее за руку и ведет в комнатушку, где стол и кресло, окошко и настенный календарь за декабрь 2007-го.

— Садитесь, — говорит Джессика, выдвигая кресло из-под стола на середину комнаты.

Мод садится. Джессика ставит свечу на пол. Девочка накрасилась. Мод еще не видела ее с макияжем. Джессика волнуется. Как девочка на свидании — на первом свидании.

— Не бойтесь, Мод, — говорит она.

— Я не боюсь, — отвечает Мод.

— Я же обещала, что вам помогу?

— Что ты будешь делать?

— Вы только раскройте сердце, — говорит девочка. — Можете? Можете раскрыть сердце, Мод?

Мод переводит взгляд на коробки под стеной, на скамье напротив окна. Три коробки — как для писчей бумаги, сверху дырочки, на крышках застежки с замком.

— Где Тео? — спрашивает Мод.

— Он сейчас придет.

— Что в коробках?

— Ой, Мод, — говорит девочка. — Я погашу свечку. — Она садится на корточки и пальцами гасит фитиль. — Подумайте о вашей дочке, Мод. Подумайте и раскройте сердце.

— Я пошла, — говорит Мод. — Я спать.

Джессика в темноте нашаривает, стискивает ее руки.

— Погодите, — говорит она. — *Пожалуйста*…

Поначалу очень тускло, но так внезапно, что Мод невольно ахает, у них над головами вспыхивает прозрачная лампочка. Мальчик запустил генератор. Свет разгорается. Вскоре входит и мальчик, быстро и беззвучно, затворяет за собой дверь. На нем чистая клетчатая рубашка. Не та, что была на папе в фильме, но очень похожая. На Тео, на его худом мускулистом теле она висит как на вешалке.

— Начинаем? — спрашивает он то ли Джессику, то ли их обеих.

Подходит к одной коробке (молодой лаборант, молодой церемониймейстер), быстро отпирает замок, а затем, медленнее, открывает крышку, заглядывает внутрь и снова закрывает, не запирая. Подходит к креслу, берет за руку Джессику, берет за руку Мод. Начинает молиться. Сыплются

тихие слова. Налезают друг на друга. Девочка смотрит на Мод, и лицо ее сияет, точно раннее утро. Трудно отвести взгляд.

Мальчик как будто собирается с духом. Голос громче. Мод встает. Неловко сидеть, глупо. Смотрит на них обоих, на одного и другого, на этих детей, которые взломали тайный чулан и нашли то, чего им находить не полагалось. Надо бы сказать девочке, чтобы смыла макияж. Надо бы отправить обоих в постель. Непонятно, почему она до сих пор этого не сделала.

Лампочка в прозрачной своей кожуре тускнеет и вспыхивает; тени размываются и снова твердеют, заостряются. Мальчик отпускает руку Мод. Подходит к коробке, кивает сам себе, открывает коробку и сует туда руку. Рука извлекает из коробки живой букет змей. Вот теперь Мод смотрит во все глаза. У змей узкие треугольные головы — какие-то гадюки. Мальчик нежно перекладывает их с ладони на ладонь. Глядит на них в экстазе. И все вполне реально. Мод слыхала о таком — о маленьких сектах на рукописном, безграмотном и далеком американском Юге, об упрямых потомках людей, что читали по слогам и у самого Христа вызвали бы неуютное содрогание, но равно понимание и даже восхищение.

Это папины змеи, папина наука или то и другое. Но ты подумай, какая мощь, как чутко эти дети ее улавливают. Змеи вяло, сонно извиваются. В руках у мальчика — медленный зеленый огонь. Девочка воркует. Прошлой Джессики нет — она стала кем-то иным. Накрашенное лицо (мамин макияж?) блестит по́том, горит паникой счастья, настоятельной, телесной, первобытной. Никакие грезы, никакие предвидения Мод к этому не подготовили. Выясняется, впрочем, что все происходящее вполне укладывается в ее диапазон.

Мальчик протягивает ей змей. Мод не отшатывается, но с дыханием случается что-то странное — оно перестает бродить туда-сюда в горле и стеклянным стержнем рушится куда-то к узлу нервов между ног. Она принимает у мальчика змей, погружает пальцы в змеиные извивы. Колыбель для кошки, вычесанная шерсть. Мальчик движется, словно актер в старом кино. Словно у него паркинсонизм, — словно он ребенок с болезнью Паркинсона. Мод держит змей. Не тяжелые. Сколько их тут? Пять, шесть. Не поймешь, где кончается одна и начинается другая. Девочка касается грудей, будто они ноют, затем возлагает руки на голову Мод. Мод отдает змей мальчику, а тот касается ими своего лба и укладывает их в

коробку. Все дальнейшее очень интимно, хотя, пожалуй, без невнятной болтовни этих детей не случилось бы. Мод садится на пол под лампочкой и плачет. Слезы вырываются изнутри, накатывают волнами. Из глаз, из носа, изо рта. Она окликает своего ребенка, бормочет ее имя. Зои, Зои… Мальчик и девочка на коленях стоят по бокам. Щебечут и гукают, гладят Мод по плечам, по голове. Все трое качаются, всех троих шатает. Все трое в лодочке, что дрейфует по воле волн. А потом все заканчивается. Мод чудится, будто лампочка погасла — перегорела, — но нет. Мальчик встает. Смотрит на Мод — клоун в большущей рубахе. Девочка тоже смотрит, но еще стоит на коленях, и взгляд у нее другой. Мод опускает глаза. На исподе бедра — густая кровавая паутина; кровь на шортах, кровь на полу. Мод трясет, но она умудряется встать. Из нее никогда так не текло. Она шагает к двери. Идет через темное нутро церкви, спотыкается о стул, бьется коленом, поднимается, добирается до двери и шагает не сворачивая, пока море не обнимает ее талию черной юбкой, расшитой лунным светом, точно нитями шелка.

5

Ночью она опять слышит грохот, будто вдали палит артиллерия. Слышит его на грани слышимости, но на сей раз уверена, что это не гром. Проснувшись на рассвете, долго лежит, разглядывая свет на стене. Снова плачет, но не исступленно; слезы текут по морщинкам в уголках глаз и отыскивают дорогу к горлу.

Ложась спать, она сделала себе прокладку, отодрав спину от футболки. Теперь смотрит в трусы, проверяет, не протекла ли на простыню, встает, натягивает джинсы (хлопок от соли заскорузлый, но сойдет) и спускается по лестнице. Она ужасно голодна и идет прямиком к буфету, где в контейнерах и старых жестянках из-под печенья хранится все, что не доели накануне за ужином. Съедает холодные жареные овощи, кусок лепешки, три маленьких плантайна, два помидора. Выходит к девочке, приглядывающей за курами, спрашивает, нет ли яиц, девочка дает ей два, и Мод разбивает их и выпивает сырыми. Из-за стены сада выходит Джессика. Здоровается; неловкость лишь мимолетна. Джессика сегодня как будто стала младше и, пожалуй, сама это

чувствует.

— Где Тео? — спрашивает Мод.

— Он в трейлере.

Мод идет к трейлеру и стучится, пока Тео не открывает. На нем только шорты.

— Отвезешь меня к яхте?

Он не смотрит на нее — не смотрит ей в лицо.

— Я устал, — говорит он.

— Ладно, — говорит она. Улыбается ему, но он уже отворачивается, затворяет дверь.

Мод возвращается в дом, находит Джессику и просит открыть подпол. Внизу доливает солярки в бак и выносит пустую канистру на пляж. Вряд ли управлять жангадой так уж сложно. Мод выволакивает лодку в прибой, забирается через корму. У жангады рулевое весло, из снастей — только грота-шкот, но первые двадцать минут Мод опасается, что зря так поступила, и вынужденно вспоминает навыки времен отрочества, клубных времен, когда ходила по Темзе на гоночных мелкосидящих «Лазерах» и «Файрболлах». И тем не менее церковь скрывается из виду прежде, чем Мод приспосабливается, понимает, как балансировать, как ставить плоский нос к волне, насколько круто к ветру держаться.

Когда добирается до «Киносуры», ветер почти

стихает. Мод идет вдоль борта, швартуется и залезает. Набирает солярки в канистру — там еще полно — и спускается в полузатопленную кают-компанию. За раздвижной дверцей в гальюне отыскивает тампоны, прихваченные из ванной в коттедже, спускает джинсы (стоя по колено в воде), распечатывает один и применяет к делу прямо на месте, мельком покосившись на себя в зеркало — лицо темнее волос, на шее белые полосы от риф-штерта.

В кают-компании она озирается — что бы еще взять? Как и в прошлый раз, все громоздит на верхней ступени сходного трапа, затем мелочи сваливает в два холщовых ведра, а остальное — в парусный чехол. Забирает судовой билет, регистрационное удостоверение и страховой полис (все в пластиковом конверте, а вода до него не добралась). Напоследок выдирает нахзац из справочника портов и карандашом, который выуживает из воды между банок и вытирает насухо, пока он не приходит в себя, набрасывает записку — сойдет за последнюю запись в судовом журнале, которого она не вела. «Меня зовут Мод Стэмп, я совладелец яхты “Киносура”. Я вышла из Фалмута, Англия, в конце мая 2009 года, потеряла мачту в Атлантическом океане и в результате

шторма отдрейфовала на юг...» Повествование ее кратко, а в конце она пишет номер телефона Тима и адрес Рэтбоунов. Поразмыслив, добавляет имя Криса Тоттена и адрес верфи. Цепляет лист на латунный крючок тросика, на котором висит занавеска в иллюминаторе над штурманским столиком, и уже лезет было по трапу, но тут под фотографией яхты видит прыгучий свет, бредет туда и вылавливает из воды то, что светится. Лампочка, подобранная в океане к югу от Азорских островов. «Дженерал электрик», шестьдесят ватт, колба не повреждена, нить накала цела. Мод вертит лампочку в руках. Почти боится ее. И почти ей улыбается, и подумывает взять ее с собой — этот предмет, гонца, несущего свою невероятную весть, — но кладет на воду и в последний раз взбирается по сходному трапу, опускает брандерщит и, три-четыре раза с натугой потянув, задвигает крышку люка.

Мальчик ждет ее на пляже. Вбегает в прибой, хватает лодку, забирает себе.

— Нельзя ее брать! — кричит он. — *Isso não te pertence!*[52] — Голос придушенный. Вот-вот разрыдается.

---

[52] Примечания: 52
Она не твоя! *(португ.)*

— Ты же устал, — отвечает Мод.

— Она не твоя! — кричит он. Хватает холщовое ведро и швыряет на пляж, раскидывая содержимое. Мод огибает нос лодки, подходит к мальчику.

— Прости, — говорит она.

Он сверлит ее взглядом, опускает голову.

— Она не твоя, — бормочет он.

Она вынимает из лодки другое ведро, вынимает парусный чехол, кладет на песок и на корточках собирает то, что выпало. Крики выманили на пляж детей, с церковного крыльца смотрит Джессика. Близко никто не подходит — а потом один ломает строй и по песку бежит к Мод. Мальчик с рыжей шевелюрой, которого она нашла в карцере, в *forno* за церковью. Он пугливо косится на Тео, потом хватает одно ведро и следом за Мод тащит к дому. Еще трое волокут парусный чехол. Словно голову великана, которого только что истребили у них на глазах.

Вечером кино не показывают. За ужином Джессика объясняет, что солярку надо экономить. Может, посмотрим другое кино на следующей неделе; зависит от того, как они будут себя вести, станут ли слушаться. Тео не произносит ни слова, кроме благословения перед едой. Едва трапеза

окончена, он уходит из-за стола. Атмосфера — в точности как в семье, где зашла в тупик родительская ссора.

Дети ложатся, а через полчаса Мод, прихватив заводной фонарь, поднимается к себе. По спальням она вместе с Джессикой не пошла. Она устала, выжата, издергана. Неужто отвыкла от менструации? Столько крови вчера было — она даже чуть не вообразила выкидыш. Она раздевается, натягивает папину рубашку, которая теперь заменяет ей ночную, и ложится на одеяло с дневником капитана Слокама. Почти все страницы склеились, а когда Мод их расклеивает, на ощупь они — как старые фальшивые деньги. Она прислоняет фонарь к изголовью и читает случайные абзацы, а мотыльки легонько чертят крыльями по чертам ее лица. «На четвертый раз мне удалось перевернуть плоскодонку, влезть в нее, поймать одно весло и направиться к берегу. Я промок насквозь и вдоволь наглотался соленой воды…»[53]

Мод кладет книгу на грудь, смотрит в потолок, а на нее оттуда смотрит домовый геккон. Есть, думает Мод, лишь это, только это. И ничего боль-

---

[53] Примечания: 53

Джошуа Слокам, «Один под парусами вокруг света» (*Sailing Alone Around the World*, 1900), гл. 6; пер. В. Блувштейна.

ше нет.

Кончается завод, свет тускнеет, и она ставит фонарь на пол, выключает его и завертывается в тонкое одеяло, но тут слышит, как тихонько отворяется дверь. Мод ждет — темно, не видно, кто там, — но неизвестный кто-то молчит, поэтому она садится и спрашивает — не очень-то любезно, — кто пришел.

— Это я, — тихо отвечают ей. Детский голосок, девчачий.

— Сделать, чтоб было видно?

— Да.

Мод нашаривает фонарь, заводит, поднимает (как, должно быть, капитан Слокам поднимал фонарь в грозовую ночь — посмотреть, что гремит в полурубке). В дверях Лея.

— Заходи, — говорит Мод.

Заходит Лея, а за ней две чернокожие девочки, двойняшки, которые помогали Мод встать в первый день. Сгрудились у изножья, и Мод смотрит на них, а они смотрят на нее.

— Ты здорова? — спрашивает Мод.

Лея кивает.

— Плохой сон приснился?

Лея трясет головой.

— Голодная?

— Нет, — отвечает Лея.

— Нет, — подхватывают девочки у нее из-за плеча. (Слово «голодный» знают все.)

И тут Лея — может, ее пихнули в спину — обходит кровать и встает прямо перед Мод, у ее колен. Лишь тогда Мод понимает, зачем они пришли. Она разводит руки, и Лея шагает к ней, и Мод обнимает ее секунд десять или пятнадцать. Затем подходит одна двойняшка, а в свой черед и ее сестра. После чего все трое, не сказав больше ни слова, выходят гуськом, и последняя аккуратно закрывает дверь.

Отныне таков ночной ритуал. Стук в дверь, просовывается личико самого храброго ребенка. Приходят по трое или четверо, терпеливо ждут своей очереди обниматься и тихонько уходят. Мод не рассказывает об этом Джессике, но та как-то узнаёт.

— Вы теперь мать, — говорит она, придя посидеть с Мод под манго.

— Я была матерью прежде.

— Но теперь вы их мать.

— Нет, — отвечает Мод. — У них где-то есть свои матери.

Повисает долгая пауза. Девочка растирает в пальцах рыжую землю.

— Ты, — говорит Мод. — Ты им как мать.

— Когда папа вернется, — улыбается девочка, встав на коленки, — может, вы за него выйдете.

— Думаешь, он вернется? — спрашивает Мод. В голове у нее во всех диких подробностях всплывает машина на лесной поляне.

— Конечно, — отвечает Джессика. — С чего бы ему не вернуться?

В ту ночь Мод вновь слышит эту канонаду на грани слышимости. Далекий грохот будит Мод, и она лежит, прислушивается, потом встает и идет к столу, где лежат ее часы. При открытых ставнях света хватает, чтобы разглядеть циферблат, и хотя часы тикают в своем личном часовом поясе — в Ковчеге Мод часов не встречала, — она запоминает, сколько времени, и ложится спать.

Утром она идет с Леей и козами. Спрашивает Лею про шум, сомневается, что девочка поймет, о чем речь, но та сразу кивает, смотрит на Мод и говорит:

– *O trem*.

– *Trem*… поезд?

— Да. Поезд.

— Ты его видела?

— Один раз. С папой. Он любит гулять ночью, когда прохладно.

— Это поезд, который возит людей?

Девочка показывает в небо.

— Сверху, — говорит она.

— Люди на крыше?

Лея кивает.

— А внутри?

Лея трясет головой.

— Он проходил ночью, — говорит Мод. — А в следующий раз когда пройдет?

— Не завтра, — говорит Лея, тыча козу палкой. — И не завтра завтра. И не следующее завтра. А завтра потом.

Мод выставляет руку, считает на пальцах.

— Через четыре дня?

— Четыре дня, — подтверждает Лея.

Первые два дня Мод в нерешительности. Старается смотреть на ситуацию трезво — ну, так она себе говорит. Есть, конечно, проблемы бытового толка, но ведь она — Мод Стэмп, нашли кого пугать бытом. Тогда что остается? Дети? До ее появления дети жили одни месяцами. И нельзя утверждать наверняка, что папа *не* вернется, хотя она больше не хочет видеть его — волшебника, престарелого танцора, человека, в чьей рубашке спит ночами. Тут есть пища, вода, кров. С определенной точки зрения, детям можно только

позавидовать.

На третий день она надевает кроссовки и по тропе идет к холмам. Когда встречает детей — дети работают, дети играют, дети превращают работу в игру, и работа спорится, — они бросают свои занятия и смотрят на нее, а кое-кто подбегает, и Мод минутку беседует с ними, а потом идет дальше. Спустя четверть часа тропа начинает взбираться в гору. Слева и справа земля гола, хотя там и сям — то кожистый суккулент, то заплатка серебристой травы, то кактус (у одного на верхней ветке сидит белая птичка, и Мод принимает ее за цветок, пока он не удирает, заслышав ее шаги).

На полпути вверх по холму начинается полоса деревьев — стволы не выше Мод, кроны прихотливы и раскидисты, а среди сучьев, в хитросплетениях ветвей свою механическую песнь неустанно поют цикады. Миновав деревья, Мод выбирается на голую вершину холма и карабкается на коричного цвета скалу — оглядеть окрестности. Ни единого дома, ни одного стада, совершенно точно никакое солнце не блестит на рельсах — лишь низкие холмы, бесконечно повторяясь, катят к водянистому абрису холмов повыше — может, гор. Надо было взять бинокль, хотя вряд ли бинокль показал бы Мод что-то,

помимо увеличенной пустоты.

Она поворачивает назад, по другой тропе спускается через рощу, и там, у корней дерева побольше, что вздымается над остальными желтым фонтаном, натыкается на деревянный крест и могилу, покрытую узором палой листвы. На кресте надпись, и вырезанные буквы еще четки: «Джинни Плотц 2 августа 1967 — 13 декабря 2007. Воистину преданная Знакам». Мод знала, что она, эта могила, где-то здесь, но не искала, и найти ее вот так, невзначай, — важно, хотя поди объясни почему. Она садится возле холмика. Она устала, вспотела, благодарна дереву за тень. И ей чудится, будто она запоздало повстречалась с этой женщиной, чье присутствие не совсем рассеялось в старых домах на пляже. Джинни Плотц, скончавшаяся от змеиного укуса. Джинни Плотц, которую не исцелили ни Иисус, ни папа, никто. Неоткуда узнать, что она была за женщина, хорошо ли оберегала детей. Мод даже фотографий не видела, не из чего складывать Джинни Плотц — только из одежды, из голоса на пленке, и Мод толком не помнит, что там Джинни Плотц говорила. «Что на суше-то делать будем?» Или это папа спросил, а Джинни ответила что-то про «обтекать»? Хорошо бы она была сейчас рядом, хорошо бы посидеть

с ней в тени этого дерева за тихой беседой — беседой из тех, что у Мод случались так редко, но внезапно так желанны. Джинни Плотц порассказала бы про папу (и наверняка ей нашлось бы что порассказать). А Мод, когда настал бы ее черед, рассказала бы Джинни Плотц то, чего не расскажешь детям; поведала бы, к примеру, про зимнее утро, когда под дождем приехала в дом Рэтбоунов, про миссис Слэд в кухне и как Белла читала Тиму книжку с мужчиной и женщиной, танцевавшими на обложке. И как Тимов отец в кухне подкараулил ее, отвел в тесный салон. Камин, питейный стол и как виски обожгло губы. И поведала бы, что он ей сказал, и прежде чем Джинни Плотц (теперь эта мертвая женщина — подруга Мод) успела бы вскричать: «Ну какой негодяй!», прибавила бы, что сама-то не сочла, будто он совсем неправ, — отчасти он прав. Прельщало ли ее материнство? Хотела ли она стать матерью, как хотели этого другие матери — ну, такое складывалось впечатление? Если по правде, Мод ведь абсолютно устраивало, что это Тим кормит Зои, купает Зои, утешает, знает, какая у нее нынче любимая игрушка, знает, в каком ящике лежат ее зимние маечки, понимает, когда Зои устала, когда уже перебор? Ну что ж. Плохая

мать. Или неважная. И, пожалуй, Мод не так уж сильно огорчена. Плохая мать, что работала с утра до ночи, ходила под парусом, любила ходить под парусом одна, любила быть одна. В то утро по дороге в школу Тим был с Зои всего лишь потому, что Тим был с Зои почти всегда, а Мод, ее мать, не была. Но относительно прочего — дескать, она хладнокровная, ее ничто не трогает — Тимов отец ничегошеньки не понимал и больше ее с ног не собьет.

Мод кладет ладонь на деревянное перекрестье, и ладонь лежит на деревяшке, будто на чужом плече. Затем Мод поднимается, смотрит в петляющие вниз по склону древесные проспекты. Допустим, у тебя есть талант выживать — которого не было у бедняжки Джинни Плотц да и у папы, возможно, не было. В том, чтобы прибегнуть к своему таланту, вроде бы нет ничего плохого. Разве это плохо?

Так или иначе, Мод к нему прибегнет.

Той ночью, после того как дети приходят и уходят, Мод перебирает вещи, привезенные с яхты, кое-что — одежду, телефон, паспорт, документы на яхту — кладет в зеленый рюкзак, а потом долго-долго лежит, размышляя, можно ли доверять Леиным подсчетам. Поутру она разрезает парус-

ный чехол и сооружает из него два свертка. В один складывает антибиотики, пятьдесят американских долларов (еще пятьдесят оставляет себе), остатки феннидина с подробными внятными инструкциями на коробке: по сколько принимать и при каких обстоятельствах. А также полдюжины тампонов — судя по всему содержимому кладовой, папа с мамой так далеко не заглядывали. В другой сверток Мод кладет книгу капитана Слокама, драные морские карты, бинокль, свой нож «Грин ривер» и два фальшфейера — но потом передумывает и один фальшфейер сует в сверток для Джессики.

Вечером они смотрят другой фильм — «Империя наносит ответный удар», — и хотя нескольких ярдов пленки, кажется, не хватает (в какой-то момент включается звуковая дорожка от совершенно другого кино — «Мятежа на “Баунти”»[54]?), дети увлеченно вопят, как на футбольном матче, а после киносеанса несутся на пляж, толкаются и

[54] Примечания: 54

«Империя наносит ответный удар» (*Star Wars: Episode V — The Empire Strikes Back*, 1980) — второй фильм (согласно канону, пятый) эпической космооперы «Звездные войны» Джорджа Лукаса. «Мятеж на “Баунти”» *(Mutiny on the Bounty)* — одна из экранизаций одноименного исторического романа (1932) Чарлза Нордоффа и Джеймса Нормана Холла о бунте на британском судне «Баунти» в 1789 г.; вероятно, имеется в виду версия Льюиса Майлстоуна 1962 г. с Марлоном Брандо, Ричардом Харрисом и Тревором Хауардом в главных ролях.

валяют друг друга в песке.

Чтобы их угомонить, уходит почти полчаса, но когда все умыты, а последний мальчик на усталых ногах прибредает из нужника, Мод вместе с Джессикой заходит в спальни пожелать всем доброй ночи, а затем на вершине лестницы желает доброй ночи самой Джессике — поспешное соприкосновение рук в темноте, дюжина негромких слов. Спустя десять минут приходят обниматься четверо — Дженна, Коннер, Калеб и Фейт. Мод обнимает их, и они уходят. Она смотрит на часы, надевает часы на запястье. Ложится на постель, спит час, грезя о ночном небе, загустевшем от миграции сказочных птиц, чьи крылья на лету рябят лунным светом. Затем встает, переодевается в джинсы, футболку и фуфайку, но кроссовки (то, что от них осталось) пока не надевает. Велик соблазн вновь обрезать волосы, и покороче, но она лишь собирает их в кулак и перевязывает ленточкой от парусного чехла.

Свертки под кроватью. На одном «Т», на другом «Дж». Мод сносит их вниз, прислушивается, идет к двери церкви. Дверь отворяется не беззвучно, но широко открывать не нужно. Внутри Мод включает фонарик на батарейках и следом за лучом шагает по нефу в комнату за алтарем.

Воображает, как внезапно столкнется там с мальчиком, но комната пуста.

Коробки стоят на скамье — там, где Мод видела их в прошлый раз. Она поднимает их по очереди. Две пусты, чувствуется сразу; третья весомее, и ее тяжесть пробуждается на весу. Эту коробку Мод ставит на пол, на ее место кладет свертки, берет фонарик в зубы, берет коробку в руки и возвращается к двери церкви, где останавливается, выключает фонарик и сует в задний карман джинсов. Дальнейшее она уже тщательно обдумала. Инстинкт подталкивал отпустить змей, но мысль о том, что на свободе очутятся полдюжины гадюк, наложилась в мозгу на кадры с босыми детскими ногами. И с собой гадюк тоже не возьмешь. И оставить их в комнатушке нельзя — едва ли это даже вопрос совести. Без Джессики дети могут и не выжить. Без Джессики Тео может попросту последовать за папиной тенью туда, куда уж там, по его мнению, папа уехал.

Мод относит коробку к морю, заходит в воду и топит, держит, пока не отпадает необходимость держать: через воздушные отверстия вода затопляет коробку и придавливает ко дну. Хватает минуты-другой.

У себя в спальне Мод сидит, пытаясь отды-

шаться. Сделанного не воротишь. Она смотрит на часы, надевает кроссовки. Уже завязывает шнурки, и тут дверь открывается, и в комнату проскальзывает фигурка. Лея. Она одета. Они не договаривались — или, может, девочка решила, что договорились. Так или иначе, Мод ей рада. Она надевает рюкзак. Теперь все — лишь касания и шепот. Они спускаются по лестнице, выходят на зады, мимо курятника, мимо сада за стеной и нужника. В одной руке у Леи палка; другой она держит за руку Мод. Ведет ее прочь от тропы, к низкому серому куполу водяной цистерны и пальмам. Полумесяц бросает на землю худосочные тени одиноких деревьев, кактусов, черных валунов. Фонарик не включают, толком не разговаривают. Мод запаслась водой, взяла несколько манго и печений, лепешку. Лея прихватила свою камуфляжную флягу — ту, что поднесла к губам Мод при первой встрече. Идти легко. Земля ровна и верна, однако ходьба по ночам — это тебе не ходьба днем. Глаза меняются; мозг предположительно тоже. Как-то в Бристоле, на третьем курсе, днем сидя в библиотеке, Мод пролистала какую-то журнальную статью — может, в «Селл» или в «Биоэссе», — и помнит про колбочки, палочки, родопсин; помнит, как сидела под окном, смотре-

ла на предвечерние облака над бизнес-центрами и древними церквями, — молодая женщина, что порой, хоть и нечаянно, приводила людей в замешательство…

Лея останавливается. Находятся они, по всей видимости, нигде.

— Здесь? — спрашивает Мод.

Лея тычет пальцем. Сначала — металл размыт лунным светом — похоже на ручейки, узенькие речки, однако это железнодорожные пути, и до них сто ярдов, и они бегут по низкой насыпи между равниной и склоном.

Мод с Леей садятся в пыли, отпивают воды, съедают по печенью. Они ждут; плывет луна; поезд, разумеется, не придет. Поезд невозможно даже вообразить. Девочка прислоняется головой к плечу Мод, затем сползает ей на колени и спит. Мод смотрит на часы. Она толком не думала, что будет делать, если поезд не придет, а торчать тут всю ночь с ребенком нельзя. Еще час, максимум час — и надо возвращаться. И узреть гнев мальчика.

Затем в мир входит новый звук. Девочка открывает глаза и садится. За руку отводит Мод к низкорослому жалкому деревцу, калеке с худосочным кривым стволом, будто рост для него — мучение. Мод не понимает, откуда едет по-

езд, но Лея знает и оборачивается — на юг? — за несколько секунд до того, как вспыхивает прожектор. Теперь все зависит от скорости поезда, от того, насколько Леино воспоминание (приходила сюда в прохладе ночи с папой) правдиво, но судя по тому, как подползает прожектор — четкий конус желтого света, — поезд этот, как Лея и обещала, можно обогнать на своих двоих.

Но какой грохот! Рев, лязг, скрежет. Словно армия Старого Света на марше, колонна конкистадоров с осадными башнями, и награбленным добром, и потускневшими латами. Прожектор расталкивает темноту, являет глазам фантастичный марсианский пейзаж. Мод и Лея стоят, укрывшись за стволом дерева, наблюдают завороженно. Затем Мод наклоняется к Лее и говорит ей в ухо:

— Хочешь со мной?

Та качает головой, что-то отвечает, и Мод разбирает лишь слово «козы» (вообще-то смахивает на «слезы»). Мод кивает. Разговаривать теперь поздно. Она снимает риф-штерт, заколку на риф-штерте, и вешает девочке на шею.

Поезд почти с ними поравнялся — за двойным ветровым стеклом размазанное пятно света, десятисекундный кадр с машинистом, словно об-

мершим во сне. За первым локомотивом второй, пыхает выхлопами через прорези. Затем первый вагон, а затем и остальные: одни выкрашены белым, другие потемнее, у одних на боку слова — «АЛЬБРАС», «АНЖИН», «КОРПОРАЦИЯ ФМК», — у других водоворотные завитки граффити. А на крышах вагонов, точно на вершине высоченной стены, съежились тени людей, толпы теней, темно-синих на бледнеющей синеве неба…

Сколько проехало вагонов? Сорок? Пятьдесят? Пол — в четырех футах над полотном, а то и повыше, но на всех вагонах ступеньки и лесенки, целая надстройка из поручней и опор. Красный свет, мягкий и отчего-то прекрасный, обозначает конец поезда. Мод касается волос Леи, ее тепла. Затем приседает с рюкзаком за спиной, а едва хвостовой огонь рисует краснотой по ее лицу, вскакивает и пускается бежать.

Правду сказать, девочка не видит, как Мод забирается на поезд, пропускает тот миг, когда Мод, наверное, подпрыгнула и за что-то уцепилась, но поезд, что приближался так долго, удаляется за считаные минуты, и когда его огней больше нет, нет больше и женщины. Лея окликает ее по имени дважды, трижды, но ответа не слышит. Пути пусты, и мир снова беззвучен.

6

На автостоянке верфи Крис Тоттен и Роберт Карри стоят у передних дверей вишневой «хонды». Наклоняются, заглядывают в машину, сквозь окна видят расплывчатые лица друг друга. Роберт Карри дергает дверцу, но машина, конечно, заперта. Они обходят ее по кругу, меняются местами, снова заглядывают внутрь, будто надеются, поменяв ракурс, увидеть что-нибудь дельное. В тридцати ярдах от них человек в желтой каске и сигнальной куртке машет руками, через окно заднего вида командуя пятящейся бетономешалкой. Когда умолкает бибиканье, снова слышны чайки.

Из-за рецессии планы касательно марины поскромнели. В отеле будет всего один ресторан, и упор теперь делается на конференц-залы, однако деньги поступают не из британских банков, не из цюрихских и не из американских. Эти деньги пляшут под совсем другую дудку, и первый этап — расчистка территории — уже начался и движется по плану. «Хонду» покрыла пыль строительных работ. На ветровом стекле — оповещения, призывающие владельца отогнать машину. Срок,

указанный на оповещениях, уже миновал. В этом секторе автостоянки других машин нет.

Внутри толком ничего интересного. Бутылка воды на переднем сиденье, дорожный атлас на заднем, а на резиновом коврике внизу — какая-то, что ли, коробочка с визитками. Рядом с акцизным диском (истекает всего через месяц) — розово-зеленое разрешение на парковку в Кройдонской университетской больнице.

— Не оставлять же ее здесь, — говорит Роберт Карри. Оба снова медленно огибают машину.

— Здесь ничего нельзя оставлять, — отвечает Крис Тоттен. На нем костюм, туфли дорогие, однако носы у туфель потерты.

— У меня есть место, — говорит Роберт Карри. — Только ее надо краном.

— К тебе?

— Ага.

— Место есть, значит?

— Ага.

— Заметано, — говорит Крис Тоттен, снова наклонившись посмотреть на этот голый, этот невзрачный интерьер. — Так и поступим.

Они шагают прочь от машины. Бетономешалка опять сдает назад. Вот тебе и грядущее.

— Тогда до закрытия, — говорит Крис Тоттен, и

его голос глушит бибиканье. Оба отворачиваются от «хонды» и идут к воде. На боку машины, на водительской дверце, один пальцем нарисовал в пыли сердечко.

Благодарности

Спасибо Джеймсу Маккензи, Лиз Бейкер и Джону Притчарду. Также спасибо (снова) Беатрис Монти делла Корте и Фонду святой Магдалины в Тоскане, где зародилась эта книга. И, как всегда, спасибо моему агенту Саймону Труину из WME и моему редактору Кэрол Уэлч в издательстве *Sceptre*.

Писательство — одинокий труд; но равно и общий.